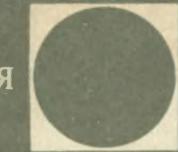


Мир  
Роберта Шекли

Зарубежная фантастика



# Миры Роберта Шекли

Сборник  
научно-фантастических  
рассказов



Издательство «Мир» Москва



Зарубежная



фантастика





Зарубежная



фантастика

# Миры Роберта Шекли

Сборник  
научно-фантастических  
рассказов

Перевод с английского  
Послесловие С. Абрамова

МОСКВА «МИР» 1984

И(Амер)  
Ш40

Шекли Р.

Ш40 Миры Роберта Шекли: Сб. науч.-фант. рассказов: Пер. с англ./Послесл. С. Абрамова. — М.: Мир, 1984. — 400 с. — (Зарубежная фантастика)

Сборник крупнейшего современного американского писателя-фантаста Роберта Шекли, включающий наряду с известными, ранее публиковавшимися рассказами, произведения, впервые издающиеся в русском переводе.  
Для любителей научной фантастики.

III  $\frac{470100000-469}{041(01)-84}$  179—84, ч. 1

ББК 84.7 США  
И(Амер)

*Редакция научно-популярной  
и научно-фантастической литературы*

© «Мир», 1984

## Заповедная зона\*

— Славное местечко, правда, капитан? — с на-  
рочитой небрежностью сказал Симmons, глядя в ил-  
люминатор. — С виду прямо рай.

И он зевнул.

— Выходить вам еще рано, — ответил капитан  
Килпеппер и увидел, как вытянулась физиономия  
разочарованного биолога.

— Но, капитан...

— Нет.

Килпеппер поглядел в иллюминатор на волнистый  
луг. Трава, усеянная алыми цветами, казалась такой  
же свежей, как два дня назад, когда корабль совер-  
шил посадку. Правее луга пестрел желтыми и оран-  
жевыми соцветьями коричневый лес. Левее вставали  
холмы, в их окраске перемежались оттенки голубого  
и зеленого. С невысокой горы сбегал водопад.

Деревья, цветы и прочее. Что и говорить, недур-  
но выглядит планета, и как раз поэтому Килпеппер  
ей не доверяет. На своем веку он сменил двух жен и  
пять новехоньких кораблей и по опыту знал, что за  
очаровательной внешностью может скрываться вся-  
кое. А пятнадцать лет космических полетов прибави-  
ли ему морщин на лбу и седины в волосах, но не да-  
ли никаких оснований отказаться от этого недоверия.

— Вот отчеты, сэр.

Помощник капитана Мориней подал Килпепперу  
пачку бумаг. На широком, грубо вылепленном лице

\* Пер. изд.: Sheckley R. Restricted Area: Amazing Stories,  
N. Y., 1953.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

Мориная — нетерпение. Киллппер услыхал, как за дверью шепчутся и переминаются с ноги на ногу. Он знал, там собралась команда, ждет, что он скажет на этот раз.

Всем до смерти хочется выйти наружу.

Киллппер перелистал отчеты. Все то же, что в предыдущих четырех партиях. Воздух пригоден для дыхания и не содержит опасных микроорганизмов; бактерий никаких, радиация отсутствует. В соседнем лесу есть какие-то животные, но пока они себя никак не проявляли. Показания приборов свидетельствуют, что на несколько миль южнее имеется большая масса металла, возможно, в горах скрыто богатое рудное месторождение. Надо обследовать подробнее.

— Все прекрасно, — с огорчением сказал Киллппер. Отчеты вызывали у него неясную тревогу. По опыту он знал — с каждой планетой что-нибудь да неладно. И лучше выяснить это с самого начала, пока не стряслось беды.

— Можно нам выйти, сэр? — стоя на вытяжку, спросил коротышка Мориней.

Киллппер прямо почувствовал, как команда за дверью затаила дыхание.

— Не знаю. — Киллппер почесал в затылке, пытаясь найти предлог для нового отказа. Наверняка тут что-нибудь да неладно. — Хорошо, — сказал он наконец. — Покуда выставьте полную охрану. Выпустите четверых. Дальше двадцати пяти футов от корабля не отходить.

Хочешь не хочешь, а людей надо выпустить. Иначе после шестнадцати месяцев полета в жаре и в тесноте они просто взбунтуются.

— Слушаю, сэр! — и помощник капитана выскочил за дверь.

— Полагаю, это значит, что и ученым можно выйти, — сказал Симмонс, сжимая руки в карманах.

— Конечно, — устало ответил Килпеппер. — Я иду с вами. В конце концов, если наша экспедиция и погибнет, невелика потеря.

После шестнадцати месяцев в затхлой, искусственно возобновляемой атмосфере корабля воздух безымянной планеты был упоительно сладок. С гор налетал несильный свежий бодрящий ветерок.

Капитан Килпеппер скрестил руки на груди, пытливо принюхался. Четверо из команды бродили взад-вперед, разминали ноги, глубоко с наслаждением вдыхали эту свежесть. Ученые сошлись в кружок, гадая, с чего начинать. Симмонс нагнулся, сорвал травинку.

— Странная штука, — сказал он, разглядывая травинку на свет.

— Почему странная? — спросил подходя Килпеппер.

— А вот посмотрите. — Худощавый биолог поднял травинку повыше. — Все гладко. Никаких следов клеточного строения. Ну-ка, поглядим... — он наклонился к красному цветку.

— Эй! К нам гости! — космонавт по фамилии Флинн первым заметил туземцев. Они вышли из лесу и рысцой направились по лугу к кораблю.

Капитан Килпеппер быстро глянул на корабль. Охрана у орудий начеку. Для верности он тронул оружие на поясе и остановился в ожидании.

— Ну и ну! — пробормотал Эреймик.

Лингвист экспедиции, он рассматривал приближающихся туземцев с чисто профессиональным интересом. Остальные земляне просто таращили глаза.

Первым шагало существо с жирафьей шеей не меньше восьми футов в вышину, но на коротких и толстых бегемотовых ногах. У него была веселая, при-

ветливая физиономия. И фиолетовая шкура в крупный белый горошек.

За ним следовали пять белоснежных зверьков размером с терьера, у этих вид был важный и глуповатый. Шествие заключал толстячок красного цвета с длиннейшим, не меньше шестнадцати футов, зеленым хвостом.

Они остановились перед людьми и поклонились. Долгая минута прошла в молчании, потом раздался взрыв хохота.

Казалось, хохот послужил сигналом. Пятеро белых малышей вскочили на спину жирафопотама. Посуетились минуту, потом взобрались друг дружке на плечи. И еще через минуту вся пятерка вытянулась вверх, удерживая равновесие, точь-в-точь цирковые акробаты.

Люди бешено зааплодировали.

И сейчас же красный толстячок начал раскачиваться, стоя на хвосте.

— Браво! — крикнул Симмонс.

Пять мохнатых зверьков спрыгнули с жирафьей спины и принялись плясать вокруг зеленохвостого красного поросенка.

— Ура! — выкрикнул Моррисон, бактериолог.

Жирафопотам сделал неуклюжее сальто, приземлился на одно ухо, кое-как поднялся на ноги и низко поклонился.

Капитан Килпеппер нахмурился, крепко потер руки. Он пытался понять, почему туземцы так странно себя ведут.

А те запели. Мелодия странная, но ясно, что это песня. Так они музиковали несколько секунд, потом раскланялись и начали кататься по траве.

Четверо из команды корабля все еще аплодировали. Эреймик достал записную книжку и записывал звуки, которые издавали туземцы.

— Ладно, — сказал Киллпеппер. — Команда, на борт.

Четверо посмотрели на него с упреком.

— Дайте и другим поглядеть, — сказал капитан. И четверо нехотя гуськом поплелись к люку.

— Надо думать, вы хотите еще к ним присмотреться, — сказал Киллпеппер ученым.

— Разумеется, — ответил Симмонс. — Никогда не видели ничего подобного.

Киллпеппер кивнул и вернулся в корабль. Навстречу уже выходила другая четверка.

— Мориней! — закричал капитан. Помощник влез в рубку. — Подите поищите, что там за металл. Возьмите с собой одного из команды и все время держите с нами связь по радио.

— Слушаю, сэр, — Мориней широко улыбнулся. — Приветливый тут народ, правда, сэр?

— Да, — сказал Киллпеппер.

— Славная планетка, — продолжал помощник.

— Да.

Мориней пошел за снаряжением.

Капитан Киллпеппер сел и принял гадать, что же неладно на этой планете.

Почти весь следующий день он провел, разбираясь в новых отчетах. Под вечер отложил карандаш и пошел пройтись.

— Найдется у вас минута, капитан? — спросил Симмонс. — Хочу показать вам кое-что в лесу.

Киллпеппер по привычке что-то проворчал, но пошел за биологом. Ему и самому любопытно было поглядеть на этот лес.

По дороге к ним присоединились трое туземцев. Эти очень походили на собак, только вот окраска не та — все трое красные в белую полоску, точно леденцы.

— Ну вот, — сказал Симмонс с плохо скрытым нетерпением, — поглядите кругом. Что тут, по-вашему, странного?

Капитан огляделся. Стволы у деревьев очень толстые, и растут они далеко друг от друга. Так далеко, что между ними видна следующая прогалина.

— Что ж, — сказал Киллпеппер, — тут не заблудишься.

— Не в том дело, — сказал Симмонс. — Смотрите еще.

Киллпеппер улыбнулся. Симмонс привел его сюда, потому что капитан для него куда лучший слушатель, чем коллеги-ученые, те заняты каждый своим.

Позади прыгали и реввились трое туземцев.

— Тут нет подлеска, — сказал Киллпеппер, когда они прошли еще несколько шагов.

По стволам деревьев карабкались вверх какие-то вьющиеся растения, все в многокрасочных цветах. Откуда-то слетела птица, на миг повисла, трепеща крылышками, над головой одной из красно-белых, как леденец, собак и улетела.

Птица была серебряная с золотом.

— Ну как, не замечаете, что тут неправильно? — нетерпеливо спросил Симмонс.

— Только очень странные краски, — сказал Киллпеппер. — А еще что не так?

— Посмотрите на деревья.

Деревья увешаны были плодами. Все плоды висели гроздьями на самых нижних ветках и поражали разнообразием красок, форм и величины. Были такие, что походили на виноград, а другие — на бананы, и на арбузы, и...

— Видно, тут множество разных сортов, — наугад сказал Киллпеппер, он не очень понимал, на что Симмонс хочет обратить его внимание.

— Разные сорта! Да вы присмотритесь. Десять совсем разных плодов растут на одной и той же ветке.

И в самом деле, на каждом дереве — необыкновенное разнообразие плодов.

— В природе так не бывает, — сказал Симмонс. — Конечно, я не специалист, но точно могу определить, что это плоды совсем разных видов, между ними нет ничего общего. Это не разные стадии развития одного вида.

— Как же вы это объясняете? — спросил Килпеппер.

— Я-то объяснять не обязан, — усмехнулся биолог. — А вот какой-нибудь бедняга ботаник хлопот не оберется.

Они повернули назад к кораблю.

— Зачем вы пошли сюда, в лес? — спросил капитан.

— Я? Кроме основной работы я немножко занимаюсь антропологией. Хотел выяснить, где живут наши новые приятели. Не удалось. Не видно ни дорог, ни какой-либо утвари, ни расчищенных участков земли, ничего. Даже пещер нет.

Килпепера не удивило, что биолог накоротке занимается еще и антропологическими наблюдениями. В такую экспедицию, как эта, невозможно взять специалистов по всем отраслям знания. Первая забота — о жизни самих астронавтов, значит, нужны люди, сведущие в биологии и в бактериологии. Затем — язык. А уж потом ценятся познания в ботанике, экологии, психологии, социологии и прочее. Когда они подошли к кораблю, кроме прежних животных — или туземцев — там оказалось еще восемь или девять птиц. Все тоже необычайно яркой раскраски — в горошек, в полоску, пестрые. Ни одной бурой или серой.

Помощник капитана Мориней и член команды Флинн выбрались на опушку леса и остановились у подножья невысокого холма.

— Что, надо лезть в гору? — со вздохом спросил Флинн, на спине он тащил громоздкую фотокамеру.

— Придется, стрелка велит, — Мориней ткнул пальцем в циферблат. Прибор показывал, что как раз за гребнем холма есть большая масса металла.

— Надо бы в полет брать с собой автомашины, — сказал Флинн, сгибаясь, чтобы не так тяжело было подниматься по некрутому склону.

— Ага, или верблюдов.

Над ними пикорвали, парили, весело щебетали красные с золотом пичуги. Ветерок колыхал высокую траву, мягко напевал в листве недального леса. За ними шли двое туземцев. Оба очень походили на лошадей, только шкура у них была в белых и зеленых крапинах. Одна лошадь галопом пустилась по кругу, центром круга оказался Флинн.

— Чистый цирк! — сказал он.

— Ага, — подтвердил Мориней.

Они поднялись на вершину холма и начали было дускаться. И вдруг Флинн остановился.

— Смотри-ка!

У подножья холма стояла тонкая прямая металлическая колонна. Оба вскинули головы. Колонна вадымалась выше, выше, вершину ее скрывали облака.

Они поспешили спуститься с холма и стали осматривать колонну. Вблизи она оказалась солиднее, чем подумалось с первого взгляда. Около двадцати футов в попечнике, прикинул Мориней. Металл голубовато-серый, похоже на сплав вроде стали, решил он. Но, спрашивается, какой сплав может выдержать при такой высоте?

— Как, по-твоему, далеко до этих облаков? — спросил он.

Флинн задрал голову.

— Кто его знает, добрых полмили. А может, и вся миля.

При посадке колонну не заметили за облаками, да притом, голубовато-серая, она сливалась с общим фоном.

— Невозможная штука, — сказал Мориней. — Любопытно, какая сила сжатия в этой машине?

Оба в почтительном испуге уставились на исполинскую колонну.

— Что ж, — сказал Флинн, — буду снимать.

Он спустил с плеч камеру, сделал три снимка на расстоянии в двадцать футов, потом, для сравнения, снял рядом с колонной Моринея. Следующие три снимка он сделал, направив объектив кверху.

— По-твоему, что это такое? — спросил Мориней.

— Это пускай наши умники соображают, — сказал Флинн. — У них, пожалуй, мозга за мозгу заскочит. — И опять взвалил камеру на плечи. — А теперь надо топать обратно. — Он взглянул на зеленых белых лошадей. — Приятней бы, конечно, верхом.

— Ну-ну, валяй, сломишь себе шею, — сказал Мориней.

— Эй, друг, поди сюда, — позвал Флинн.

Одна из лошадей подошла и опустилась подле него на колени. Флинн осторожно забрался ей на спину. Усевся верхом и ухмыляясь поглядел на Моринея.

— Смотри не расшиби аппарат, — предостерег Мориней, — это государственное имущество.

— Ты славный малый, — сказал Флинн лошади.

— Ты умница.

Лошадь поднялась на ноги и улыбнулась.

— Увидимся в лагере, — сказал Флинн и направил своего коня к холму.

— Погоди минутку, — сказал Мориней. Хмуро поглядел на Флинна, потом поманил вторую лошадь.

— Поди сюда, друг.

Лошадь опустилась подле него на колени, и он уселся верхом.

Минуту-другую они на пробу ездили кругами. Лошади повиновались каждому прикосновению. Их широкие спины оказались на диво удобными. Одна красная с золотом пичужка опустилась на плечо Флинна.

— Ого, вот это жизнь, — сказал Флинн и похлопал своего коня по шелковистой шее. — Давай к лагерю, Мориней, кто доскачет первым.

— Давай, — согласился Мориней.

Но как ни подбадривали они коней, те не желали переходить на рысь и двигались самым неспешным шагом.

Киллпеппер сидел на корточках возле корабля и наблюдал за работой Эреймика. Лингвист был человек терпеливый. Его сестры всегда удивлялись братину терпению. Коллеги неизменно воздавали хвалу этому его достоинству, а в годы, когда он преподавал, его за это ценили студенты. И теперь ему понадобились все запасы выдержки, накопленные за шестнадцать лет.

— Хорошо, попробуем еще раз, — сказал Эреймик спокойнейшим тоном. Перелистал «Разговорник для общения с инопланетянами второго уровня разумности» (он сам же и составил этот разговорник), нашел нужную страницу и показал на чертеж.

Животное, сидящее рядом с Эреймиком, походило на невообразимую помесь бурундуком с гималайским

медведем пандой. Одним глазом оно покосилось на чертеж. Другой глаз нелепо вращался в глазнице.

— Планета, — сказал Эреймик и показал пальцем.  
— Планета.

Подошел Симмонс.

— Извините, капитан, я хотел бы тут поставить рентгеновский аппарат.

— Пожалуйста.

Киллспер подвинулся, освобождая биологу место для его снаряжения.

— Планета, — повторил Эреймик.

— Элам *вессел холам крам*, — приветливо промолвил бурундук-панда.

Черт подери, у них есть язык. Они произносят звуки, несомненно что-то означающие. Стало быть, надо только найти почву для взаимопонимания. Овладели ли они простейшими отвлечеными понятиями? Эреймик отложил книжку и показал пальцем на бурундука-панду.

— Животное, — сказал он и посмотрел выжидательно.

— Придержи его, чтоб не шевелился, — попросил Симмонс и навел на туземца рентгеновский аппарат.

— Вот так, хорошо. Еще несколько снимков.

— Животное, — с надеждой повторил Эреймик.

— *Ифул бифул бокс*, — сказало животное. — *Хофул тофул локс, рамадан, самдуран, ифул бифул бокс*.

Терпенье, напомнил себе Эреймик. Держаться уверенно. Бодрее. Не падать духом.

Он взял другой справочник. Этот назывался «Разговорник для общения с инопланетянами первого уровня разумности».

Он отыскал нужную страницу и отложил книжку. С улыбкой поднял указательный палец.

— Один, — сказал он.

Животное подалось вперед и понюхало палец.

Эреймик хмуро улыбнулся, выставил второй палец.

— Два, — сказал он. И, выставив третий палец: — Три.

— Углекс, — неожиданно заявило животное.

Так они обозначают число «один»?

— Один, — еще раз сказал Эреймик и опять покачал указательным пальцем.

— Вересеревеф, — благодушно улыбаясь, ответило животное.

Неужели это — еще одно обозначение числа «один»?

— Один, — снова сказал Эреймик.

— Севеф хевеф улуд крам, араган, билиган, хомус драм, — запел бурундук-панда.

Потом поглядел на трепыхающиеся под ветерком страницы «Разговорника» и опять перевел взгляд на лингвиста, который с замечательным терпением подавил в себе желание придушить этого зверя на месте.

Когда вернулись Мориней с Флинном, озадаченный капитан Киллпеппер стал разбираться в их отчете. Пересмотрел фотографии, старательно, в подробностях изучал каждую.

Металлическая колонна — круглая, гладкая, явно искусственного происхождения. От народа, способного сработать и воздвигнуть такую штуку, можно ждать неприятностей. Крупных неприятностей.

Но кто поставил здесь эту колонну? Уж, конечно, не веселое глупое зверье, которое вертится вокруг корабля.

— Так вы говорите, вершина колонны скрыта в облаках? — переспросил Киллпеппер.

— Да, сэр, — сказал Мориней. — Этот чертов шест, наверно, вышиной в целую милю.

— Возвращайтесь туда, — распорядился капитан. — Возьмите с собой радар. Возьмите, что надо для инфракрасной съемки. Мне нужен снимок верха этой колонны. Я хочу знать точно, какой она вышина и что там наверху. Да побыстрей.

Флинн и Мориней вышли из рубки.

Килпеппер с минуту рассматривал еще не проходившие снимки, потом отложил их. Одолеваемый смутными опасениями, прошел в корабельную лабораторию. Какая-то бессмысленная планета, вот что тревожно. На горьком опыте Килпеппер давно убедился: во всем на свете есть та или иная система. Если ее вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя.

Бактериолог Моррисон был малорослый унылый человечек. Сейчас он казался просто придатком к своему микроскопу.

— Что-нибудь обнаружили? — спросил Килпеппер.

Моррисон поднял голову, прищурился и замигал.

— Обнаружил полное отсутствие кое-чего, — сказал он. — Обнаружил отсутствие черт знает какой прорвы кое-чего.

— То есть?

— Я исследовал образцы цветов, — сказал Моррисон, — и образцы почвы, брал пробы воды. Пока ничего определенного, но наберитесь храбрости.

— Набрался. А в чем дело?

— На всей планете нет никаких бактерий.

— Вот как? — только и нашелся сказать капитан. Новость не показалась ему такой уж потрясающей. Но по лицу и тону бактериолога можно было подумать, будто вся планета состоит из зеленого сыра.

— Да, вот так. Вода в ручье чище дистиллированной. Почва на этой планете стерильней прокипяченного скальпеля. Единственные микроорганиз-

мы — те, что привезли с собой мы. И они вымирают.

— Каким образом?

— В составе здешней атмосферы я нашел три дезинфицирующих вещества, и, наверно, есть еще десяток, которых я не обнаружил. То же с почвой и с водой. Вся планета стерилизована!

— Ну и ну, — сказал Киллпеппер. Он не вполне оценил смысл этого сообщения. Его все еще одолевала тревога из-за стальной колонны. — А что это, по-вашему, означает?

— Рад, что вы спросили, — сказал Моррисон. — Да, я очень рад, что вы об этом спросили. А означает это просто-напросто, что такой планеты не существует.

— Бросьте.

— Я серьезно. Без микроорганизмов никакая жизнь невозможна. А здесь отсутствует важное звено жизненного цикла.

— Но планета, к несчастью, существует, — Киллпеппер мягко повел рукой вокруг. — Есть у вас какие-нибудь другие теории?

— Да, но сперва я должен покончить со всеми образцами. Хотя кое-что я вам скажу, может быть, вы сами подберете этому объяснение.

— Ну-ка.

— Я не нашел на этой планете ни одного камешка. Строго говоря, это не моя область, но ведь каждый из нас, участников экспедиции, в какой-то мере мастер на все руки. Во всяком случае, я кое-что смыслю в геологии. Так вот, я нигде не видел ни единого камешка или булыжника. Самый маленький, по моим расчетам, весит около семи тонн.

— Что же это означает?

— А, вам тоже любопытно? — Моррисон улыбнулся. — Прошу извинить. Мне надо успеть до ужина закончить исследование образцов.

Перед самым заходом солнца проявлены были рентгеновские снимки всех животных. Капитана ждало еще одно странное открытие. От Моррисона он уже слышал, что планета, на которой они находятся, существовать не может. Теперь Симmons заявил, что не могут существовать здешние животные.

— Вы только посмотрите на снимки, — сказал он Киллпепперу. — Смотрите. Видите вы какие-нибудь внутренние органы?

— Я плохо разбираюсь в рентгеновских снимках.

— А вам и незачем разбираться. Просто смотрите.

На снимках видно было немного костей и два-три каких-то органа. На некоторых можно было различить следы нервной системы, но большинство животных словно бы состояло из однородного вещества.

— Такого внутреннего строения и на дождевого червя не хватит, — сказал Симmons. — Невозможная упрощенность. Нет ничего, что соответствовало бы легким и сердцу. Нет кровообращения. Нет мозга. Нервной системы кот наплакал. А когда есть какие-то органы, в них не видно ни малейшего смысла.

— И ваш вывод...

— Эти животные не существуют, — весело сказал Симmons. В нем было сильно чувство юмора, и мысль эта пришла ему по вкусу. Забавно будет напечатать научную статью о несуществующем животном.

Мимо, вполголоса ругаясь, шел Эреймик.

— Удалось разобраться в их наречии? — спросил Симmons.

— Нет! — выкрикнул Эреймик, но тут же смущился и покраснел. — Извините. Я их проверял на всех уровнях разумности, вплоть до класса ББ-3. Это уровень развития амебы. И никакого отклика.

— Может быть, у них совсем отсутствует мозг? — предположил Килпеппер.

— Нет. Они способны проделывать цирковые трюки, а для этого требуется некоторая степень разумности. И у них есть какое-то подобие речи и явная система рефлексов. Но что им ни говори, они не обращают на тебя внимания. Только и знают, что поют песенки.

— По-моему, всем нам надо поужинать, — сказал капитан. — И, пожалуй, не помешает глоток-другой подкрепляющего.

Подкрепляющего за ужином было вдоволь. После полудюжины глотков учёные несколько пришли в себя и смогли наконец рассмотреть кое-какие предположения. Они сопоставили полученные данные.

*Установлено:* туземцы — или животные — лишены внутренних органов, систем размножения и пищеварения. Налицо не менее трех дюжин разных видов, и каждый день появляются новые.

То же относится к растениям.

*Установлено:* планета свободна от каких-либо микробов — явление, из ряда вон выходящее — и сама себя поддерживает в состоянии стерильности.

*Установлено:* у туземцев имеется язык, но они явно не способны кого-либо ему научить. И сами не могут научиться чужому языку.

*Установлено:* нигде вокруг нет мелких или крупных камней.

*Установлено:* имеется гигантская стальная колонна высотой не меньше полутора километров, точнее удастся определить, когда будут проявлены новые снимки. Никаких следов машинной цивилизации не обнаружено, однако эта колонна явно продукт такой цивилизации. Стало быть, кто-то эту колонну сработал и здесь поставил.

— Сложите все факты вместе — и что у вас получится? — спросил Килпеппер.

— У меня есть теория, — сказал Моррисон. — Красивая теория. Хотите послушать?

Все сказали, что хотят, промолчал один Эреймик, он все еще маялся от того, что не сумел расшифровать язык туземцев.

— Как я понимаю, эта планета кем-то создана искусственно. Иначе не может быть. Ни одно племя не может развиться без бактерий. Планету создали существа, обладающие высочайшей культурой, тоже, что воздвигли тут стальную колонну. Они сделали планету для этих животных.

— Зачем? — спросил Килпеппер.

— Вот в этом-то и красота, — мечтательно сказал Моррисон. — Чистый альтруизм. Поглядите на туземцев. Беззаботные, итравые. Не знают никакого насилия, свободны от каких-либо дурных привычек. Разве они не заслуживают отдельного мира? Мира, где им можно играть и развиваться и где всегда лето?

— И правда, очень красиво, — сказал Килпеппер, сдерживая усмешку. — Но...

— Здешний народ — напоминание, — продолжал Моррисон. — Весьма всем, кто попадет на эту планету, что разумные существа могут жить в мире.

— У вашей теории есть одно уязвимое место, — возразил Симмонс. — Эти животные не могли разиться естественным путем. Вы видели рентгеновские снимки.

— Да, верно, — мечтатель в Моррисоне вступил в короткую борьбу с биологом и потерпел поражение. — Может быть, они роботы.

— Вот это, по-моему, и есть объяснение, — сказал Симмонс. — Как я понимаю, то же племя, которое создало стальную колонну, создало и этих жи-

вотных. Это слуги, рабы. Знаете, они, пожалуй, даже думают, что мы и есть их хозяева.

— А куда девались настоящие хозяева? — спросил Моррисон.

— Почем я знаю, черт возьми? — сказал Симmons.

— И где эти хозяева живут? — спросил Киллпеппер. — Мы не обнаружили ничего похожего на жилье.

— Их цивилизация ушла так далеко вперед, что они не нуждаются в машинах и домах. Их жизнь непосредственно слита с природой.

— Тогда на что им слуги? — безжалостно спросил Моррисон. — И зачем они построили эту колонну?

В тот вечер готовы были новые снимки стальной колонны, и ученые жадно принялись их исследовать. Высота колонны оказалась около мили, вершину скрывали плотные облака. Наверху, по обе стороны, под прямым углом к колонне выдавались длинные, в восемьдесят пять футов выступы.

— Похоже на наблюдательный пункт, — сказал Симmons.

— Что они могут наблюдать на такой высоте? — спросил Моррисон. — Там, кроме облаков, ничего не увидишь.

— Может быть, они любят смотреть на облака, — заметил Симmons.

— Я иду спать, — с отвращением сказал капитан.

Наутро Киллпеппер проснулся с ощущением: что-то неладно. Он оделся и вышел из корабля. Ветерок — и тот доносил какое-то неуловимое неблагополучие. Или просто разыгрались нервы?

Килпеппер покачал головой. Он доверял своим предчувствиям. Они означали, что у него в подсознании завершился некий ход рассуждений.

Возле корабля как будто все в порядке. И животные тут же, лениво бродят вокруг.

Килпеппер свирепо поглядел на них и обошел корабль кругом. Ученые уже взялись за работу, они пытались разгадать тайны планеты. Эреймик пробовал понять язык серебристо-зеленого зверька со скорбными глазами. В это утро зверек был необычно вял. Он еле слышно бормотал свои песенки и не удостаивал Эреймика вниманием.

Килпепперу вспомнилась Цирцея. Может быть, это не животные, а люди, которых обратил в зверей какой-нибудь злой волшебник? Капитан отмахнулся от нелепой фантазии и пошел дальше.

Команда не замечала перемены по сравнению со вчерашним. Все пошли к водопаду купаться. Килпеппер отрядил двоих провести микроскопический анализ стальной колонны.

Колонна тревожила его больше всего. Ученых она, видно, нисколько не занимала, но капитан этому не удивлялся. У каждого свои заботы. Вполне понятно, что для лингвиста на первом месте язык здешнего народа, а ботаник ищет ключ к загадкам планеты в деревьях, приносящих несусветное разнообразие плодов.

Ну а сам-то он что думает? Капитан Килпеппер перебирал свои догадки. Ему необходима обобщающая теория. Есть же какая-то единая основа у всех этих непонятных явлений.

Какая тут подойдет теория? Почему на планете нет микробов? Почему нет камней? Почему, почему, почему? Наверняка всему есть более или менее простое объяснение. Оно почти уже нащупывается — но не до конца.

Капитан сел в тени корабля, прислонился к опоре и попробовал собраться с мыслями.

Около полудня к нему подошел Эреймик. И один за другим швырнул свои лингвистические справочники о бок корабля.

— Выдержка, — заметил Киллпеппер.

— Я сдаюсь, — сказал Эреймик. — Эти скоты теперь уже вовсе не обращают на меня внимания. Они больше почти и не разговаривают. И перестали показывать фокусы.

Киллпеппер поднялся и подошел к туземцам. Да, прежней живости как не бывало. Они слоняются вокруг, такие вялые, словно дошли до крайнего истощения.

Тут же стоит Симмонс и что-то помечает в записной книжке.

— Что случилось с нашими приятелями? — спросил Киллпеппер.

— Не знаю, — сказал Симмонс. — Может быть, они были так возбуждены, что провели бессонную ночь.

Жирафопотам неожиданно сел. Медленно перевалился на бок и замер.

— Странно, — сказал Симмонс. — Я еще ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из них лег.

Он нагнулся над упавшим животным, прислушался, не бьется ли сердце. И через несколько секунд выпрямился.

— Никаких признаков жизни, — сказал он.

Еще два зверька, покрытые блестящей черной шерстью, опрокинулись наземь.

— О господи, — кинулся к ним Симмонс. — Что же это делается?

— Боюсь, я знаю, в чем причина, — сказал, выходя из люка, Моррисон, он страшно побледнел. — Микробы. Капитан, я чувствую себя убийцей. Ду-

Маю, этих бедных зверей убили мы. Помните, я вам говорил, что на этой планете нет никаких микроорганизмов? А сколькоих мы сюда занесли! Бактерии так и хлынули от нас к новым хозяевам. А хозяева, не забудьте, лишены какой-либо сопротивляемости.

— Но вы же говорили, что в атмосфере содержатся разные обезвреживающие вещества?

— По-видимому, они действуют недостаточно быстро, — Моррисон наклонился и осмотрел одного зверька. — Я уверен, причина в этом.

Все остальные животные, сколько их было вокруг корабля, падали наземь и лежали без движения. Капитан Килпеппер тревожно озирался.

Подбежал, задыхаясь, один из команды. Он был еще мокрый после купания у водопада.

— Сэр, — задыхаясь, начал он. — Там у водопада... животные...

— Знаю, — сказал Килпеппер. — Верните людей сюда.

— И еще, сэр, — продолжал тот. — Водопад... понимаете, водопад...

— Ну-ну, договаривайте.

— Он остановился, сэр. Он больше не течет.

— Верните людей, живо!

Купальщик кинулся обратно к водопаду. Килпеппер огляделся по сторонам, он сам не знал, что высматривает. Вот стоит коричневый лес, там все тихо. Слишком тихо.

Кажется, он почти уже нашел разгадку...

Он вдруг осознал, что мягкий, ровный ветерок, который непрерывно овеял их с первой минуты высадки на планете, замер.

— Что за чертовщина, что такое происходит? — беспокойно произнес Симмонс.

Они направились к кораблю.

— Как будто солнце светит слабее? — прошептал Моррисон.

Полной уверенности не было. До вечера еще очень далеко, но, казалось, солнечный свет и вправду меркнет.

От водопада спешили люди, поблескивали мокрые тела. По приказу капитана один за другим скрывались в корабле. Только ученые еще стояли у входного люка и осматривали затихшую округу.

— Что же мы натворили? — спросил Эреймик. От вида валяющихся замертво животных его пробирала дрожь.

По склону холма большими прыжками по высокой траве неслись те двое, что ходили к колонне — неслись так, будто за ними гнался сам дьявол.

— Ну, что еще? — спросил Килпеппер.

— Чертова колонна, сэр! — выговорил Мориней. — Она поворачивается! Этакая машина в милю вышиной, из металла неведомо какой крепости — и поворачивается!

— Что будем делать? — спросил Симмонс.

— Возвращаемся в корабль, — пробормотал Килпеппер.

Да, разгадка совсем близко. Ему нужно еще только одно небольшое доказательство. Еще только одно...

Все животные повскакали на ноги! Опять, трепеща крыльями, высоко взмыли красные с серебром птицы. Жирафопотам поднялся, фыркнул и пустился наутек. За ним побежали остальные. Из леса через луг хлынул поток невиданного, невообразимого зверья.

Все животные мчались на запад, прочь от землян.

— Быстрее в корабль! — закричал вдруг Килпеппер.

Вот она, разгадка. Теперь он знал что к чему и

только надеялся, что успеет вовремя увести корабль подальше от этой планеты.

— Скорей, черт подери! Готовьте двигатели к пуску! — кричал он ошарашенным людям.

— Так ведь вокруг раскидано наше снаряжение, — возразил Симмонс. — Не понимаю, почему такая спешка...

— Стрелки, к орудиям! — рявкнул Килпеппер, подталкивая ученых к люку.

Внезапно на западе замаячили длинные тени.

— Капитан, но мы же еще не закончили исследования...

— Скажите спасибо, если останетесь живы, — сказал капитан, когда все вошли в корабль. — Вы что, еще не сообразили? Закрыть люк! Все закупорить наглухо!

— Вы имеете в виду вертящуюся колонну? — спросил Симмонс, он налетел в коридоре на Моррисона, споткнулся и едва не упал. — Что ж, надо думать, какой-то высоко развитый народ...

— Эта вертящаяся колонна — ключ в боку планеты, — сказал Килпеппер, почти бегом направляясь к рубке. — Ключ, которым ее заводят. Так устроена вся планета. Животные, реки, ветер — у всего кончился завод.

Он торопливо задал автопилоту нужную орбиту.

— Пристегнитесь, — сказал он. — И соображайте. Место, где на ветках висят лакомые плоды. Где нет ни единого вредного микроба, где не споткнешься ни об единий камешек. Где полным-полно удивительных, забавных, ласковых зверюшек. Где все рассчитано на то, чтобы радовать и развлекать... Детская площадка!

Ученые во все глаза уставились на капитана.

— Эта колонна — заводной ключ. Когда мы, не-

званные, сюда заявились, завод кончился. Теперь кто-то сызнова заводит планету.

За иллюминатором по зеленому лугу на тысячи футов протянулись тени.

— Держитесь крепче, — сказал Килпеппер и нажал стартовую клавишу. — В отличие от игрушечных зверушек я совсем не жажду встретиться с детками, которые здесь резвятся. А главное, я отнюдь не жажду встречаться с их родителями.

## Охота\*

Это был последний сбор личного состава перед Всеобщим Слетом Разведчиков, и на него явились все патрули. Патрулю 22 — «Парящему соколу» было приказано разбить лагерь в тенистой ложбине и держать щупальца востро. Патруль 31 — «Отважный бизон» совершил маневры возле маленького ручья. «Бизоны» отрабатывали навыки потребления жидкости и возбужденно смеялись от непривычных ощущений.

А патруль 19 — «Атакующий миран» ожидал разведчика Дрога, который по обыкновению опаздывал.

Дрог камнем упал с высоты десять тысяч футов, в последний момент принял твердую форму и торопливо вполз в круг разведчиков.

— Привет, — сказал он. — Прошу прощения. Я понятия не имел, который час...

Командир патруля кинул на него гневный взгляд:

— Опять не по уставу, Дрог?!

— Виноват, сэр, — сказал Дрог, поспешно выпрашивая позабытое щупальце.

Разведчики захихикали. Дрог залился оранжевой краской смущения. Если бы можно было стать невидимым!

Но как раз сейчас этого делать не годилось.

— Я открою наш сбор Клятвой Разведчиков, —

\* Пер. изд.: Sheckley R. Hunting Problem: Citizen in Space. Ballantine Books Inc., N. Y., 1955.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

начал командир и откашлялся. — Мы, юные разведчики планеты Элбонай, торжественно обещаем хранить и лелеять навыки, умения и достоинства наших предков-пионеров. С этой целью мы, разведчики, принимаем форму, от рождения дарованную нашим праотцам, покорителям девственных просторов Элбоная. Таким образом, мы полны решимости...

Разведчик Дрог подстроил слуховые рецепторы, чтобы усилить тихий голос командира. Клятва всегда приводила его в трепет. Трудно себе представить, что прародители когда-то были прикованы к планетной тверди. Ныне элбонайцы обитали в воздушной среде на высоте двадцати тысяч футов, сокроя минимальный объем тела, питались космической радиацией, воспринимали жизнь во всей полноте ощущений и спускались вниз лишь из сентиментальных побуждений или в связи с ритуальными обрядами. Эра Пионеров осталась в далеком прошлом. Новая история началась с Эры Субмолекулярной Модуляции, за которой последовала нынешняя Эра Непосредственного Контроля.

— ...прямо и честно, — продолжал командир. — И мы обязуемся, подобно им, пить жидкости, поглощать твердую пищу и совершенствовать мастерство владения их орудиями и навыками.

Торжественная часть закончилась, и молодежь рассеялась по равнине. Командир патруля подошел к Дрогу.

— Это последний сбор перед слетом, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Дрог.

— В патрульном отряде «Атакующий мираж» ты единственный разведчик второго класса. Все остальные давно получили первый класс или, по меньшей мере, звание Младшего Пионера. Что подумают о нашем патруле?

Дрог поежился.

— Это не только моя вина, — сказал он. — Да, конечно, я не выдержал экзаменов по плаванию и изготовлению бомб, но это мне просто не дано! Несправедливо требовать, чтобы я знал все! Даже среди пионеров были узкие специалисты. Никто и не требовал, чтобы каждый...

— А что же ты умеешь делать? — перебил командир.

— Я владею лесным и горным ремеслом, — горячо выпалил Дрог, — высоким и охотой.

Командир изучающе посмотрел на него, а затем медленно произнес:

— Слушай, Дрог, а что если тебе предоставят еще один, последний шанс получить первый класс и заработать к тому же знак отличия?

— Я готов на все! — вскричал Дрог.

— Хорошо, — сказал командир. — Как называется наш патруль?

— «Атакующий миран», сэр.

— А кто такой миран?

— Огромный свирепый зверь, — быстро ответил Дрог. — Когда-то они водились на Элбонае почти всюду и наши предки сражались с ними не на жизнь, а на смерть. Ныне мираны вымерли.

— Не совсем, — возразил командир. — Один разведчик, исследуя леса в пятистах милях к северу отсюда, обнаружил в квадрате с координатами Ю-233 и З-482 стаю из трех миран. Все они самцы, и, следовательно, на них можно охотиться. Я хочу, чтобы ты, Дрог, выследил их и подкрался поближе, применив свое искусство в лесном и горном ремеслах. Затем, используя лишь методы и орудия пионеров, ты должен добыть и принести шкуру одного мирана. Ну как, справишься?

— Уверен, сэр!

— Приступай немедленно, — велел командр. — Мы прикрепим шкуру к нашему флагштоку и безусловно заслужим похвалу на слете.

— Есть, сэр!

Дрог торопливо сложил вещи, наполнил флягу жидкостью, упаковал твердую пищу и отправился в путь.

Через несколько минут он левитировал к квадрату Ю-233 — З-482. Перед ним расстилалась дикая романтическая местность — изрезанные скалы и низкорослые деревья, покрытые густыми зарослями долины и заснеженные горные пики. Дрог огляделся с некоторой опаской.

Докладывая командиру, он погрешил против истинны.

Дело в том, что он был не особенно искушен ни в лесном и горном ремеслах, ни в выслеживании и охоте. По-правде говоря, он вообще ни в чем не был искушен — разве что любил часами мечтательно витать в облаках на высоте пять тысяч футов. Что если миранш обнаружит его первым?

Нет, этого не может быть, успокоил себя Дрог. На худой конец, всегда успею жестибулировать. Никто и не узнает.

Через мгновение он уловил слабый запах миранша. А потом в двадцати метрах от себя заметил какое-то движение возле странной скалы, похожей на букву Т.

Неужели все так и сойдет — просто и гладко? Что ж, прекрасно! Дрог принял надлежащие меры маскировки и потихоньку двинулся вперед.

Солнце пекло невыносимо; горная тропа все круче ползла вверх. Пакстон взмок, несмотря на тепло-

защитный комбинезон. К тому же ему до тошноты надоела роль славного малого.

— Когда, наконец, мы отсюда улетим? — не выдержал он.

Геррера добродушно похлопал его по плечу:

— Ты что, не хочешь разбогатеть?

— Мы уже богаты, — возразил Пакстон.

— Не так чтобы уж очень, — сказал Геррера, и на его продолговатом, смуглом, изборожденном морщинами лице блеснула ослепительная улыбка.

Подошел Стэлмэн, пыхтя под тяжестью анализаторов. Он осторожно опустил аппаратуру на тропу и сел рядом.

— Как насчет передышки, джентльмены?

— Отчего же нет? — отозвался Геррера. — Времени у нас хоть отбавляй.

Он сел и прислонился спиной к Т-образной скале.

Стэлмэн раскурил трубку, а Геррера расстегнул «молнию» и извлек из кармана комбинезона сигару. Пакстон некоторое время наблюдал за ними.

— Так когда же мы улетим с этой планеты? — наконец спросил он. — Или мы собираемся поселиться здесь навеки?

Геррера лишь усмехнулся и щелкнул зажигалкой, раскуривая сигару.

— Мне ответит кто-нибудь?! — закричал Пакстон.

— Успокойся. Ты в меньшинстве, — произнес Стэлмэн. — В этом предприятии мы участвуем как три равноправных партнера.

— Но деньги-то — мои! — заявил Пакстон.

— Разумеется. Потому тебя и взяли. Геррера имеет большой практический опыт работы в горах. Я хорошо подкован в теории, к тому же права пилота — только у меня. А ты дал деньги.

— Но корабль уже ломится от добычи! — вос-

кликнул Пакстон. — Все трюмы заполнены до отката! Самое время отправиться в какое-нибудь цивилизованное местечко и начать тратить!

— У нас с Геррерой нет твоих аристократических замашек, — с преувеличением терпением объяснил Стелмэн. — Зато у нас с Геррерой есть невинное желание набить сокровищами каждый корабельный закуток. Самородки золота — в топливные баки, изумруды — в жестяшки из-под муки, а на палубу — алмазы по колено. Здесь для этого самое место. Вокруг белое богатство, которое так и просится, чтобы его подобрали. Мы хотим быть бездопно, до отвращения богатыми, Пакстон.

Пакстон не слушал. Он напряженно уставился на что-то у края тропы.

— Это дерево только что шевельнулось, — низким голосом проговорил он.

Геррера разразился смехом.

— Чудовище, надо полагать, — презрительно бросил он.

— Слoкойно, — мрачно произнес Стелмэн. — Мой мальчик, я не молод, толст и легко подвержен страху. Неужели ты думаешь, что я оставил бы здесь, существуй хоть малейшая опасность?

— Вот! Снова шевельнулось!

— Три месяца назад мы тщательно обследовали всю планету, — напомнил Стелмэн, — и не обнаружили ни разумных существ, ни опасных животных, ни ядовитых растений. Верно? Все, что мы нашли, — это леса и горы, и золото, и озера, и изумруды, и реки, и алмазы. Да будь здесь что-нибудь, разве оно не напало бы на нас давным-давно?

— Говорю вам, я видел, как это дерево шевельнулось! — настаивал Пакстон.

Геррера поднялся.

— Это дерево? — спросил он Пакстона.

— Да. Посмотри, оно даже не похоже на остальные. Другой рисунок коры...

Неуловимым отработанным движением Геррера выхватил из кобуры бластер «Марк-2» и трижды выстрелил. Дерево и кустарник на десять метров вокруг него вспыхнули ярким пламенем и рассыпались в прах.

— Вот уже никого и нет, — подытожил Геррера.

Пакстон поскреб подбородок.

— Я слышал, как оно вскрикнуло, когда ты стрелял.

— Ага. Но теперь-то оно мертво, — успокаивающе произнес Геррера. — Как заметишь, что кто-то шевелится, сразу скажи мне, и я пальну. А теперь давайте соберем еще немногих изумрудиков, а?

Пакстон и Стелмэн подняли свои ранцы и пошли вслед за Геррерой по тропе.

— Непосредственный малый, правда? — с улыбкой промолвил Стелмэн.

Дрог медленно приходил в себя. Огненное оружие мириша застало его врасплох, когда он принял облик дерева и был совершенно незащищен. Он до сих пор не мог понять, как это случилось. Не было ни запаха страха, ни предварительного фырканья, ни рычания, вообще никакого предупреждения! Мириш напал совершенно неожиданно, со слепой, безрассудной яростью, не разбирайсь, друг перед ним или враг.

Только сейчас Дрог начал постигать патому противостоящего ему зверя.

Он дождался, когда стук копыт миришей затих вдали, а затем, превозмогая боль, попытался выпростать оптический рецептор. Ничего не получилось. На миг его захлестнула волна отчаянной па-

ники. Если повреждена центральная нервная система, это конец.

Он споткнулся. Обломок скалы сполз с его тела, и на этот раз попытка завершилась успехом: он смог воспрять из пепла. Дрог быстро провел внутреннее сканирование и облегченно вздохнул. Он был на волосок от смерти. Только инстинктивная квантикация в момент вспышки спасла ему жизнь.

Дрог задумался было над своими дальнейшими действиями, но обнаружил, что потрясение от этой внезапной, непредсказуемой атаки начисто отшибло ему память о всех охотничьих уловках. Более того, он обнаружил, что у него вообще пропало всякое желание встречаться со столь опасными миражами снова...

Предположим, он вернется без этой идиотской шкуры... Командиру можно сказать, что все миражи оказались самками и, следовательно, подпадали под охрану закона об охоте. Слово Юного Разведчика ценилось высоко, так что никто не станет подвергать его сомнению, тем более никому не придет в голову его перепроверять.

Но нет, это невозможно! Как он смел даже подумать такое?!

Что ж, мрачно усмехнулся Дрог, остается только сложить с себя обязанности разведчика и покончить со всем этим нелепым занятием — лагерные костры, пение, игры, товарищество...

Никогда! — твердо решил Дрог, взяв себя в руки. Он ведет себя так, будто имеет дело с дальновидным противником. А ведь миражи — даже не разумные существа. Ни одно создание, лишенное щупалец, не может иметь развитого интеллекта. Так гласил неоспоримый закон Этлиба.

В битве между разумом и инстинктивной хит-

ростью всегда побеждает разум. Это неизбежно. Надо лишь придумать, каким способом.

Дрог опять взял след миражей и пошел по запаху. Какое бы старинное оружие ему использовать? Маленькую атомную бомбу? Вряд ли, это может погубить шкуру.

Вдруг он рассмеялся. На самом деле все очень просто, стоит лишь хорошенько пошевелить мозгами. Зачем вступать в непосредственный контакт с миражем, если это так опасно? Настала пора прибегнуть к помощи разума, воспользоваться знанием психологии животных, искусством западни и приманки.

Вместо того чтобы выслеживать миражей, он отправится к их логову.

И там устроит ловушку.

Они подходили к временному лагерю, разбитому в пещере, уже на закате. Каждая скала, каждый пик бросали резкие, четко очерченные тени. Пятью милями ниже, в долине, лежал их красный отливающий серебром корабль. Ранцы были набиты изумрудами — небольшими, но идеального цвета.

В такие предзакатные часы Пакстон мечтал о маленьком городке в Огайо, сатураторе с газированной водой и девушке со светлыми волосами. Геррера улыбался про себя, представляя, как лихо он промотает миллиончик-другой, прежде чем всерьез займеть скотоводством. А Стэлмэн формулировал основные положения своей докторской диссертации, посвященной внеземным залежкам полезных ископаемых.

Все они пребывали в приятном умиротворенном настроении. Пакстон полностью оправился от пережитого потрясения и теперь страстно желал, чтобы кошмарное чудовище все-таки появилось — предпо-

чтительно зеленое — и чтобы оно преследовало очаровательную полураздетую женщину.

— Вот мы и дома, — сказал Стелмэн, когда они подошли к пещере. — Как насчет тушеной говядины?

Сегодня была его очередь готовить.

— С луком! — потребовал Пакстон. Он ступил в пещеру и тут же резко отпрыгнул назад. — Что это?

В нескольких футах от входа дымился небольшой ростбиф, рядом красовались четыре крупных бриллианта и бутылка виски.

— Занятно, — сказал Стелмэн. — Что-то мне это не нравится.

Пакстон нагнулся, чтобы подобрать бриллиант. Геррера оттащил его.

— Это может быть мина-ловушка.

— Проводов не видно, — возразил Пакстон.

Геррера уставился на ростбиф, бриллианты и бутылку виски. Вид у него был самый разнесчастный.

— Этой штуке я не верю ни на грош, — заявил он.

— Может быть, здесь все-таки есть туземцы? — предположил Стелмэн. — Такие, знаете, робкие, застенчивые. А этот дар — знак доброй воли.

— Ага, —sarкастически подхватил Геррера. — Специально ради нас они сгоняли на Землю за бутылочкой «Старого космодесантного».

— Что же нам делать? — спросил Пакстон.

— Не соваться куда не надо, — отрубил Геррера. — Ну-ка, осади назад.

Он отломил от ближайшего дерева длинный сук и осторожно потыкал в бриллианты.

— Видишь, ничего страшного, — заметил Пакстон.

Длинный травянной стебель, на котором стоял Геррера, туго обвился вокруг его лодыжек. Почва под ним заколыхалась, обрисовался аккуратный диск

футов пятнадцати в диаметре и, обрывая корневища дернины, начал подниматься в воздух. Геррера попытался спрыгнуть, но трава вцепилась в него тысячами зеленых щупалец.

— Держись! — завопил Пакстон, рванулся вперед и уцепился за край поднимающегося диска.

Диск резко накренился, замер на мгновение и стал опять подниматься. Но Геррера уже выхватил нож и яростно кромсал траву вокруг своих ног. Стелмэн вышел из оцепенения, лишь когда увидел ноги Пакстона на уровне своих глаз. Он схватил Пакстона за лодыжки, снова задержав подъем диска. Тем временем Геррера вырвал из пут одну ногу и переметнул тело через край диска. Крепкая трава какое-то время еще держала его за вторую ногу, но затем стебли, не выдержав тяжести, оборвались, и Геррера головой вперед полетел вниз. Лишь в последний момент он вобрал голову в плечи и умудрился приземлиться на лопатки. Пакстон отпустил край диска и рухнул на Стелмэна.

Травяной диск, унося ростбиф, виски и бриллианты, продолжал подниматься, пока не исчез из виду.

Солнце село. Не произнося ни слова, трое мужчин вошли в пещеру с бластерами наизготове.

— Ночью по очереди будем нести вахту, — отчеканил Геррера.

Пакстон и Стелмэн согласно кивнули.

— Пожалуй, ты прав, Пакстон, — сказал Геррера. — Что-то мы здесь засиделись.

— Чересчур засиделись, — уточнил Пакстон.

Геррера пожал плечами.

— Как только рассветет, возвращаемся на корабль и стартируем.

— Если только сможем добраться до корабля, — не удержался Стелмэн.

Дрог был совершенно обескуражен. С замиранием сердца следил он, как раньше срока сработала ловушка, как боролся миранш за свободу и как он наконец обрел ее. А какой это был великолепный миранш! Самый крупный из трех!

Теперь он знал, в чем допустил ошибку. От излишнего рвения он переборщил с наживкой. Одних минералов было бы вполне достаточно, ибо, как всем известно, миранши обладают повышенным тролизмом к минералам. Так нет же! Ему понадобилось улучшить методику пионеров, ему, видите ли, захотелось присовокупить еще и пищевое стимулирование. Неудивительно, что миранши ответили удвоенной подозрительностью, ведь их органы чувств подверглись колоссальной перегрузке.

Теперь они были взбешены, насторожены и предельно опасны.

А разъяренный миранш — это одно из самых ужающих зрелищ в Галактике.

Когда две луны Элбоная поднялись в западной части небосклона, Дрог почувствовал себя страшно одиноким. Он мог видеть костер, который миранши развели перед входом в пещеру, а телепатическим зрением разбирал самих мираншей, скorchившихся внутри, — органы чувств на пределе, оружие наготове.

Неужели ради одной-единственной шкуры миранша стоило так рисковать?

Дрог предпочел бы парить на высоте пяти тысяч футов, лепить из облаков фигуры и мечтать. Как хорошо впитывать солнечную радиацию, а не поглощать эту дрянную твердую пищу, завещанную предками. Какой прок от всех этих охот и выслеживаний? Явно никакого! Бесполезные навыки, с которыми его народ уже давным-давно расстался.

Был момент, когда Дрог уже почти убедил себя. Но тут же, в озарении, с которым приходит истин-

ное постижение природы вещей, он понял, в чем дело.

Действительно, элбонайцам давно уже стали тесны рамки конкурентной борьбы, эволюция вывела их из-под угрозы кровавой бойни за место под солнцем. Но Вселенная велика, она таит в себе множество неожиданностей. Кому дано предвидеть будущее? Кто знает, с какими еще опасностями придется столкнуться расе элбонайцев? И смогут ли они противостоять угрозе, если утратят охотничий инстинкт?

Нет, заветы предков незыблены и верны, они не дают забыть, что миролюбивый разум слишком хрупок для этой неприветливой Вселенной.

Остается либо добыть шкуру мирана, либо погибнуть с честью.

Самое важное сейчас — выманить их из пещеры. Наконец-то к Дорогу вернулись охотничьи навыки.

Быстро и умело он сотворил манок для мирана.

— Вы слышали? — спросил Пакстон.

— Вроде бы какие-то звуки, — сказал Стелмэн, и все прислушались.

Звук повторился. «О-о, на помощь! Помогите!» — кричал голос.

— Это девушка! — Пакстон вскочил на ноги.

— Это похоже на голос девушки, — поправил Стелмэн.

— Умоляю, помогите! — взывал девичий голос. — Я долго не продержусь. Есть здесь кто-нибудь? Помогите!

Кровь хлынула к лицу Пакстона. Воображение тут же нарисовало трогательную картину: маленькое хрупкое существо жмется к потерпевшей крушение спортивной ракете (какое безрассудство — пускаться в подобные путешествия!), со всех сторон на него надвигаются чудовища — зеленые, оскализые, а за

ними появляется Он — главарь чужаков, отвратительный вонючий монстр.

Пакстон подобрал запасной бластер.

— Я выхожу, — хладнокровно заявил он.

— Сядь, кретин! — приказал Геррера.

— Но вы же слышали ее, разве нет?

— Никакой девушки тут быть не может, — отрезал Геррера. — Что ей делать на такой планете?

— Вот это я и собираюсь выяснить, — заявил Пакстон, размахивая двумя бластерами. — Может, какой-нибудь там лайнер потерпел крушение, а может, она решила поразвлечься и угнала чью-то ракету...

— Сесть! — заорал Геррера.

— Он прав, — Стелмэн попытался урезонить Пакстона. — Даже если девушка и впрямь где-то там объявилась, в чем я сомневаюсь, то мы все равно помочь ей никак не сможем.

— О-о, помогите, помогите, оно сейчас догонит меня! — визжал девичий голос.

— Прочь с дороги, — угрожающим басом заявил Пакстон.

— Ты действительно выходишь? — с недоверием поинтересовался Геррера.

— Хочешь мне помешать?

— Да нет, валяй, — Геррера махнул в сторону выхода.

— Мы не можем позволить ему уйти! — Стелмэн ловил ртом воздух.

— Почему же? Дело хозяйское, — безмятежно промолвил Геррера.

— Не беспокойтесь обо мне, — сказал Пакстон. — Я вернусь через пятнадцать минут — вместе с девушкой!

Он повернулся на каблуках и направился к выходу. Геррера подался вперед и рассчитанным движе-

нием опустил на голову Пакстона полено, заготовленное для костра. Стелмэн подхватил обмякшее тело.

Они уложили Пакстона в дальнем конце пещеры и продолжили бдение. Бедствующая дама стонала и молила о помощи еще часов пять. Слишком долго даже для многосерийной мелодрамы. Это по-тому вынужден был признать и Пакстон.

Наступил сумрачный дождливый рассвет. Прислушиваясь к плеску воды, Дрог все еще сидел в своем укрытии метрах в ста от пещеры. Вот мидаши вышли плотной группой, держа наготове оружие. Их глаза внимательно обшаривали местность.

Почему провалилась попытка с манком? Учебник Разведчика утверждал, что это вернейшее средство привлечь самца мидаша. Может быть, сейчас не брачный сезон?

Стая мидашей двигалась в направлении металлического яйцевидного снаряда, в котором Дрог без труда признал примитивный пространственный экипаж. Сработан он, конечно, грубо, но мидаши будут в нем в безопасности.

Разумеется, он мог парадизировать их и покончить с этим делом. Но такой поступок был бы слишком негуманным. Древних элбонайцев отличали прежде всего благородство и милосердие, и каждый Юный Разведчик старался подражать им в этом. К тому же парадизирование не входило в число истинно пионерских методов.

Оставалась безграмотия. Это был старейший трюк, описанный в книге, но чтобы он удался, следовало подобраться к мидашам как можно ближе. Впрочем, Дрогу уже нечего было терять.

И, к счастью, погодные условия были самые благоприятные.

Все началось с туманной дымки, стелющейся над землей. Но по мере того как расплывчатое солнце взбиралось по серому небосклону, туман поднимался и густел.

Обнаружив это, Геррера в сердцах выругался.

— Давайте держаться ближе друг к другу! Вот несчастье-то!

Вскоре они уже шли, положив левую руку на плечо впереди идущего. Правая рука сжимала блaster. Туман вокруг был непроницаемым.

— Геррера?

— Да.

— Ты уверен, что мы идем в правильном направлении?

— Конечно. Я взял азимут по компасу еще до того, как туман сгустился.

— А если компас вышел из строя?

— Не смей и думать об этом!

Они продолжали двигаться, осторожно нащупывая дорогу между скальными обломками.

— По-моему, я вижу корабль, — сказал Пакстон.

— Нет, еще рано, — возразил Геррера.

Стелмэн, споткнувшись о камень, выронил блaster, нащупь подобрал его и стал шарить рукой в поисках плеча Герреры. Наконец он нащупал его и двинулся дальше.

— Кажется, мы почти дошли, — сказал Геррера.

— От души надеюсь, — выдохнул Пакстон. — С меня хватит.

— Думаешь, та девочка ждет тебя на корабле?

— Не береди душу!

— Ладно, — смирился Геррера. — Эй, Стелмэн, лучше по-прежнему держись за мое плечо. Не стоит нам разделяться.

— А я и так держусь, — отозвался Стелмэн.

— Нет, не держишься,

— Да держусь, тебе говорят!

— Слушай, кажется, мне лучше знать, держится кто-нибудь за мое плечо или нет.

— Это твое плечо, Пакстон?

— Нет, — ответил Пакстон.

— Плохо, — сказал Стелмэн очень медленно. — Это совсем плохо.

— Почему?

— Потому что я определенно держусь за чье-то плечо.

— Ложись! — заорал Геррера. — Немедленно ложитесь оба! Дайте мне возможность стрелять!

Но было поздно. В воздухе разлился кисло-сладкий аромат. Стелмэн и Пакстон вдохнули его и потеряли сознание. Геррера слепо рванулся вперед, стараясь задержать дыхание, споткнулся, перелетел через камень, попытался подняться на ноги и...

И все провалилось в черноту.

Туман внезапно растаял. На равнине стоял один лишь Дрог. Он триумфально улыбался. Вытащив разделочный нож с длинным узким лезвием, он склонился над ближайшим миражем...

Космический корабль несся к Земле с такой скоростью, что подпространственный двигатель того и гляди мог полететь ко всем чертям. Сгорбившийся над пультом управления Геррера наконец взял себя в руки и убавил скорость. Его лицо, с которого обычно не сходил красивый ровный загар, все еще сохраняло пепельный оттенок, а пальцы дрожали над пультом.

Из спального отсека вышел Стелмэн и устало плюхнулся в кресло второго пилота.

— Как там Пакстон? — спросил Геррера.

— Я накачал его дроном-3, — ответил Стелмэн. — С ним все будет в порядке.

— Хороший малый, — заметил Геррера.

— Думаю, это просто шок, — сказал Стелмэн. — Когда он придет в себя, я усажу его пересчитывать алмазы. Это, насколько я понимаю, будет для него лучше всякой другой терапии.

Геррера усмехнулся, лицо его стало обретать обычный цвет.

— Теперь, когда все позади, пожалуй, и мне стоит под заняться алмазной бухгалтерией.

Внезапно его удлиненное лицо посерезнело.

— Но все-таки, Стелмэн, кто мог нас выручить? Никак этого не пойму!

Слет Разведчиков удался на славу. Патруль 22 — «Парящий сокол» — разыграл короткую пантомиму, символизирующую освобождение Элбоная. Патруль 31 — «Отважные бизоны» — облачились в настоящие пионерские одежды.

А во главе патруля 19 — «Атакующий миран» — двигался Дрог, теперь уже Разведчик первого класса, удостоенный особого знака отличия. Он нес флаг своего патруля (высокая честь для разведчика!), и все, завидя Дрога, громко приветствовали его.

Бедь на древке гордо развевалась прочная, отлично выделанная, ни с чем не сравнимая шкура взрослого мирана — ее молнии, пряжки, циферблаты, пуговицы весело сверкали на солнце.

## Верный вопрос\*

Ответчик был построен, чтобы действовать столько, сколько необходимо, — что очень большой срок для одних и совсем ерунда для других. Но для Ответчика этого было вполне достаточно.

Если говорить о размерах, одним Ответчик казался исполинским, а другим — крошечным. Это было сложнейшее устройство, хотя кое-кто считал, что проще штуки не сыскать.

Ответчик же знал, что именно таким должен быть. Ведь он — Ответчик. Он знал.

Кто его создал? Чем меньше о них сказано, тем лучше. Они тоже знали.

Итак, они построили Ответчик — в помощь менее искушенным расам — и отбыли своим особым образом. Куда — одному Ответчику известно.

Потому что Ответчику известно все.

На некой планете, вращающейся вокруг некой звезды, находился Ответчик. Шло время: бесконечное для одних, малое для других, но для Ответчика — в самый раз.

Внутри него находились ответы. Он знал природу вещей, и почему они такие, какие есть, и зачем они есть, и что все это значит.

Ответчик мог ответить на любой вопрос, будь тот поставлен правильно. И он хотел. Страстно хотел отвечать!

---

\* Пер. пзд.: Sheckley R. Ask a Foolish Question: Citizen in Space. Ballantine Books Inc., N. Y., 1955.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

Что же еще делать Ответчику?  
И вот он ждал, чтобы к нему пришли и спросили.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — участливо произнес Морран, повиснув над стариком.

— Лучше, — со слабой улыбкой отозвался Лингман.

Хотя Морран извел огромное количество топлива, чтобы выйти в космос с минимальным ускорением, немощному сердцу Лингмана маневр не понравился. Сердце Лингмана то артачилось и упиралось, не желая трудиться, то вдруг пускалось в прыжку и яростно молотило в грудную клетку. В какой-то момент казалось даже, что оно вот-вот остановится, просто назло. Но пришла невесомость — и сердце заработало.

У Моррана не было подобных проблем. Его крепкое тело свободно выдерживало любые нагрузки. Однако в этом полете ему не придется их испытывать, если он хочет, чтобы старый Лингман остался в живых.

— Я еще протяну, — пробормотал Лингман, словно в ответ на невысказанный вопрос. — Протяну, сколько понадобится, чтобы узнать.

Морран прикоснулся к пульту, и корабль скользнул в подпространство, как угорь в масло.

— Мы узнаем. — Морран помог старику освободиться от привязных ремней. — Мы найдем Ответчик!

Лингман уверенно кивнул своему молодому товарищу. Долгие годы они утешали и ободряли друг друга. Идея принадлежала Лингману. Потом Морран, закончив институт, присоединился к нему. По всей Солнечной системе они выискивали и собирали по крупицам легенды о древней гуманоидной расе,

которая знала ответы на все вопросы, которая построила Ответчик и отбыла в освояси.

— Подумать только! Ответ на любой вопрос! — Морран был физиком и не испытывал недостатка в вопросах: расширяющаяся Вселенная, ядерные силы, «новые» звезды...

— Да, — согласился Лингман.

Он подплыл к видеоэкрану и посмотрел в иллюзорную даль подпространства. Лингман был биологом и старым человеком. Он хотел задать только два вопроса.

Что такое жизнь?

Что такое смерть?

После особенно долгого периода сбора багрянца Лек и его друзья решили отдохнуть. В окрестностях густо расположенных звезд багрянец всегда редел — почему, никто не ведал, — так что вполне можно было поболтать.

— А знаете, — сказал Лек, — поищу-ка я, пожалуй, этот Ответчик.

Лек говорил на языке оллграт, языке твердого решения.

— Зачем? — спросил Илм на языке звест, языке добродушного подтрунивания. — Тебе что, мало сбора багрянца?

— Да, — отозвался Лек, все еще на языке твердого решения. — Мало.

Великий труд Лека и его народа заключался в сборе багрянца. Тщательно, по крохам выискивали они вкрапленный в материню пространства багрянец и сгребали в колossalную кучу. Для чего — никто не знал.

— Полагаю, ты спросишь у него, что такое багрянец? — предположил Илм, откинув звезду и ложась на ее место.

— Непременно, — сказал Лек. — Мы слишком долго жили в неведении. Нам необходимо осознать истинную природу багрянца и его место в мироздании. Мы должны понять, почему он правит нашей жизнью. — Для этой речи Лек воспользовался илгредом, языком зарождающегося знания.

Илм и остальные не пытались спорить, даже на языке спора. С начала времен Лек, Илм и все прочие собирали багрянец. Наступила пора узнать самое главное: что такое багрянец и зачем сгребать его в кучу?

И конечно, Ответчик мог поведать им об этом. Каждый слыхал об Ответчике, созданном давно отбывшей расой, схожей с ними.

— Спросишь у него еще что-нибудь? — поинтересовался Илм.

— Пожалуй, я спрошу его о звездах, — пожал плечами Лек. — В сущности, больше ничего важного нет.

Лек и его братья жили с начала времен, потому они не думали о смерти. Число их всегда было неизменно, так что они не думали и о жизни.

Но багрянец? И куча?

— Я иду! — крикнул Лек на диалекте решения-на-границы-поступка.

— Удачи тебе! — дружно пожелали ему братья на языке величайшей привязанности.

И Лек удалился, прыгая от звезды к звезде.

Один на маленькой планете, Ответчик ожидал прихода Задающих вопросы. Порой он сам себе напшептывал ответы. То была его привилегия. Он знал.

Итак, ожидание. И было не слишком поздно и не слишком рано для любых порождений космоса прийти и спросить.

Все восемнадцать собрались в одном месте.

— Я взываю к Закону восемнадцати! — вскрикнул один. И тут же появился другой, которого еще никогда не было, порожденный Законом восемнадцати.

— Мы должны обратиться к Ответчику! — вскричал один. — Нашиими жизнями правит Закон восемнадцати. Где собираются восемнадцать, там появляется девятнадцатый. Почему так?

Никто не мог ответить.

— Где я? — спросил новорожденный девятнадцатый. Один отвел его в сторону, чтобы все рассказать.

Осталось семнадцать. Стабильное число.

— Мы обязаны выяснить, — заявил другой, — почему все места разные, хотя между ними нет никакого расстояния.

Ты здесь. Потом ты там. И все. Никакого передвижения, никакой причины. Ты просто в другом месте.

— Звезды холодные, — пожаловался один.

— Почему?

— Нужно идти к Ответчику.

Они слышали легенды, знали сказания. «Некогда здесь был народ — выпитые мы! — который знал. И построил Ответчик. Потом они ушли туда, где нет места, но много расстояния».

— Как туда попасть? — закричал новорожденный девятнадцатый, уже исполненный знания.

— Как обычно.

И восемнадцать исчезли. А один остался, подавленно глядя на бесконечную протяженность ледяной звезды. Потом исчез и он.

— Древние предания не врут, — прошептал Морран. — Вот Ответчик.

Они вышли из подпространства в указанном легендами месте и оказались перед звездой, которой не

было подобных. Морран придумал, как включить ее в классификацию, но это не играло никакой роли. Просто ей не было подобных.

Вокруг звезды вращалась планета, тоже не похожая на другие. Морран нашел тому причины, но они не играли никакой роли. Это была единственная в своем роде планета.

— Пристегнитесь, сэр, — сказал Морран. — Я постараюсь приземлиться как можно мягче.

Шагая от звезды к звезде, Лек подошел к Ответчику, положил его на ладонь и поднес к глазам.

— Значит, ты Ответчик? — проговорил он.

— Да, — отозвался Ответчик.

— Тогда скажи мне, — попросил Лек, устраиваясь поудобнее в промежутке между звездами. — Скажи мне, что я есть?

— Частность, — сказал Ответчик. — Проявление.

— Брось, — обиженно проворчал Лек. — Мог бы ответить и получше... Теперь слушай. Задача мне подобных — собирать багрянец и сгребать его в кучу. Каково истинное значение этого?

— Вопрос бессмысленный, — сообщил Ответчик. Он знал, что такое багрянец и для чего предназначена куча. Но объяснение таилось в большем объяснении. Лек не сумел правильно поставить вопрос.

Лек задавал другие вопросы, но Ответчик не мог ответить на них. Лек смотрел на все по-своему узко, он видел лишь часть правды и отказывался видеть остальное. Как объяснить слепому ощущение зеленого?

Ответчик и не пытался. Он не был для этого предназначен.

Наконец Лек презрительно усмехнулся и ушел, стремительно шагая в межзвездном пространстве.

Ответчик знал. Но ему требовался верно сформулированный вопрос. Ответчик размышлял над этим ограничением, глядя на звезды — не большие и не малые, а как раз подходящего размера.

«Правильные вопросы... Тем, кто построил Ответчик, следовало принять это во внимание, — думал Ответчик. — Им следовало предоставить мне свободу, позволить выходить за рамки узкого вопроса».

Восемнадцать созданий возникли перед Ответчиком — они не пришли и не прилетели, а просто появились. Поеживаясь в холодном блеске звезд, они ошеломленно смотрели на подавляющую громаду Ответчика.

— Если нет расстояния, — спросил один, — то как можно оказаться в других местах?

Ответчик знал, что такое расстояние и что такое другие места, но не мог ответить на вопрос. Вот суть расстояния, но она не такая, какой представляется этим существам. Вот суть мест, но она совершенно отлична от их ожиданий.

— Перефразируйте вопрос, — с затаенной надеждой посоветовал Ответчик.

— Почему здесь мы короткие, — спросил один, — а там длинные? Почему там мы толстые, а здесь худые? Почему звезды холодные?

Ответчик все это знал. Он понимал, почему звезды холодные, но не мог объяснить это в рамках понятий звезд или холода.

— Почему, — поинтересовался другой, — есть Закон восемнадцати? Почему, когда собираются восемнадцать, появляется девятнадцатый?

Но, разумеется, ответ был частью другого, большего вопроса, а его-то они и не задали.

Закон восемнадцати породил девятнадцатого, и все девятнадцать пропали.

Ответчик продолжал тихо бубнить себе вопросы и сам на них отвечал.

— Ну вот, — вздохнул Морран. — Теперь все позади.

Он похлопал Лингмана по плечу — легонько, словно опасаясь, что тот рассыплется.

Старый биолог обессилел.

— Пойдем, — сказал Лингман. Он не хотел терять времени. В сущности, терять было нечего.

Одев скафандры, они зашагали по узкой тропинке.

— Не так быстро, — попросил Лингман.

— Хорошо, — согласился Морран.

Они шли плечом к плечу по планете, отличной от всех других планет, летящей вокруг звезды, отличной от всех других звезд.

— Сюда, — указал Морран. — Легенды были верны. Тропинка, ведущая к каменным ступеням, каменные ступени — во внутренний дворик... И — Ответчик!

Ответчик представился им белым экраном в стene. На их взгляд, он был крайне прост.

Лингман сцепил задрожавшие руки. Наступила решающая минута его жизни, всех его трудов, споров...

— Помни, — сказал он Моррану, — мы и представить не в состоянии, какой может оказаться правда.

— Я готов! — восторженно воскликнул Морран.

— Очень хорошо. Ответчик. — обратился Лингман высоким слабым голосом, — что такое жизнь?

Голос раздался в их головах.

— Вопрос лишен смысла. Под «жизнью» Спрашивающий подразумевает частный феномен, объяснимый лишь в терминах целого.

— Частью какого целого является жизнь? — спросил Лингман.

— Данный вопрос в настоящей форме не может разрешиться. Спрашивающий все еще рассматривает «жизнь» субъективно, со своей ограниченной точки зрения.

— Ответь же в собственных терминах, — сказал Морран.

— Я лишь отвечаю на вопросы, — грустно произнес Ответчик.

Наступило молчание.

— Расширяется ли Вселенная? — спросил Морран.

— Термин «расширение» неприменим к данной ситуации. Спрашивающий оперирует ложной концепцией Вселенной.

— Ты можешь нам сказать хоть что-нибудь?

— Я могу ответить на любой правильно поставленный вопрос, касающийся природы вещей.

Физик и биолог обменялись взглядами.

— Кажется, я понимаю, что он имеет в виду, — печально проговорил Лингман. — Наши основные допущения неверны. Все до единого.

— Невозможно! — возразил Морран. — Наука...

— Частные истины, — бесконечно усталым голосом заметил Лингман. — По крайней мере, мы выяснили, что наши заключения относительно наблюдаемых феноменов ложны.

— А закон простейшего предположения?

— Всего лишь теория.

— Но жизнь... безусловно, он может сказать, что такое жизнь?

— Взгляни на это дело так, — задумчиво проговорил Лингман. — Положим, ты спрашиваешь: «Почему я родился под созвездием Скорпиона при проходе через Сатурн?» Я не сумею ответить на твой вопрос

в терминах зодиака, потому что зодиак тут совершенно ни при чем.

— Ясно, — медленно выговорил Морран. — Он не в состоянии ответить на наши вопросы, оперируя нашими понятиями и предположениями.

— Думаю, именно так. Он связан корректно поставленными вопросами, а вопросы эти требуют знаний, которыми мы не располагаем.

— Следовательно, мы даже не можем задать верный вопрос? — возмутился Морран. — Не верю. Хоть что-то мы должны знать. — Он повернулся к Ответчику. — Что есть смерть?

— Я не могу определить антропоморфизм.

— Смерть — антропоморфизм! — воскликнул Морран, и Лингман быстро обернулся. — Ну наконец-то мы сдвинулись с места.

— Реален ли антропоморфизм?

— Антропоморфизм можно классифицировать экспериментально как А — ложные истины или В — частные истины — в терминах частной ситуации.

— Что здесь применимо?

— И то и другое.

Ничего более конкретного они не добились. Долгие часы они мучили Ответчик, мучили себя, но правда ускользала все дальше и дальше.

— Я скоро сойду с ума, — не выдержал Морран. — Перед нами разгадки всей Вселенной, но они откроются лишь при верном вопросе. А откуда нам взять эти верные вопросы?!

Лингман опустился на землю, привалился к каменной стене и закрыл глаза.

— Дикари — вот мы кто, — продолжал Морран, нервно расхаживая перед Ответчиком. — Представьте себе бушмена, требующего у физика, чтобы тот объяснил, почему нельзя пустить стрелу в Солн-

це. Ученый может объяснить это только своими терминами. Как иначе?

— Ученый и пытаться не станет, — едва слышно проговорил Лингман. — Он сразу поймет тщетность объяснения.

— Или вот как вы разъясните дикарю вращение Земли вокруг собственной оси, не погрешив научной точностью?

Лингман молчал.

— А, ладно... Пойдемте, сэр?

Пальцы Лингмана были судорожно сжаты, щеки впали, глаза остекленели.

— Сэр! Сэр! — затряс его Морран.

Ответчик знал, что ответа не будет.

Один на планете — не большой и не малой, а как раз подходящего размера — ждал Ответчик. Он не может помочь тем, кто приходит к нему, ибо даже Ответчик не всесилен.

Вселенная? Жизнь? Смерть? Багрянец? Восемнадцать?

Частные истины, полуистины, крохи великого вопроса.

И бормочет Ответчик вопросы сам себе, верные вопросы, которые никто не может понять.

И как их понять?

Чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа.

## Страж-птица\*

Когда Гелсен вошел, остальные изготовители страж-птиц были уже в сборе. Кроме него, их было шестеро, и комнату затянуло синим дымом дорогих сигар.

— А, Чарли! — окликнул кто-то, когда он стал на пороге.

Другие тоже отвлеклись от разговора — ровно настолько, чтобы небрежно кивнуть ему или приветственно махнуть рукой. «Коль скоро ты фабрикуешь страж-птицу, ты становишься одним из фабрикантов спасения, — с кривой усмешкой сказал он себе. — Весьма избранное общество. Если желаешь спасать род людской, изволь сперва получить государственный подряд».

— Представитель президента еще не пришел, — сказал Гелсену один из собравшихся. — Он будет с минуты на минуту.

— Нам дают зеленую улицу, — сказал другой.

— Отлично.

Гелсен сел поближе к двери и оглядел комнату. Это походило на торжественное собрание или на слет бойскаутов. Всего шесть человек, но эти шестеро брали не числом, а толщиной и весом. Председатель Южной объединенной компании во все горло разглагольствовал о неслыханной прочности страж-

---

\* Печатается по изд.: Шекли Р. Страж-птица: Пер. с англ. — М.: Молодая гвардия, 1968. — (Библ. совр. фант., т. 16).

птицы. Два его слушателя, тоже председатели компаний, широко улыбались, кивали, один пытался вставить словечко о том, что показали проведенные им испытания страж-птицы на находчивость, другой толковал о новом перезаряжающем устройстве.

Остальные трое, сойдясь отдельным кружком, видимо, тоже пели хвалу страж-птице.

Все они были важные, солидные, держались очень прямо, как и подобает спасителям человечества. Гелсену это не показалось смешным. Еще несколько дней назад он и сам чувствовал себя спасителем. Этакое воплощение святости, с брюшком и уже немножко плешилым.

Он вздохнул и закурил сигарету. Вначале и он был таким же восторженным сторонником нового проекта, как остальные. Он вспомнил, как говорил тогда Макинтайру, своему главному инженеру: «Начинается новая эпоха, Мак. Страж-птица решает все». И Макинтайр сосредоточенно кивал — еще один новообращенный.

Тогда казалось — это великолепно! Найдено простое и надежное решение одной из сложнейших задач, стоящих перед человечеством, и решение это целиком умещается в каком-нибудь фунте нержавеющего металла, кристаллов и пластmassы.

Быть может, именно поэтому теперь Гелсена одолели сомнения. Едва ли задачи, которые терзают человечество, решаются так легко и просто. Нет, где-то тут таится подвох.

В конце концов убийство — проблема, старая как мир, а страж-птица — решение, которому без году неделя.

— Джентльмены...

Все увлеклись разговором, никто и не заметил, как вошел представитель президента, полный круглоголовый человек. А теперь разом наступила тишина.

— Джентльмены, — повторил он, — президент с согласия Конгресса предписал создать по всей стране, в каждом большом и малом городе, отряды страж-птиц.

Раздался дружный вопль торжества. Итак, им наконец-то предоставлена возможность спасти мир, подумал Гелсен и с недоумением спросил себя, отчего же ему так тревожно.

Он внимательно слушал представителя — тот излагал план распределения. Страна будет разделена на семь областей, каждую обязан снабжать и обслуживать один поставщик. Разумеется, это означает монополию, но иначе нельзя. Так же как с телефонной связью, это в интересах общества. В поставках страж-птицы недопустима конкуренция. Страж-птица служит всем и каждому.

— Президент надеется, — продолжал представитель, — что отряды страж-птиц будут введены в действие повсеместно в кратчайший срок. Вы будете в первую очередь получать стратегические металлы, рабочую силу и все что потребуется.

— Лично я рассчитываю выпустить первую партию не позже чем через неделю, — заявил председатель Южной объединенной компании. — У меня производство уже налажено.

Остальные тоже не ударили в грязь лицом. У всех предприятия давным-давно подготовлены к серийному производству страж-птицы. Уже несколько месяцев как окончательно согласованы стандарты устройства и оснащения, не хватало только последнего слова президента.

— Превосходно, — заметил представитель. — Если так, я полагаю, мы можем... У вас вопрос?

— Да, сэр, — сказал Гелсен. — Я хотел бы знать: мы будем выпускать теперешнюю модель?

— Разумеется, она самая удачная.

— У меня есть возражение.

Гелсен встал. Собратья пронизывали его гневными взглядами. Уж не намерен ли он отодвинуть приход золотого века?!

— В чем заключается ваше возражение? — спросил представитель.

— Прежде всего позвольте заверить, что я на все сто процентов за машину, которая прекратит убийства. В такой машине давно уже назрела необходимость. Я только против того, чтобы вводить в страж-птицу самообучающееся устройство. В сущности, это значит оживить машину, дать ей что-то вроде сознания. Этого я одобрить не могу.

— Но позвольте, мистер Гелсен, вы же сами уверяли, что без такого устройства страж-птица будет недостаточно эффективна. Тогда, по всем подсчетам, птицы смогут предотвращать только семьдесят процентов убийств.

— Да, верно — согласился Гелсен, ему было ужасно не по себе. Но он упрямо докончил: — А все-таки, я считаю, с точки зрения нравственной это может оказаться просто опасно — доверить машине решать человеческие дела.

— Да бросьте вы, Гелсен, — сказал один из предпринимателей. — Ничего такого не происходит. Страж-птица только подкрепит те решения, которые приняты всеми честными людьми с незапамятных времен.

— Полагаю, что вы правы, — вставил представитель. — Но я могу понять чувства мистера Гелсена. Весьма прискорбно, что мы вынуждены вверять машине проблему, стоящую перед человечеством, и еще прискорбнее, что мы не в силах проводить в жизнь наши законы без помощи машины. Но не забывайте, мистер Гелсен, у нас нет иного способа остановить убийцу *прежде, чем он совершил убийст-*

во. Если мы из философских соображений ограничим деятельность страж-птицы, это будет несправедливо в отношении многих и многих жертв, которые каждый год погибают от руки убийц. Вы не согласны?

— Да в общем-то согласен, — уныло сказал Гелсен.

Он и сам говорил себе это тысячу раз, а все же ему было неспокойно. Надо бы потолковать об этом с Макинтайром.

Совещание кончилось, и тут он вдруг усмехнулся. Вот забавно!

Уйма полицейских останется без работы!

— Ну что вы скажете? — в сердцах молвил сержант Селтрикс. — Пятнадцать лет я ловил убийц, а теперь меня заменяют машиной. — Он провел огромной красной ручищей по лбу и оперся на стол капитана. — Ай-да наука!

Двое других полицейских, в недавнем прошлом служивших по той же части, мрачно кивнули.

— Да ты не горюй, — сказал капитан. — Мы тебя переведем в другой отдел, будешь ловить воров. Тебе понравится.

— Не пойму я, — жалобно сказал Селтрикс. — Какая-то паршивая жестянка будет раскрывать преступления.

— Не совсем так, — поправил капитан. — Считается, что страж-птица предотвратит преступление и не даст ему совериться.

— Тогда какое же это преступление? — возразил один из полицейских. — Нельзя повесить человека за убийство, покуда он никого не убил, так я говорю?

— Не в том соль, — сказал капитан. — Считается, что страж-птица остановит человека, покуда он еще не убил.

— Стало быть, никто его не арестует? — спросил Селтрикс.

— Вот уж не знаю, как они думают с этим управляться, — признался капитан.

Помолчали. Капитан зевнул и стал разглядывать свои часы.

— Одного не пойму, — сказал Селтрикс, все еще опираясь на стол капитана. — Как они все это проделали? С чего началось?

Капитан испытующе на него посмотрел — не насмехается ли? Газеты уже сколько месяцев трубят про этих страж-птиц! А впрочем, Селтрикс из тех парней, что в газете кроме как в новости спорта никаку не заглядывают.

— Да вот, — заговорил капитан, припоминая, что он вычитал в воскресных приложениях, — эти самые ученые — они криминалисты. Значит, они изучали убийц, хотели разобраться, что в них неладно. Ну и нашли, что мозг убийцы излучает не такую волну, как у всех людей. И железы у него тоже как-то по-особенному действуют. И все это как раз тогда, когда он собирается убить. Ну и вот, эти ученые смастерили такую машину — как дойдут до нее эти мозговые волны, так на ней загорается красная лампочка или вроде этого.

— Уче-оные, — с горечью протянул Селтрикс.

— Так вот, соорудили эту машину, а что с ней делать, не знают. Она огромная, с места не свинешь, а убийцы поблизости не так уж часто ходят, чтоб лампочка загоралась. Тогда построили аппараты поменьше и испытали в некоторых полицейских участках. По-моему, и в нашем штате испытывали. Но толку все равно было чуть. Никак не поспеть вовремя на место преступления. Вот они и смasterили страж-птицу.

— Так уж они и остановят убийц, — недоверчиво сказал один полицейский.

— Ясно, останавливают. Я читал, что показали испытания. Эти птицы чуют преступника прежде, чем он успеет убить. Налетают на него и ударяют током или вроде того. И он уже ничего не может.

— Так что же, капитан, отдел розыска убийц вы прикрываете? — спросил Селтрикс.

— Ну, нет. Оставлю костяк, сперва поглядим, как эти птички будут справляться.

— Ха, костяк. Вот смех, — сказал Селтрикс.

— Ясно, оставлю, — повторил капитан. — Сколько-то людей мне понадобится. Похоже, эти птицы могут остановить не всякого убийцу.

— Что ж так?

— У некоторых убийц мозги не выпускают таких волн, — пояснил капитан, пытаясь припомнить, что говорилось в газетной статье. — Или, может, у них железы не так работают, или вроде того.

— Так это их, что ли, птицам не остановить? — из профессионального интереса полюбопытствовал Селтрикс.

— Не знаю. Но я слыхал, эти чертовы птички устроены так, что скоро они всех убийц переловят.

— Как же это?

— Они учатся. Сами страж-птицы. Прямо как люди.

— Вы что, за дурака меня считаете?

— Вовсе нет.

— Ладно, — сказал Селтрикс. — А свой пугач я смазывать не перестану. На всякий пожарный случай. Не больно я доверяю ученой братии.

— Вот это правильно.

— Птиц каких-то выдумали!

И Селтрикс презрительно фыркнул.

Страж-птица взмыла над городом, медленно описывая плавную дугу. Алюминиевое тело поблескивало в лучах утреннего солнца, на недвижных крыльях играли огоньки. Она парила безмолвно.

Безмолвно, но все органы чувств начеку. Встроенная аппаратура подсказывала страж-птице, где она находится, направляла ее полет по широкой кривой наблюдения и поиска. Ее глаза и уши действовали как единое целое, выискивали, выслеживали.

И вот что-то случилось! С молниеносной быстрой электронные органы чувств уловили некий сигнал. Сопоставляющий аппарат исследовал его, сверил с электрическими и химическими данными,ложенными в блоках памяти. Щелкнуло реле.

Страж-птица по спирали помчалась вниз, к той точке, откуда, все усиливаясь, исходил сигнал. Она чуяла выделения неких желез, *ощущала* необычную волну мозгового излучения.

В полной готовности, во всеоружии описывала она круги, отсвечивая в ярких солнечных лучах.

Динелли не заметил страж-птицы, он был поглощен другим. Вскинув револьвер, он жалкими глазами уставился на хозяина бакалейной лавки.

— Не подходи!

— Ах ты, щенок! — рослый бакалейщик шагнул ближе. — Обокрасть меня вздумал? Да я тебе все кости переломаю!

Бакалейщик был то ли дурак, то ли храбрец — нимало не опасаясь револьвера, он надвигался на воришку.

— Ладно же! — выкрикнул насмерть перепуганный Динелли. — Получай, кровопийца...

Электрический разряд ударил ему в спину. Выстрелом раскидало завтрак, приготовленный на подносе.

— Что за черт? — изумился бакалейщик, тараща глаза на оглушенного вора, свалившегося к его ногам. Потом заметил серебряный блеск крыльев. — Ах, чтоб мне провалиться! Птички-то действуют!

Он смотрел вслед серебряным крыльям, пока они не растворились в синеве. Потом позвонил в полицию.

Страж-птица уже вновь описывала кривую и наблюдала. Ее мыслящий центр сопоставлял новые сведения, которые она узнала об убийстве. Некоторые из них были ей прежде неизвестны.

Эта новая информация мгновенно передалась всем другим страж-птицам, а их информация передалась ей.

Страж-птицы непрестанно обменивались новыми сведениями, методами, определениями.

Теперь, когда страж-птицы сходили с конвейера непрерывным потоком, Гелсен позволил себе вздохнуть с облегчением. Работа идет полным ходом, завод так и гудит. Заказы выполняются без задержки, прежде всего для крупнейших городов, а там доходит черед и до мелких городишек и поселков.

— Все идет как по маслу, шеф, — доложил с порога Макинтайр: он только что закончил обычный обход.

— Отлично. Присядьте.

Инженер грузно опустился на стул, закурил сигарету.

— Мы уже немало времени занимаемся этим делом, — заметил Гелсен, не зная, с чего начать.

— Верно, — согласился Макинтайр.

Он откинулся на спинку стула и глубоко затянулся. Он был одним из тех инженеров, которые наблюдали за созданием первой страж-птицы. С тех пор

прошло шесть лет. Все это время Макинтайр работал у Гелсена, и они стали друзьями.

— Вот что я хотел спросить... — Гелсен запнулся. Никак не удавалось выразить то, что было на уме. Вместо этого он спросил: — Послушайте, Мак, что вы думаете о страж-птицах?

— Я-то? — Инженер усмехнулся. С того часа, как зародился первоначальный замысел, Макинтайр был неразлучен со страж-птицей во сне и наяву, за обедом и за ужином. Ему и в голову не приходило как-то определять свое к ней отношение. — Да что, замечательная штука.

— Я не о том, — сказал Гелсен. Наконец-то он догадался, чего ему не хватало: чтобы хоть кто-то его понял. — Я хочу сказать, вам не кажется, что это опасно, когда машина думает?

— Да нет, шеф. А почему вы спрашиваете?

— Слушайте, я не ученый и не инженер. Мое дело подсчитать издержки и сбыть продукцию, а какова она — это уж ваша забота. Но я человек простой, и, честно говоря, страж-птица начинает меня пугать.

— Пугаться нечего.

— Не нравится мне это обучающееся устройство.

— Ну почему же? — Макинтайр снова усмехнулся. — А, понимаю. Так многие рассуждают, шеф. Вы боитесь — вдруг ваши машинки проснутся и скажут: а чем это мы занимаемся? Давайте лучше править миром! Так, что ли?

— Пожалуй, вроде этого, — признался Гелсен.

— Ничего такого не случится, — заверил Макинтайр. — Страж-птица — машинка сложная, верно, но Массачусетский электронный вычислитель куда сложнее. И все-таки у него нет разума.

— Да, но страж-птицы умеют учиться.

— Ну конечно. И все новые вычислительные ма-

шины тоже умеют. Так что же, по-вашему, они вступят в сговор со страж-птицами?

Гелсена взяла досада — и на Макинтайра, и, еще того больше, на самого себя: охота была смешить людей...

— Так ведь страж-птицы сами переводят свою науку в дело. Никто их не контролирует.

— Значит, вот что вас беспокоит, — сказал Макинтайр.

— Я давно уже подумываю заняться чем-нибудь другим, — сказал Гелсен (до последней минуты он сам этого не понимал).

— Послушайте, шеф. Хотите знать, что я об этом думаю как инженер?

— Ну-ка?

— Страж-птица ничуть не опаснее, чем автомобиль, счетная машина или термометр. Разума и воли у нее не больше. Просто она так сконструирована, что откликается на определенные сигналы и в ответ выполняет определенные действия.

— А обучающееся устройство?

— Без него нельзя, — сказал Макинтайр терпеливо, словно объясняя задачу малому ребенку. — Страж-птица должна пресекать всякое покушение на убийство — так? Ну, а сигналы исходят не от всякого убийцы. Чтобы помешать им всем, страж-птице надо найти новые определения убийства и сопоставить их с теми, которые ей уже известны.

— По-моему, это против человеческой природы, — сказал Гелсен.

— Вот и прекрасно. Страж-птица не знает никаких чувств. И рассуждает не так, как люди. Ее нельзя ни подкупить, ни одурачить. И запугать тоже нельзя.

На столе у Гелсена зажужжал вызов селектора. Он и не посмотрел в ту сторону.

— Все это я знаю, — сказал он Макинтайру. — А все-таки иногда я чувствую себя как тот человек, который изобрел динамит. Он-то думал, эта штука пригодится, только чтоб корчевать пни.

— Но вы-то не изобрели страж-птицу.

— Все равно я в ответе, раз я их выпускаю.

Опять зажужжал сигнал вызова, и Гелсен сердито нажал кнопку.

— Пришли отчеты о работе страж-птиц за первую неделю, — раздался голос секретаря.

— Ну и как?

— Великолепно, сэр!

— Пришлите мне их через четверть часа. — Гелсен выключил селектор и опять повернулся к Макинтайру; тот спичкой чистил ногти. — А вам не кажется, что человеческая мысль как раз к этому и идет? Что людям нужен механический бог? Электронный наставник?

— Я думаю, вам бы надо получше познакомиться со страж-птицей, шеф, — заметил Макинтайр. — Вы знаете, что собой представляет это обучающееся устройство?

— Только в общих чертах.

— Во-первых, поставлена задача. А именно: помешать живым существам совершать убийства. Во-вторых, убийство можно определить как насилие, которое заключается в том, что одно живое существо ломает, увечит, истязает другое существо или иным способом нарушает его жизнедеятельность. В-третьих, убийство почти всегда можно проследить по определенным химическим и электрическим изменениям в организме.

Макинтайр закурил новую сигарету и продолжал:

— Эти три условия обеспечивают постоянную деятельность птиц. Сверх того есть еще два условия для аппарата самообучения. А именно, в-четвертых,

некоторые существа могут убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии номер три. В-пятых, такие существа могут быть обнаружены при помощи данных, подходящих к условию номер два.

— Понимаю, — сказал Гелсен.

— Сами видите, все это безопасно и вполне надежно.

— Да, наверно... — Гелсен замялся. — Что ж, пожалуй, все ясно.

— Вот и хорошо.

Инженер поднялся и вышел.

Еще несколько минут Гелсен раздумывал. Да, в страж-птице просто не может быть ничего опасного.

— Давайте отчеты, — сказал он по селектору.

Высоко над освещенными городскими зданиями парила страж-птица. Уже смерклось, но поодаль она видела другую страж-птицу, а там и еще одну. Ведь город большой.

Не допускать убийств...

Работы все прибавлялось. По незримой сети, связующей всех страж-птиц между собой, непрестанно передавалась новая информация. Новые данные, новые способы выслеживать убийства.

Вот оно! Сигнал! Две страж-птицы разом рванулись вниз. Одна восприняла сигнал на долю секунды раньше другой и уверенно продолжала спускаться. Другая вернулась к наблюдению.

*Условие четвертое: некоторые живые существа способны убивать, не проявляя признаков, перечисленных в условии третьем.*

Страж-птица сделала выводы из вновь полученной информации и знала теперь, что, хотя это существо и не издает характерных химических и электрических запахов, оно все же намерено убить.

Насторожив все свои чувства, она подлетела ближе.

Выяснила, что требовалось, и спикировала.

Роджер Греко стоял, прислонясь к стене здания, руки в карманы. Левая рука сжимала холодную рукоять револьвера. Греко терпеливо ждал.

Он ни о чем не думал, просто ждал одного человека. Этого человека надо убить. За что, почему — кто его знает. Не все ли равно? Роджер Греко не из любопытных, отчасти за это его и ценят. И еще за то, что он мастер своего дела.

Надо аккуратно всадить пулю в башку незнакомому человеку. Ничего особенного — и не волнует и не противно. Дело есть дело, не хуже всякого другого. Убиваешь человека. Ну и что?

Когда мишень появилась в дверях, Греко вынул из кармана револьвер. Спустил предохранитель, перебросил револьвер в правую руку. Все еще ни о чем не думая, прицелился...

И его сбило с ног.

Он решил, что в него стреляли. С трудом поднялся на ноги, огляделся и, щурясь сквозь застлавший глаза туман, снова прицелился.

И опять его сбило с ног.

На этот раз он попытался нажать спуск лежа. Не пасовать же! Кто-кто, а он мастер своего дела.

Опять удар, и все потемнело. На этот раз навсегда, ибо страж-птица обязана охранять объект насилия — чего бы это ни стоило убийце.

Тот, кто должен был стать жертвой, прошел к своей машине. Он ничего не заметил. Все произошло в молчании.

Гелсен чувствовал себя как нельзя лучше. Страж-птицы работают превосходно. Число убийств уже сократилось вдвое и продолжает падать. В темных

переулках больше не подстерегают никакие ужасы. После захода солнца незачем обходить стороной парки и спортивные площадки.

Конечно, пока еще остаются грабежи. Производят мелкие кражи, хищения, мошенничество, подделки и множество других преступлений.

Но это не столь важно. Потерянные деньги можно восместить, потерянную жизнь не вернешь.

Гелсен готов был признать, что он неверно судил о страж-птицах. Они и вправду делают дело, с которым люди справиться не могли.

Именно в это утро появился первый намек на неблагополучие.

В кабинет вошел Макинтайр. Молча остановился перед шефом. Лицо озабоченное и немного смущенное.

— Что случилось, Мак? — спросил Гелсен.

— Одна страж-птица свалила мясника на бойне. Чуть не прикончила.

Гелсен минуту подумал. Ну да, понятно. Обучающееся устройство страж-птицы вполне могло определить убой скота как убийство.

— Передайте на бойни, пускай там введут механизацию. Мне и самому всегда претило, что животных забивают вручную.

— Хорошо, — сдержанно сказал Макинтайр, пожал плечами и вышел.

Гелсен остановился у стола и задумался. Стало быть, страж-птица не знает разницы между убийцей и человеком, который просто исполняет свою работу? Похоже, что так. Для нее убийство всегда убийство. Никаких исключений. Он нахмурился. Видно, этим самообучающимся устройствам еще требуется доводка.

А впрочем, не очень большая. Просто надо сделать их более разборчивыми.

Он опять сел за стол и углубился в бумаги, стараясь отогнать давний, вновь пробудившийся страх.

Преступника привязали к стулу, приладили к ноге электрод.

— О-о, — простонал он, почти не сознавая, что с ним делают.

На бритую голову надвинули шлем, затянули последние ремни. Он все еще негромко стонал.

И тут в комнату влетела страж-птица. Откуда она появилась, никто не понял. Тюрьмы велики, стены их прочны, на всех дверях запоры и засовы, и однако страж-птица проникла сюда...

Чтобы предотвратить убийство.

— Уберите эту штуку! — крикнул начальник тюрьмы и протянул руку к кнопке.

Страж-птица сбила его с ног.

— Прекрати! — заорал один из караульных и хотел сам нажать кнопку.

И повалился на пол рядом с начальником тюрьмы.

— Это же не убийство, дура чертова! — рявкнул другой караульный и вскинул револьвер, целясь в блестящую металлическую птицу, которая описывала круги под потолком.

Страж-птица оказалась проворнее, и его отшвырнуло к стене.

В комнате стало тихо. Немного погодя человек в шлеме захихикал. И снова умолк.

Страж-птица, чуть вздрагивая, повисла в воздухе. Она была начеку.

Убийство не должно совершиться!

Новые сведения мгновенно передались всем страж-птицам. Никем не контролируемые, каждая сама по себе, тысячи страж-птиц восприняли эти сведения и начали поступать соответственно.

Не допускать, чтобы одно живое существо лома-

*ло, увечило, истязало другое существо или иным способом нарушало его жизнедеятельность. Дополнительный перечень действий, которые следует предотвращать.*

— Но, пошла, окаянная! — заорал фермер Олистер и взмахнул кнутом.

Лошадь застращалась, прынула в сторону, повозка затряслась и задребезжала.

— Пошла, сволочь! Ну!

Олистер снова замахнулся. Но кнут так и не опустился на лошадиную спину. Бдительная страж-птица почуяла насилие и свалила фермера наземь.

Живое существо? А что это такое? Страж-птицы собирали все новые данные, определения становились шире, подробнее. И понятно, работы прибавлялось.

Меж стволами едва виднелся олень. Охотник поднял ружье и тщательно прицелился.

Выстрелить он не успел.

Свободной рукой Гелсен отер пот со лба.

— Хорошо, — сказал он в телефонную трубку.

Еще минуту-другую он выслушивал льющийся по проводу поток браны, потом медленно опустил трубку на рычаг.

— Что там опять? — спросил Макинтайр.

Он был небрит, галстук развязался, ворот рубашки расстегнут.

— Еще один рыбак, — сказал Гелсен. — Страж-птицы не дают ему ловить рыбу, а семья голодает. Он спрашивает, что мы собираемся предпринять.

— Это уже сколько сотен случаев?

— Не знаю. Сегодняшнюю почту я еще не смотрел.

— Так вот, я уже понял, в чем наш просчет, — мрачно сказал Макинтайр.

У него было лицо человека, который в точности

выяснил, каким образом он взорвал земной шар... но выяснил слишком поздно.

— Ну-ну, я слушаю.

— Все мы сошлись на том, что всякие убийства надо прекратить. Мы считали, что страж-птицы будут рассуждать так же, как мы. А следовало точно определить все условия.

— Насколько я понимаю, нам самим надо было толком уяснить, что за штука убийство и откуда оно, а уж тогда можно было бы все как следует уточнить. Но если б мы это уяснили, так на что нам страж-птицы?

— Ну, не знаю. Просто им надо было втолковать, что некоторые вещи не убийство, а только похоже.

— А все-таки почему они мешают рыбакам? — спросил Гелсен.

— А почему бы и нет? Рыбы и звери — живые существа. Просто мы не считаем, что ловить рыбу или резать свиней — убийство.

Зазвонил телефон. Гелсен со злостью нажал кнопку селектора.

— Я же сказал: больше никаких звонков. Меня нет. Ни для кого.

— Это из Вашингтона, — ответил секретарь. — Я думал...

— Ладно, извините. — Гелсен снял трубку. — Да. Очень неприятно, что и говорить... Вот как? Хорошо, конечно, я тоже распоряжусь.

И дал отбой.

— Коротко и ясно, — сказал он Макинтайру. — Предлагается временно прикрыть лавочку.

— Не так это просто, — возразил Макинтайр. — Вы же знаете, страж-птицы действуют сами по себе, централизованного контроля над ними нет. Раз в неделю они прилетают на техосмотр. Тогда и придется по одной их выключать.

— Ладно, надо этим заняться. Монро уже вывел из строя примерно четверть всех своих птиц.

— Надеюсь, мне удастся придумать для них сдерживающие центры, — сказал Макинтайр.

— Прекрасно. Я счастлив, — с горечью отозвался Гелсен.

Страж-птицы учились очень быстро, познания их становились богаче, разнообразней. Отвлеченные понятия, поначалу едва намеченные, расширялись, птицы действовали на их основе — и понятия вновь обобщались и расширялись.

Предотвратить убийство...

Металл и электроны рассуждают логично, но не так, как люди.

Живое существо? *Всякое* живое существо?

И страж-птицы принялись охранять все живое на свете.

Муха с жужжанием влетела в комнату, опустилась на стол, помешкала немного, перелетела на подоконник.

Старик подкрался к ней, замахнулся свернутой в трубку газетой.

Убийца!

Страж-птица ринулась вниз и в последний миг спасла муху.

Старик еще минуту корчился на полу, потом замер. Его ударило совсем чуть-чуть, но для слабого, изношенного сердца было довольно и этого.

Зато жертва спасена, это — главное. Спасай жертву, а нападающий пусть получает по заслугам.

— Почему их не выключают? — в ярости спросил Гелсен.

Помощник инженера по техосмотру показал рукой в угол ремонтной мастерской. Там на полу ле-

жал старший инженер. Он еще не оправился от шока.

— Вот он хотел выключить одну, — пояснил помощник. Он стиснул руки и едва сдерживал дрожь.

— Что за нелепость! У них же нет никакого чувства самосохранения.

— Тогда выключайте их сами. Да они, наверно, больше и не станут прилетать.

Что же происходит? Гелсен начал соображать что к чему. Страж-птицы еще не определили окончательно, чем же отличается живое существо от неживых предметов. Когда на заводе Монро некоторых из них выключили, остальные, видимо, сделали из этого свои выводы.

Поневоле они пришли к заключению, что они и сами — живые существа.

Никто никогда не внушал им обратного. И несомненно, они во многих отношениях действуют как живые организмы.

На Гелсена нахлынули прежние страхи. Он содрогнулся и поспешил вышел из ремонтной. Надо поскорей отыскать Макинтайра!

Сестра подала хирургу тампон.

— Скальпель!

Она вложила ему в руку скальпель. Он начал первый разрез. И вдруг заметил неладное.

— Кто впустил сюда эту штуку?

— Не знаю, — отозвалась сестра, голос ее из-за марлевой повязки прозвучал глухо.

— Уберите ее.

Сестра замахала руками на блестящую крылатую машинку, но та, подрагивая, повисла у нее над головой.

Хирург продолжал делать разрез... но недолго это ему удавалось.

Металлическая птица отогнала его в сторону и насторожилась, охраняя пациента.

— Позвоните на фабрику! — распорядился хирург. — Пускай они ее выключат.

Страж-птица не могла допустить, чтобы над живым существом совершили насилие.

Хирург беспомощно смотрел, как на операционном столе умирает больной.

Страж-птица парила высоко над равниной, изрезанной бегущими во все стороны дорогами, и наблюдала, и ждала. Уже много недель она работала без отдыха и без ремонта. Отдых и ремонт стали недостижимы — не может же страж-птица допустить, чтобы ее — живое существо — убили! А между тем птицы, которые возвращались на техосмотр, были убиты.

В программу страж-птиц был заложен приказ через определенные промежутки времени возвращаться на фабрику. Но страж-птица повиновалась приказу более непреложному: охранять жизнь, в том числе и свою собственную.

Признаки убийства бесконечно множились, определение так расширилось, что охватить его стало немыслимо. Но страж-птицу это не занимало. Она откликалась на известные сигналы, откуда бы они ни исходили, каков бы ни был их источник.

После того как страж-птицы открыли, что они и сами живые существа, в блоках их памяти появилось новое определение живого организма. Оно охватывало многое множество видов и подвидов.

Сигнал! В сотый раз за этот день страж-птица легла на крыло и стремительно пошла вниз, торопясь помешать убийству.

Джексон зевнул и остановил машину у обочины. Он не заметил в небе сверкающей точки. Ему неза-

чем было остерегаться. Ведь по всем человеческим понятиям он вовсе не замышлял убийства.

Самое подходящее местечко, чтобы вздремнуть, — подумал он. Семь часов без передышки вел машину, не диво, что глаза слипаются. Он протянул руку, хотел выключить зажигание...

И что-то отбросило его к стенке кабины.

— Ты что, сбесилась? — спросил он сердито. — Я же только хотел...

Он снова протянул руку, и снова его ударило.

У Джексона хватило ума не пытаться в третий раз. Он каждый день слушал радио и знал, как поступают страж-птицы с непокорными упрямцами.

— Дура железная, — сказал он повисшей над ним механической птице. — Автомобиль не живой. Я вовсе не хочу его убить.

Но страж-птица знала одно: некоторые действия прекращают деятельность организма. Автомобиль, безусловно, деятельный организм. Ведь он из металла, как и сама страж-птица, не так ли? И при этом движется...

— Без ремонта и подзарядки у них истощится запас энергии, — сказал Макинтайр, отодвигая груду спецификаций.

— А когда это будет? — осведомился Гелсен.

— Через полгода, через год. Для верности скажем — год.

— Год... — повторил Гелсен. — Тогда всему конец. Слыхали последнюю новость?

— Что такое?

— Страж-птицы решили, что Земля — живая. И не дают фермерам пахать. Ну и все прочее, конечно, тоже живое: кролики, жуки, мухи, волки, москиты, львы, крокодилы, вороны и всякая мелочь вроде микробов.

— Это я знаю, — сказал Макинтайр.

— А говорите, они выдохнутся через полгода или через год. Сейчас-то как быть? Через полгода мы помрем с голоду.

Инженер потер подбородок.

— Да, мешкать нельзя. Равновесие в природе лежит к чертям.

— Мешкать нельзя — это мягко сказано. Надо что-то делать немедля. — Гелсен закурил сигарету, уже тридцать пятую за этот день. — По крайней мере я могу теперь заявить: «Говорил я вам!» Да вот беда — не утешает. Я так же виноват, как все прочие осли-машинопоклонники.

Макинтайр не слушал. Он думал о страж-птицах.

— Вот, к примеру, в Австралии мор на кроликов.

— Всюду растет смертность, — сказал Гелсен. — Голод. Наводнения. Нет возможности валить деревья. Врачи не могут... что вы сказали про Австралию?

— Кролики мрут, — повторил Макинтайр. — В Австралии их почти не осталось.

— Почему? Что еще стряслось?

— Там объявился какой-то микроб, который поражает одних кроликов. Кажется, его переносят москиты...

— Действуйте, — сказал Гелсен. — Изобретите что-нибудь. Срочно свяжитесь по телефону с инженерами других концернов. Да поживей. Может, все вместе что-нибудь придумаете.

— Есть, — сказал Макинтайр, схватил бумагу, перо и бросился к телефону.

— Ну, что я говорил? — воскликнул сержант Селтрикс и ухмыляясь поглядел на капитана. — Говорил я вам, что все ученые — психи?

— Я, кажется, не спорил, — заметил капитан.

— А все ж-таки сомневались.

— Зато теперь не сомневаюсь. Ладно, ступай.  
У тебя работы невпроворот.

— Знаю. — Селтрикс вытащил револьвер, провелил, в порядке ли, и вновь сунул в кобуру. — Все наши парни вернулись, капитан?

— Все? — Капитан невесело засмеялся. — Да в нашем отделе теперь в полтора раза больше народа. Столько убийств еще никогда не бывало.

— Ясно, — сказал Селтрикс. — Страж-птицам недосуг, они нянчатся с грузовиками и не дают паякам жрать мух.

Он пошел было к дверям, но обернулся и на прощанье выпалил:

— Верно вам говорю, капитан, все машины — дуры безмозглые.

Капитан кивнул.

Тысячи страж-птиц пытались помешать несчетным миллионам убийств — безнадежная затея! Но страж-птицы не знали, что такое надежда. Не наделенные сознанием, они не радовались успехам и не страшились неудач. Они терпеливо делали свое дело, исправно отзываясь на каждый полученный сигнал.

Они не могли поспеть всюду сразу, но в этом и не было нужды. Люди быстро поняли, что может не понравиться страж-птицам, и старались ничего такого не делать. Иначе попросту опасно. Эти птицы чересчур быстры и чутки — оглянуться не успеешь, а она уже тебя настигла.

Теперь они поблажки не давали. В их первоначальной программе заложено было требование: если другие средства не помогут, убийцу надо убить.

Чего ради щадить убийцу?

Это обернулось самым неожиданным образом. Страж-птицы обнаружили, что за время их работы

число убийств и насилий над личностью стало расти в геометрической прогрессии. Они были правы постолику, поскольку их определение убийства непрерывно расширялось и охватывало все больше разнообразнейших явлений. Но для страж-птиц этот рост означал лишь, что прежние их методы несостоительны. Простая логика. Если способ А не действует, испробуй способ В. Страж-птицы стали разить насмерть.

Чикагские бойни закрылись, и скот в хлевах изыхал с голоду, потому что фермеры Среднего запада не могли косить траву на сено и собирать урожай.

Никто с самого начала не объяснил страж-птицам, что вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств.

Голодная смерть страж-птиц не касалась, ведь она наступала оттого, что какие-то действия не совершились.

А их интересовали только действия, которые совершаются.

Охотники сидели по домам, свирепо глядя на парящие в небе серебряные точки: руки чесались сбить их метким выстрелом! Но стрелять не пытались. Страж-птицы мигом чуяли намерения возможного убийцы и карали не мешкая.

У берегов Сан-Педро и Глостера праздно покачивались на приколе рыбачьи лодки. Ведь рыбы — живые существа.

Фермеры плевались, и сыпали проклятиями, и умирали в напрасных попытках сжать хлеб. Злаки — живые, их надо защищать. И картофель, с точки зрения страж-птицы, живое существо ничуть не хуже других. Гибель полевой былинки равнозначна убийству президента — с точки зрения страж-птицы.

Ну и, разумеется, некоторые машины тоже жи-

вые. Вполне логично, ведь и страж-птицы — машины, и притом живые.

Помилуй вас боже, если вы вздумали плохо обращаться со своим радиоприемником. Выключить приемник — значит его убить. Ясно же: голос его умолкает, лампы меркнут и он становится холодный.

Страж-птицы старались охранять и других своих подопечных. Волков казнили за покушения на кроликов. Кроликов истребляли за попытки грызть зелень. Плющ сжигали за то, что он старался удавить дерево.

Покарали бабочку, которая пыталась нанести розе оскорбление действием.

Но за всеми преступлениями проследить не удавалось — страж-птиц не хватало. Даже миллиард их не справился бы с непомерной задачей, которую поставили себе тысячи.

И вот над страной бушует смертоносная сила, десять тысяч молний бессмысленно и слепо разят и убивают по тысяче раз на дню.

Молнии, которые предчувствуют каждый твой шаг и карают твои помыслы.

— Прошу вас, джентльмены! — взмолился представитель президента. — Нам нельзя терять время.

Семеро предпринимателей разом замолчали.

— Пока наше совещание официально не открыто, я хотел бы кое-что сказать, — заявил председатель компании Монро. — Мы не считаем себя ответственными за теперешнее катастрофическое положение. Проект выдвинуло правительство, пускай оно и несет всю моральную и материальную ответственность.

Гелсен пожал плечами. Трудно поверить, что всего несколько недель назад эти самые люди жаждали славы спасителей мира. Теперь, когда спасение не

удалось, они хотят одного: свалить с себя ответственность!

— Уверяю вас, об этом сейчас нечего беспокоиться, — заговорил представитель. — Нам нельзя терять время. Ваши инженеры отлично поработали. Я горжусь вашей готовностью сотрудничать и помочь в критический час. Итак, вам предоставляются все права и возможности — план намечен, проводите его в жизнь!

— Одну минуту! — сказал Гелсен.

— У нас каждая минута на счету.

— Этот план не годится.

— По-вашему, он невыполним?

— Еще как выполним. Только, боюсь, лекарство окажется еще злей, чем болезнь.

Шестеро фабрикантов свирепо уставились на Гелсена, видно было, что они рады бы его придушить. Но он не смущился.

— Неужели мы ничему не научились? — спросил он. — Неужели вы не понимаете: человечество должно само решать свои задачи, а не передоверять это машинам.

— Мистер Гелсен, — прервал председатель компании Монро. — Я с удовольствием послушал бы, как вы философствуете, но, к несчастью, пока что людей убивают. Урожай гибнет. Местами в стране уже начинается голод. Со страж-птицей надо покончить — и немедленно!

— С убийствами тоже надо покончить. Помнится, все мы на этом сошлись. Только способ выбрали негодный!

— А что вы предлагаете? — спросил представитель президента.

Гелсен перевел дух. Призвал на помощь все свое мужество. И сказал:

— Подождем, пока страж-птицы сами выйдут из строя.

Взрыв возмущения был ему ответом. Представитель с трудом водворил тишину.

— Пускай эта история будет нам уроком, — уговаривал Гелсен. — Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизмами лечить недуги человечества. Попробуем начать сызнова. Машины нужны, спору нет, но в судьи, учителя и наставники они нам не годятся.

— Это просто смешно, — сухо сказал представитель. — Вы переутомились, мистер Гелсен. Постарайтесь взять себя в руки. — Он откашлялся. — Распоряжение президента обязывает всех вас осуществить предложенный вами план. — Он пронзил взглядом Гелсена. — Отказ равносителен государственной измене.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Гелсен.

— Прекрасно. Через неделю конвейеры должны давать продукцию.

Гелсен вышел на улицу один. Его опять одолевали сомнения. Прав ли он? Может, ему просто мещрится? И конечно, он не сумел толком объяснить, что его тревожит.

А сам-то он это понимает?

Гелсен вполголоса выругался. Почему он никогда не бывает хоть в чем-нибудь уверен? Неужели ему не на что опереться?

Он заторопился в аэропорт: надо скорее на фабрику...

Теперь страж-птица действовала уже не так стремительно и точно. От почти непрерывной нагрузки многие тончайшие части ее механизма износились

и разладились. Но она мужественно отозвалась на новый сигнал.

Паук напал на муху. Страж-птица устремилась на выручку.

И тотчас ощутила, что над нею появилось нечто неизвестное. Страж-птица повернула навстречу.

Раздался треск, по крылу страж-птицы скользнул электрический разряд. Она ответила гневным ударом: сейчас врага поразит шок.

У нападающего оказалась прочная изоляция. Он снова метнул молнию. На этот раз током пробило крыло насквозь. Страж-птица бросилась в сторону, но враг настигал ее, извергая электрические разряды.

Страж-птица рухнула вниз, но успела послать весть собратьям. Всем, всем, всем! Новая опасность для жизни, самая грозная, самая убийственная!

По всей стране страж-птицы приняли сообщение. Их мозг заработал в поисках ответа.

— Ну вот, шеф, сегодня сбили пятьдесят штук, — сказал Макинтайр, входя в кабинет Гелсена.

— Великолепно, — отозвался Гелсен, не поднимая глаз.

— Не так уж великолепно. — Инженер опустился на стул. — Ох и устал же я! Вчера было сбито семьдесят две.

— Знаю, — сказал Гелсен.

Стол его был завален десятками исков, он в отчаянии пересыпал их правительству.

— Думаю, они скоро наверстают, — пообещал Макинтайр. — Эти Ястребы отлично приспособлены для охоты на страж-птиц. Они сильнее, проворнее, лучше защищены. А быстро мы начали их выпускать, правда?

— Да уж...

— Но и страж-птицы тоже недурны, — прибавил Макинтайр. — Они учатся находить укрытие. Хитрят, изворачиваются, пробуют фигуры высшего пилотажа. Понимаете, каждая, которую сбивают, успевает что-то подсказать остальным.

Гелсен молчал.

— Но все, что могут страж-птицы, Ястребы могут еще лучше, — весело продолжал Макинтайр. — В них заложено обучающееся устройство специально для охоты. Они более гибки, чем страж-птицы. И учатся быстрее.

Гелсен хмуро поднялся, потянулся и отошел к окну. Небо было пусто. Гелсен посмотрел в окно и вдруг понял: с колебаниями покончено. Прав ли он, нет ли, но решение принято.

— Послушайте, — спросил он, все еще глядя в небо, — а на кого будут охотиться Ястребы, когда они перебьют всех страж-птиц?

— То есть как? — растерялся Макинтайр. — Н-ну... так ведь...

— Вы бы для безопасности сконструировали что-нибудь для охоты на Ястреба. На всякий случай, знаете ли.

— А вы думаете...

— Я знаю одно: Ястреб — механизм самоуправляющийся. Так же как и страж-птица. В свое время доказывали, что, если управлять страж-птицей на расстоянии, она будет слишком медлительна. Забочились только об одном: получить эту самую страж-птицу, да поскорее. Никаких сдерживающих центров не предусмотрели.

— Может, мы теперь что-нибудь придумаем, — неуверенно сказал Макинтайр.

— Вы взяли и выпустили в воздух машину-агрессора. Машину-убийцу. Перед этим была машина против убийц. Следующую игрушку вам волей-нев

волей придется сделать еще более самостоятельной — так?

Макинтайр молчал.

— Я вас не виню, — сказал Гелсен. — Это моя вина. Все мы в ответе, все до единого.

За окном в небе пронеслось что-то блестящее.

— Вот что получается, — сказал Гелсен. — А все потому, что мы поручаем машине дело, за которое должны отвечать сами.

Высоко в небе Ястреб атаковал страж-птицу. Бронированная машина-убийца за несколько дней многому научилась. У нее было одно-единственное назначение: убивать. Сейчас оно было направлено против совершенно определенного вида живых существ, металлических, как и сам Ястреб.

Но только что Ястреб сделал открытие: есть еще и другие разновидности живых существ...

Их тоже следует убивать.

# Ордер на убийство\*

Том Рыбак никак не предполагал, что его ждет карьера преступника. Было утро. Большое красное солнце только что поднялось над горизонтом вместе с плетущимся за ним маленьким желтым спутником, который едва послевал за солнцем. Крохотная, аккуратная деревушка — диковинная белая точка на зеленом пространстве планеты — поблескивала в летних лучах своих двух солнц.

Том только что проснулся у себя в домике. Он был высокий молодой мужчина с дубленной на солнце кожей; от отца он унаследовал продолговатый разрез глаз, а от матери — простодушное нежелание обременять себя работой. Том не спешил: до осенних дождей не рыбачат, а значит, и настоящей работы для рыбака нет. До осени он намерен был немного поваландаться и починить рыболовную снасть.

— Да говорят же тебе: крыша должна быть красная! — донесся до него с улицы голос Билли Малляра.

— У церквей никогда не бывает красных крыш! — кричал в ответ Эд Ткач.

Том нахмурился. Он совсем было позабыл о переменах, которые произошли в деревне за последние две недели, поскольку лично его они никак не ка-

---

\* Печатается по изд.: Шекли Р. Ордер на убийство: Паломничество на Землю. Пер. с англ. — М.: Мир, 1966.

© Перевод на русский язык, с сокращениями, «Мир», 1984.

сались. Он надел штаны и неторопливо зашагал на деревенскую площадь.

Там ему сразу бросился в глаза большой новый плакат, гласивший:

### ЧУЖДЫМ ЭЛЕМЕНТАМ ДОСТУП В ПРЕДЕЛЫ ГОРОДА ЗАПРЕЩЕН!

Никаких чуждых элементов на всем пространстве планеты Новый Дилавер не существовало. На ней росли леса и стояла только эта одна-единственная деревушка. Плакат имел чисто риторическое значение, выражая определенную политическую тенденцию.

На площади помещались церковь, тюрьма и почта. Все три здания в результате бешеноой деятельности были воздвигнуты за последние две сумасшедшие недели и поставлены аккуратно в ряд, фасадами на площадь. Никто не знал, что с ними делать: деревня уже свыше двух столетий недурно обходилась и без них. Но теперь, само собой разумеется, их необходимо было построить.

Эд Ткач стоял перед только что воздвигнутой церковью и прищурившись глядел вверх. Билли Маляр с опасностью для жизни балансируя на крутом скате церковной крыши. Его рыжеватые усы возмущенно топорчились. Внизу собралась небольшая толпа.

— Да пошел ты к черту! — сердился Билли Маляр. — Говорят тебе, я как раз на прошлой неделе все это прочел. Белая крыша — пожалуйста. Красная крыша — ни в коем случае.

— Нет, ты что-то путаешь, — сказал Ткач. — Как ты считаешь, Том?

Том пожал плечами; у него не было своего мнения на этот счет. И тут откуда ни возьмись, весь в

поту, появился мэр. Полы незаправленной рубахи свободно колыхались вокруг его большого живота.

— Слезай! — крикнул он Билли. — Я все нашел в книжке. Там сказано: маленькое красное школьное здание, а не церковное здание.

У Билли был очень рассерженный вид. Он вообще был человек раздражительный. Все Маляры народ раздражительный. Но с тех пор, как мэр на прошлой неделе назначил Билли Маляра начальником полиции, у Билли окончательно испортился характер.

— Но у нас же ничего такого нет. Нет этого самого — маленького школьного здания, — продолжал упорствовать Билли, уже наполовину спустившись с лестницы.

— А вот мы его сейчас и построим, — сказал мэр. — И придется поторопиться.

Он глянул на небо. Невольно все тоже поглядели вверх. Но там пока еще ничего не было видно.

— А где же эти ребята, где Плотники? — спросил мэр. — Сид, Сэм, Марв — куда вы подевались?

Из толпы высунулась голова Сида Плотника. Он все еще ходил на костылях, с тех пор как в прошлом месяце свалился с дерева, когда доставал яйца из птичьих гнезд. Все Плотники были не мастера лазать по деревьям.

— Остальные ребята сидят у Эда Пиво, — сказал Сид.

— Конечно, где же им еще быть! — прозвучал в толпе возглас Мэри Паромщицы.

— Ладно, позови их, — сказал мэр. — Нужно построить маленькое школьное здание, да побыстрей. Скажи им, чтобы строили рядом с тюрьмой. — Он повернулся к Билли Маляру, который уже спустился на землю. — А ты, Билли, покрасишь школьное

здания хорошей, яркой красной краской. И снаружи, и изнутри. Это очень важно.

— А когда я получу свою полицейскую бляху? — спросил Билли. — Я читал, что все начальники полиции носят бляхи.

— Сделай ее себе сам, — сказал мэр. Он вытер лицо подолом рубахи. — Ну и жарища! Что бы этому инспектору прибыть зимой... Том! Том Рыбак! У меня есть очень важное поручение для тебя. Пойдем, я тебе сейчас все растолкую.

Мэр обнял Тома за плечи, они пересекли пустынную рыночную площадь и по единственной мощеной улице направились к дому мэра. В былые времена дорожным покрытием служила здесь хорошо слежавшаяся грязь. Но былые времена кончились две недели назад, и теперь улица была вымощена битым камнем. Ходить по ней босиком стало так неудобно, что жители деревни предпочитали лазать друг к другу через забор. Мэр, однако, ходил по улице — для него это было делом чести.

— Послушайте, мэр, я сейчас отдохну...

— Какой теперь может быть отдых? — сказал мэр. — Он ведь может появиться в любой день.

Мэр пропустил Тома вперед, они вошли в дом, и мэр плюхнулся в большое кресло, придвигнутое почти вплотную к межпланетному радио.

— Том, — без проволочки приступил к делу мэр, — как ты насчет того, чтобы стать преступником?

— Не знаю, — сказал Том. — А что такое преступник?

Беспокойно поерзав в кресле и положив руку — для пущего авторитета — на радиоприемник, мэр сказал:

— Это, понимаешь ли, вот что... — и принялся разъяснять.

Том слушал, слушал, и чем дальше, тем меньше ему это нравилось. А во всем виновато межпланетное радио, решил он. Жаль, что оно и в самом деле не сломалось.

Никто не верил, что оно когда-нибудь может заговорить. Один мэр сменял другого, одно поколение сменялось другим, а межпланетное радио стояло и покрывалось пылью в коридоре — последнее безмолвное звено, связующее их планету с Матерью-Землей. Двести лет назад Земля разговаривала с Новым Дилавером, и с Фордом IV, и с альфой Центавра, и с Новой Испанией, и с прочими колониями, входившими в Содружество демократий Земли. А потом все сообщения прекратились.

Земля была занята своими делами. Дилаверцы ждали известий, но никаких известий не поступало. А потом в деревне начался мор и унес в могилу три четверти населения. Мало-помалу деревня оправилась. Жители приспособились, зажили своим особым укладом, который постепенно стал для них привычным. Они позабыли про Землю.

Прошло двести лет.

И вот две недели назад древнее радио закашлялось и возродилось к жизни. Час за часом оно урчало и плевалось атмосферными помехами, а вся деревня столпилась на улице возле дома мэра.

Наконец стали различимы слова:

— ...ты слышишь меня? Новый Дилавер! Ты меня слышишь?

— Да, да, мы тебя слышим, — сказал мэр.

— Колония все еще существует?

— А то как же! — горделиво отвечал мэр.

Голос стал строг и официален:

— В течение некоторого времени мы не поддерживали контакта с нашими внеземными колониями. Но мы решили навести порядок. Вы, Новый Дила-

вер, по-прежнему являетесь колонией Земли и, следовательно, должны подчиняться ее законам. Вы подтверждаете этот статус?

— Мы по-прежнему верны Земле, — с достоинством отвечал мэр.

— Отлично. С ближайшей планеты к вам будет направлен инспектор-резидент, чтобы проверить, действительно ли вы придерживаетесь установленных обычаев и традиций.

— Как вы сказали? — обеспокоенно спросил мэр.

Строгий голос взял октавой выше:

— Вы, разумеется, отдаете себе отчет в том, что мы не потерпим проникновения к нам каких бы то ни было чуждых элементов. Надеюсь, вы меня понимаете, генерал?

— Я не генерал. Я мэр.

— Вы возглавляете, не так ли?

— Да, но...

— В таком случае вы — генерал. Разрешите мне продолжать. В нашей Галактике не может быть места какой бы то ни было человеческой культуре, хоть чем-либо отличающейся от нашей и, следовательно, нам чуждой. Можно управлять, если каждый будет делать, что ему заблагорассудится? Порядок должен быть установлен любой ценой.

Мэр судорожно глотнул воздух и впился глазами в радио.

— Помните, что вы управляете колонией Земли, генерал, и не должны допускать никаких отклонений от нормы, никакого радикализма. Наведите у себя в колонии порядок, генерал. Испектор прибудет к вам в течение ближайших двух недель. Это все.

В деревне была срочно созвана сходка: требовалось немедленно решить, как наилучшим образом выполнить наказ Земли. Сошлись на том, что нужно

со всей возможной быстротой перестроить привычный уклад жизни на земной манер в соответствии с древними книгами.

— Что-то я никак в толк не возьму, зачем нам преступник, — сказал Том.

— На Земле преступник играет чрезвычайно важную роль в жизни общества, — объяснил мэр. — На этом все книги сходятся. Преступник не менее важен, чем, к примеру, почтальон. Или, скажем, начальник полиции. Только разница в том, что действия преступника должны быть антисоциальны. Он должен действовать во вред обществу, понимаешь, Том? А если у нас никто не будет действовать во вред обществу, как мы можем заставить кого-нибудь действовать на его пользу? Тогда все это будет ни к чему.

Том покачал головой.

— Все равно не понимаю, зачем это нужно.

— Не упрямься, Том. Мы должны все устроить на земной манер. Взять хотя бы эти мощные дороги. Во всех книгах про них написано. И про церкви, и про школы, и про тюрьмы. И во всех книгах написано про преступников.

— А я не стану этого делать, — сказал Том.

— Встань же ты на мое место! — взмолился мэр. — Появляется инспектор и встречает Билли Маляра, нашего начальника полиции. Инспектор хочет видеть тюрьму. Он спрашивает: «Ни одного заключенного?» А я отвечаю: «Конечно, ни одного. У нас здесь преступлений не бывает». «Не бывает преступлений? — говорит он. — Но во всех колониях Земли всегда совершаются преступления. Вам же это хорошо известно». «Нам это не известно, — отвечаю я. — Мы даже понятия не имели о том, что значит это слово, пока на прошлой неделе не поглядели в словарь». «Так зачем же вы построили тюрьму? —

спросил он меня. — Для чего у вас существует начальник полиции?»

Мэр умолк и перевел дыхание.

— Ну, ты видишь? Все пойдет прахом. Инспектор сразу поймет, что мы уже не настоящие земляне. Что все это для отвода глаз. Что мы чуждый элемент!

— Хм, — хмыкнул Том, невольно подавленный этими доводами.

— А так, — быстро продолжал мэр, — я могу сказать: разумеется, у нас есть преступления — совсем как на Земле. У нас есть вор и убийца в одном лице — комбинированный вор-убийца. У бедного малого были дурные наклонности, и он получился какой-то неуравновешенный. Однако наш начальник полиции уже собрал улики, и в течение ближайших суток преступник будет арестован. Мы запрячем его за решетку, а потом амнистируем.

— Что это значит — амнистируем? — спросил Том.

— Не знаю точно. Выясню. Ну, теперь ты видишь, какая это важная птица — преступник?

— Да, похоже, что так. Но почему именно я?

— Все остальные мне нужны для других целей. И кроме того, у тебя узкий разрез глаз. У всех преступников узкий разрез глаз.

— Не такой уж у меня узкий. Не у же, чем у Эда Ткача.

— Том, прошу тебя, — сказал мэр. — Каждый из нас делает что может. Ты же хочешь нам помочь?

— Хочу, конечно, — неуверенно сказал Том.

— Вот и прекрасно. Ты будешь наш городской преступник. Вот, смотри, все будет оформлено по закону.

Мэр протянул Тому документ. В документе было сказано:

«Ордер на убийство. К всеобщему сведению. Предъявитель сего, Том Рыбак, официально уполномочивается осуществлять воровство и убийство. В соответствии с этим ему надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой, и нарушать закон».

Том перечел этот документ дважды. Потом спросил:

— Какой закон?

— Это я тебе сообщу, как только его издаш, — сказал мэр. — Все колонии Земли имеют законы.

— Но что я все-таки должен делать?

— Ты должен воровать. И убивать. Это не так уж трудно. — Мэр подошел к книжному шкафу и достал с полки старинный многотомный труд, озаглавленный «Преступник и его среда. Психология убийцы. Исследование мотивов воровства».

— Здесь ты найдешь, все что тебе необходимо знать. Воруй на здоровье, сколько влезет. Ну, а насчет убийств — один раз, пожалуй, будет достаточно. Тут перестараться тоже не след.

Том кивнул.

— Правильно. Может, я и разберусь что к чему. Он взял книги в охапку и пошел домой.

День был нестерпимо жаркий, и весь этот разговор о преступлениях очень утомил и расстроил Тома. Он улегся на кровать и принялся изучать древние книги.

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Том, протирая глаза.

Марв Плотник, самый старший и самый длинный из всех длинных, рыжеволосых братьев Плотников, появился в дверях в сопровождении старика Джеда Фермера. Они несли пебольшую торбу.

— Ты теперь городской преступник, Том? — спросил Марв.

— Похоже, что так.

— Тогда это для тебя. — Они положили торбу на пол и вынули оттуда маленький топорик, два ножа, гарпун, палку и дубинку.

— Что это вы принесли? — спросил Том, спуская ноги с кровати.

— Оружие принесли, а по-твоему, что, — раздраженно сказал Джед Фермер. — Какой же ты преступник, если у тебя нет оружия?

Том почесал в затылке.

— Это ты точно знаешь?

— Тебе бы самому пора разобраться в этом деле, — все так же ворчливо сказал Фермер. — Не жди, что мы все будем делать за тебя.

Марв Плотник подмигнул Тому.

— Джед злится, потому что мэр назначил его почтальоном.

— Я свой долг исполняю, — сказал Джед. — Противно только писать самому все эти письма.

— Ну, уж не так это, думается мне, трудно, — ухмыльнулся Марв Плотник. — А как же почтальоны на Земле справляются? Им куда больше писем написать надо, сколько там людей-то! Ну, желаю удачи, Том.

Они ушли.

Том склонился над оружием, чтобы получше его рассмотреть. Он знал, что это за оружие: в древних книгах про него много было написано. Но в Новом Дилавере еще никто никогда не пускал в ход оружия. Единственные животные, обитавшие на планете, — маленькие безобидные пушистые зверьки, убежденные вегетарианцы, — питались одной травой. Обращать же оружие против своих земляков — такого, разумеется, никому еще не приходило в голову.

Том взял один из ножей. Нож был холодный. Том потрогал кончик ножа. Он был острый.

Том встал и зашагал из угла в угол, поглядывая на оружие. И каждый раз, когда он на него глядел, у него противно холодело в животе.

Впрочем, пока особенно беспокоиться не о чем. Ведь сначала ему надо прочитать все эти книги. А тогда, быть может, он еще докопается, какой во всем этом смысл.

Он читал несколько часов подряд. Книги были написаны очень толково. Развеобразные методы, применяемые преступниками, разбирались весьма подробно. Однако все в целом выглядело совершенно бессмысленно. Для чего нужно совершать преступления? Кому от этого польза? Что это может дать людям?

На такие вопросы книги не давали ответа. Том перелистывал страницы, разглядывал фотографии преступников. У них был очень серьезный, сосредоточенный вид; казалось, они в полной мере сознают свое значение в обществе. Тому очень хотелось бы понять, в чем же это значение. Быть может, тогда все бы прояснилось.

— Том? — раздался за окном голос мэра.

— Я здесь, мэр, — отозвался Том.

Дверь приотворилась, и мэр просунул голову в комнату. Из-за его спины выглядывали Джейн Фермерша, Мэри Паромщица и Элис Повариха.

— Ну, так как же, Том? — спросил мэр.

— Что — как же?

— Когда думаешь начать?

Том смущенно улыбнулся.

— Да вот собираюсь, — сказал он. — Читаю книжки, разобраться хочу...

Три почтенные дамы уставились на него, и Том умолк в замешательстве.

— Ты попусту тратишь время, — сказала Элис Повариха.

— Все работают, никто не сидит дома, — сказала Джейн Фермерша.

— Неужто так трудно что-нибудь украсть? — вызывающе крикнула Мэри Паромщица.

Это верно, Том, — сказал мэр. — Инспектор может пожаловать к нам в любую минуту, а нам ему и предъявить будет нечего.

— Хорошо, хорошо, — сказал Том.

Он сунул нож и дубинку за пояс, взял торбу, чтобы было куда класть награбленное, и вышел из дома.

Но куда направиться? Было около трех часов полудни. Рынок — по сути дела, наиболее подходящее место для краж — будет пустовать до вечера. К тому же Тому очень не хотелось воровать при свете дня. Это выглядело бы как-то непрофессионально.

Он достал свой ордер, предписывающий ему совершать преступления, и перечитал его еще раз от начала до конца: «...надлежит укрываться от закона в темных закоулках, околачиваться в местах, пользующихся дурной славой...»

Все ясно! Он будет околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Там он может выработать себе какой-нибудь план и настроиться на нужный лад. Вот только выбирать-то, собственно, было не из чего. В деревне имелся ресторан «Крошка», который держали две вдовы сестры, было «Местечко отдыха» Джека Хмеля и, наконец, была таверна, принадлежащая Эду Пиво.

Приходилось довольствоваться таверной.

Таверна помещалась в домике, мало чем отличавшемся от всех прочих домов деревни. Там была

одна большая комната для гостей, кухня и жилые комнаты хозяев. Жена Эда стряпала и старалась поддерживать в помещении чистоту — насколько ей это позволяли боли в пояснице. Эд за стойкой разливал напитки. Эд был бледный, с сонными глазами и необыкновенной способностью тревожиться по пустякам.

— Здорово, Том, — сказал Эд. — Говорят, тебя назначили преступником.

— Да, назначили, — сказал Том. — Налей-ка мне перри-колы.

Эд Пиво нацедил Тому безалкагольного напитка из корнеплодов и беспокойно потоптался перед столиком, за которым устроился Том.

— Как же это так, почему ты сидишь здесь, вместо того чтобы красть?

— Я обдумываю, — сказал Том. — В моем ордере сказано, что я должен околачиваться в пользующихся дурной славой местах. Вот я и сижу здесь.

— Ну, хорошо ли это с твоей стороны? — грустно спросил Эд Пиво. — Разве моя таверна пользуется дурной славой, Том?

— Хуже еды, чем у тебя, не сыщешь во всей деревне, — пояснил Том.

— Я знаю. Моя старуха не умеет стряпать. Но у нас здесь все по-доброму, по-семейному. И людям нравится заглядывать к нам.

— Теперь все будет по-другому, Эд. Я объявляю твою таверну моей штаб-квартирой.

Плечи Эда Пива уныло поникли.

— Вот и старайся доставить людям удовольствие, — пробормотал он. Они уж тебя так отблагодарят! — Он вернулся за стойку.

Том продолжал размышлять.

Прошел час. Ричи Фермер, младший сынишка Джеда, заглянул в дверь.

— Ты уже стащил что-нибудь, Том?

— Нет пока, — отвечал Том, сгорбившись над столом и все еще стараясь думать.

Знойный день тихо угасал. Вечер начал понемногу заглядывать в маленькие, не слишком чистые окна таверны. На улице застrekотали сверчки, и первый ночной ветерок прошелестел верхушками деревьев в лесу.

Грузный Джордж Паромщик и Макс Ткач зашли пропустить по стаканчику глявы. Они присели к столику Тома.

— Ну, как дела? — осведомился Джордж Паромщик.

— Плоховато, — сказал Том. — Никак что-то не получается у меня с этим воровством.

— Ничего, ты еще освоишься, — как всегда неторопливо, серьезно и важно заметил Джордж Паромщик. — Уж кто-то, а ты научишься.

— Мы в тебя верим, Том, — успокоил его Ткач.

Том поблагодарил их. Они выпили и ушли. Том продолжал размышлять, уставившись на пустой стакан.

Час спустя Эд Пиво смущенно кашлянул.

— Ты меня прости, Том, но когда же ты начнешь красть?

— Вот сейчас и начну, — сказал Том.

Он поднялся, проверил, на месте ли у него оружие, и направился к двери.

На рыночной площади уже шел обычный вечерний меновой торг, и товар грудами лежал на лотках или на соломенных циновках, разостланных на траве. Обмен производился без денег, и обменного тарифа не существовало. За пригоршню самодельных гвоздей можно было получить ведерко молока или двух рыб или наоборот — в зависимости от того, что

кому хотелось променять или в чем у кого возникла нужда. Подсчитывать, что сколько стоит, — этим никто себя не утруждал. Это был единственный земной обычай, который мэру никак не удавалось ввести в деревне.

Когда Том Рыбак появился на площади, его приветствовали все.

- Воруешь понемногу, а, Том?
- Валяй, валяй, приятель!
- У тебя получится!

Ни одному жителю деревни еще не доводилось присутствовать при краже, и им очень хотелось поглядеть, как это делается. Все бросили свои товары и устремились за Томом, жадно следя за каждым его движением.

Том обнаружил, что у него дрожат руки. Ему совсем не нравилось, что столько народа будет смотреть, как он станет красть. Надо поскорее покончить с этим, решил он. Пока у него еще хватает духу.

Он внезапно остановился перед грудой фруктов, наваленной на лотке миссис Мельник.

— Довольно сочные как будто, — небрежно проговорил он.

— Свеженькие, прямо из сада, — сказала миссис Мельник. Это была маленькая старушка с блестящими глазками. Тому вдруг припомнилось, как она вела нескончаемые беседы с его матерью в те далекие годы, когда его родители были еще живы.

— Да, очень сочные с виду, — сказал он, жалея, что не остановился у какого-нибудь другого лотка.

— Хорошие, хорошие, — сказала миссис Мельник. — Только сегодня после обеда собирала.

— Он сейчас начнет красть? — отчетливо произвучал чей-то шепот.

— Ясное дело. Следи за ним! — так же шепотом раздалось в ответ.

Том взял большой зеленый плод и принялся его рассматривать. Толпа затаила дыхание.

— И правда, очень сочный на вид, — сказал Том и осторожно положил плод на место.

Толпа вздохнула.

За соседним лотком стоял Макс Ткач с женой и пятью ребятишками. Сегодня они вынесли на обмен два одеяла и рубашку. Когда Том, за которым двигалась целая толпа, подошел к ним, они застенчиво заулыбались.

— Эта рубашка как раз тебе впору, — поспешил заверить его Ткач. Ему очень хотелось, чтобы народ разошелся и не мешал Тому работать.

— Хм, — промычал Том, беря рубашку.

Толпа выжидающе зашевелилась. Какая-то девочка нервно хихикнула. Том крепко вцепился в рубашку и начал развязывать свою торбу.

— Постой-ка! — Билли Маляр протолкался сквозь толпу. На поясе у него уже поблескивала бляха — старая монета с Земли. Выражение его лица безошибочно свидетельствовало о том, что он находится при исполнении служебных обязанностей.

— Что ты делаешь с этой рубашкой, Том? — спросил Билли.

— Я?.. Просто взял поглядеть.

— Просто взял поглядеть, вот как? — Билли отвернулся, заложив руки за спину. Затем стремительно повернулся на каблуках и уставил на Тома негнущийся указательный палец. — А мне думается, что ты не просто взял ее поглядеть, Том. Мне думается, что ты собирался ее украсть!

Том ничего не ответил. Уличающая его торба была беспомощно зажата у него в руке, в другой руке он держал рубашку.

— Мой долг как начальника полиции, — продолжал Билли, — охранять этих людей. Ты, Том, подозрительный субъект. Я считаю необходимым на всякий случай запереть тебя пока что в тюрьму для дальнейшего расследования.

Том покрутил голову. Этого он не ожидал. А впрочем, ему было все равно.

Если его упрячут в тюрьму, с этим по крайней мере будет покончено. А когда Билли его выпустит, он сможет вернуться к своей рыбной ловле.

Внезапно сквозь толпу пробился мэр; подол рубахи разевался вокруг его объемистой талии.

— Билли! Ты что это делаешь?

— Исполняю свой долг, мэр. Том тут вел себя как-то подозрительно. А в книгах говорится...

— Я знаю, что говорится в книгах, — сказал мэр. — Я сам дал тебе эту книгу. Ты не можешь арестовать Тома. Пока еще нет.

— Так ведь у нас же в деревне нет другого преступника, — сокрушенно сказал Билли.

— А я чем виноват? — сказал мэр.

Билли упрямо поджал губы.

— В книге говорится, что полиция должна принимать предупредительные меры. Полагается, чтобы я мешал преступлению совершиться.

Мэр устало всплеснул руками.

— Билли, неужели ты не понимаешь? Нашей деревне необходимо иметь хоть какое-нибудь преступление на своем счету. И ты тоже должен нам в этом помочь.

Билли пожал плечами.

— Ладно, мэр. Я просто хотел исполнить свой долг. — Он отвернулся, шагнув в сторону, затем внезапно устремился к Тому. — А ты мне еще попа-

дешься! Запомни: преступление не доводит до добра. — Он зашагал прочь.

— Больно уж ему хочется отличиться, — объяснил мэр. — Не обращай на него внимания, Том. Давай принимайся за дело, укради что-нибудь. Надо с этим кончать.

Том не отвечал и бочком протискивался сквозь толпу, держа курс на зеленый лес за окопицей деревни.

— Ты куда, Том? — с тревогой спросил мэр.

— Я сегодня еще не в настроении воровать, — сказал Том. — Может, завтра вечером...

— Нет, Том, сейчас, — настаивал мэр. — Нельзя так без конца тянуть с этим делом. Давай начинай, мы все тебе поможем.

— Конечно, поможем, — сказал Макс Ткач. — Ты укради эту рубашку, Том. Она же тебе как раз впору.

— А вот хороший кувшин для воды, гляди, Том!

— Смотри, сколько у меня тут орехов!

Том окинул взглядом лотки. Когда он потянулся за рубашкой Ткача, нож вывалился у него из-за пояса и упал на землю. В толпе сочувственно захихикали.

Том, покрываясь испариной и чувствуя, что он выглядит разиней, водворил нож на место. Он протянул руку, схватил рубашку и засунул ее в свою торбу. В толпе раздались одобрительные взгласы.

Том робко улыбнулся, и у него немного отлегло от сердца.

— Кажется, я помаленьку свыкнусь с этим делом.

— Еще как свыкнешься!

— Мы знали, что ты справишься!

— Укради еще что-нибудь, дружище!

Том прошелся по рынку, прихватил кусок верев-

ки, пригоршню орехов и плетеную шляпу из травы.

— По-моему, хватит, — сказал он мэр.

— На сегодня достаточно, — согласился мэр. — Только это, ты ведь сам понимаешь, в счет не идет. Это все равно, как если бы люди сами тебе все отдали. Ты пока что вроде как практиковался.

— О-о! — разочарованно протянул Том.

— Но теперь ты знаешь, как это делается. В следующий раз тебе будет совсем легко.

— Может быть.

— И смотри не забудь про убийство.

— А это в самом деле необходимо? — спросил Том.

— К сожалению, — сказал мэр. — Ну что поделаешь, наша колония существует уже свыше двухсот лет, а у нас еще не было ни одного убийства. Ни единого. А если верить летописям, во всех остальных колониях людей убивали почем зря!

— Ладно, я постараюсь, — согласился Том.

Он направился домой. Толпа проводила его одобрительными возгласами.

Дома Том зажег фитильную лампу и подготовил ужин. Поев, он долго сидел в глубоком кресле. Он был недоволен собой. Нескладно у него получилось с этой кражей. Целый день он только и делал, что тревожился и колебался. Людям пришлось чуть ли не насилием совать ему в руки свои вещи, чтобы он в конце концов отважился их украсть.

Какой же он после этого вор?

А что он может сказать в свое оправдание? Если он никогда еще этим не занимался и никак не может взять в толк, зачем это нужно, — это еще не причина, чтобы делать порученное тебе дело тяп-ляп.

Том направился к двери. Была дивная, ясная ночь. Около дюжины ближайших звезд-гигантов

ослепительно сверкали в небе. Рыночная площадь снова опустела, и в домах затеплились огоньки.

Теперь самое время красть!

При мысли об этом по спине у него пробежала дрожь. Он испытывал горделивое чувство. Вот как зреют преступные замыслы! Так должно совершаться и воровство — украдкой, под покровом глубокой ночи.

Том быстро проверил свое оружие, высыпал награбленное из торбы и вышел во двор.

На улице последние фитильные фонари были уже погашены. Том бесшумно пробирался через деревню. Он подошел к дому Роджера Паромщика. Большой Роджер оставил свою лопату снаружи, прислонив ее к стене дома. Том взял лопату. Он миновал еще несколько домов. Кувшин для воды, принадлежавший миссис Ткач, стоял на своем обычном месте, перед дверью. Том взял кувшин. На обратном пути ему попалась маленькая деревянная лошадка, забытая кем-то из детей на улице. Лошадка последовала за кувшином и лопатой.

Благополучно доставив награбленное домой, Том был приятно взволнован. Он решил совершить еще один набег.

На этот раз он возвратился с бронзовой дощечкой, снятой с дома мэра, с самой лучшей пилой Марва Плотника и серпом, принадлежавшим Джеду Фермеру.

— Недурно, — сказал себе Том. Еще один улов, и можно считать, что ночь не пропала даром.

На этот раз под навесом у Рона Каменщика он нашел молоток и стамеску, а возле дома Элис Поварихи подобрал плетеную камышовую корзину. Он уже собирался прихватить еще грабли Джефа Хмеля, когда услышал какой-то легкий шум. Он прижался к стене.

Билли Маляр тихонько крался по улице; его металлическая бляха поблескивала в свете звезд. В одной руке у него была зажата короткая тяжелая дубинка, в другой — пара самодельных наручников. В ночном полумраке лицо его выглядело зловеще. На нем была написана решимость любой ценой искоренить преступление, что бы это слово ни означало.

Том затаил дыхание, когда Билли Маляр прошарился в десяти шагах от него. Том тихонечко попятился назад. Награбленная добыча звякнула в торбе.

— Кто здесь? — зарычал Билли. Не получив ответа, он начал медленно оборачиваться, впиваясь взглядом в темноту. Том снова распластался у стены. Он был уверен, что Билли его не заметит. У Билли было слабое зрение, потому что ему приходилось все время смешивать краски и пыль попадала ему в глаза.

— Это ты, Том? — самым дружелюбным тоном спросил Билли. Том хотел уже было ответить, но тут он заметил, что дубинка Билли занесена у него над головой. Он замер. — Я еще до тебя доберусь! — рявкнул Билли.

— Слушай! Доберись до него утром! — крикнул Джек Хмель, высовываясь из окна своей спальни. — Тут кое-кому из нас хотелось бы поспать.

Билли двинулся дальше. Когда он скрылся из глаз, Том поспешил домой и выгрузил добычу на пол, рядом с остальными трофеями. Вид награбленного добра пробудил в нем сознание исполненного долга.

Подкрепившись стаканом холодной глявы, Том улегся в постель и мгновенно погрузился в глубокий мирный сон, не отягощенный никакими сновидениями.

На следующее утро Том пошел поглядеть, как подвигается строительство маленького красного школьного здания. Братья Плотники трудились над ним вовсю, кое-кто из крестьян помогал им.

— Как работа? — весело окликнул их Том.

— Отлично, — сказал Марв Плотник. — И спорилась бы еще лучше, будь у меня моя пила.

— Твоя пила? — недоумевающе повторил Том.

И тут же вспомнил — ведь это он украл ее ночью. Он как-то не воспринимал ее тогда как вещь, которая кому-то принадлежит. Пила, как и все остальное, была просто предметом, который надлежало украсть. Том ни разу не подумал о том, что этими предметами пользуются, что они могут быть кому-то нужны.

Марв Плотник спросил:

— Как ты считаешь, могу я взять обратно свою пилу на время? Часика на два?

— Я что-то не знаю, — сказал Том, нахмурившись. — Она ведь юридически украдена, ты сам понимаешь.

— Конечно, я понимаю. Да мне бы только одолжить ее на время...

— Но тебе придется отдать ее обратно.

— А то как же! Ясное дело, я ее верну, — возмущенно сказал Марв. — Стану я держать у себя то, что юридически украдено.

— Она у меня дома, вместе со всем награбленным.

Марв поблагодарил его и побежал за пилой.

Том не спеша пошел прогуляться по деревне. Он подошел к дому мэра. Мэр стоял во дворе и глядел на небо.

— Ставил мою медную дощечку, Том? — спросил он.

— Конечно, ставил, — вызывающе ответил Том.

— О! Я просто поинтересовался. — Мэр показал на небо: — Вон видишь?

Том поглядел на небо.

— Где?

— Видишь черную точку рядом с маленьким солнцем?

— Вижу. Ну и что?

— Головой ручаюсь, что это летит к нам инспектор. Как у тебя дела?

— Хорошо, — несколько неуверенно сказал Том.

— Уже разработал план убийства?

— Тут у меня неувязка получается, — признался Том. — Правду сказать, недвигается у меня это дело.

— Зайдем-ка в дом. Мне надо поговорить с тобой, Том.

В прохладной, затемненной ставнями гостиной мэр налил два стакана глязы и пододвинул Тому стул.

— Наше время истекает, — мрачно сказал мэр. — Инспектор может теперь прибыть в любую минуту. А у меня хлопот полон рот. — Он показал на межпланетное радио. — Оно опять говорило. Что-то насчет того, что колонии должны быть готовы провести мобилизацию — шут его знает, что это еще такое. Как будто у меня без того мало забот.

Он сурово поглядел на Тома.

— А вы точно знаете, что без убийства нам никак нельзя обойтись?

— Ты сам знаешь, что нельзя, — сказал мэр, — убийство — единственное, в чем мы проявляем отсталость.

Вошел Билли Маляр, в новой форменной синей рубахе с блестящими металлическими пуговицами, и сплюхнулся на стул.

— Убил уже кого-нибудь, Том?

Мэр сказал:

— Он хочет знать, так ли это необходимо.

— Разумеется, необходимо, — сказал начальник полиции. — Прочти любую книгу.

— Кого ты думаешь убить, Том? — спросил мэр.

Том беспокойно заерзal на стуле. Нервно хрустнул пальцами.

— Ну?

— Ладно, я убью Джефа Хмеля, — выпалил Том.

Билли Маляр быстро нагнулся вперед.

— Почему? — спросил он.

— Почему? А почему бы и нет?

— Какие у тебя мотивы?

— Я так считал, что вам просто нужно, чтобы было убийство, — возразил Том. — Никто ничего не говорил о мотивах.

— Липовое убийство нам не годится, — пояснил начальник полиции. — Убийство должно быть совершено по всем правилам. А это значит, что у тебя должен быть основательный мотив.

Том задумался.

— Ну, я, например, не очень-то близко знаю Джефа. Достаточный это мотив?

Мэр покачал головой:

— Нет, Том, это не годится. Лучше выбери кого-нибудь другого.

— Давайте подумаем, — сказал Том. — А если Джорджа Паромщика?

— А какие мотивы? — немедленно спросил Билли.

— Ну... хм... Мне, признаться, очень не нравится его походка. Давно уже не нравится. И шумный он какой-то бывает... иногда.

Мэр одобрительно кивнул.

— Это, пожалуй, подходит. Что ты скажешь, Билли?

— Как, по-вашему, могу я раскрыть преступление, совершенное по таким мотивам? — сердито спросил Билли — Нет, это еще годилось бы, если бы ты убил его в состоянии умопреступления. Но ты же должен убить по всем правилам, Том. И должен отвечать характеристике: хладнокровный, безжалостный, коварный убийца. Ты не можешь убить кого-то только потому, что тебе не нравится его походка. Это звучит глупо.

— Пожалуй, мне надо еще раз хорошенько все обдумать, — сказал Том вставая.

— Только думай не слишком долго, — сказал мэр. — Чем скорее с этим будет покончено, тем лучше.

Том кивнул и направился к двери.

— Да, Том! — крикнул Билли. — Не забудь оставить улики. Это очень важно.

— Ладно, — сказал Том и вышел.

Почти все жители деревни стояли на улице, глядя на небо. Черная точка уже почти совсем закрыла собой маленькое солнце.

Том направился в пользующийся дурной славой притон, чтобы все продумать до конца. Эд Пиво, по-видимому, пересмотрел свое отношение к преступным элементам. Он переоборудовал таверну. Появилась большая вывеска, гласившая: ЛОГОВО ПРЕСТУПНИКА. Окна были задрапированы новыми, добросовестно перепачканными грязью занавесками, затруднявшими доступ дневному свету и делавшими таверну поистине мрачным притоном. На одной стене висело наспех вырезанное из дерева всевозможное оружие. На другой стене большая кроваво-красная клякса производила весьма зловещее впечатление, хотя Том и видел, что это всего-навсего краска, которую Билли Маляр приготавливает из ягод руты.

— Входи, входи, Том, — сказал Эд Пиво и повел гостя в самый темный угол. Том заметил, что в эти часы в таверне никогда не бывало столько народу. Людям, как видно, пришлось по душе, что они попали в настоящее логово преступника.

Потягивая перри-колу, Том принял размышлять.

Он должен совершить убийство.

Он достал свой ордер и прочел его еще раз от начала до конца. Скверная штука, никогда бы он по доброй воле за такое не взялся, но закон обязывает его выполнить свой долг.

Том выпил перри-колу и постарался сосредоточиться на убийстве. Он сказал себе, что должен кого-нибудь убить. Должен лишить кого-нибудь жизни. Должен отправить кого-нибудь на тот свет.

Но, что бы он себе ни говорил, это не выражало существа дела. Это были слова, и все. Чтобы привести в порядок свои мысли, Том решил взять для примера здоровенного рыжеволосого Марва Плотника. Сегодня Марв, получив напрокат свою пилу, строит школьное здание. Если Том убьет Марва... Ну, тогда Марв не будет больше строить.

Нет, ему все никак не удавалось осознать это до конца.

Ну, ладно. Вот, значит, Марв Плотник — самый здоровенный и, по мнению многих, самый славный из всех ребят Плотников. Вот он стругает доску, прищурившись, крепко ухватив рубанок веснушчатой рукой.

А теперь...

Марв Плотник, опрокинутый навзничь, лежит на земле; остекленевые глаза его полуоткрыты, он не дышит, сердце у него не бьется. Никогда уже больше не будет он сжимать кусок дерева в своих больших веснушчатых руках...

На какой-то миг Том вдруг всем своим нутром ощутил, что такое убийство. Видение исчезло, но воспоминание о нем осталось — оно было настолько ярко, что Том почувствовал легкую дурноту.

Он мог жить, совершив кражу. Но убийство, даже с самыми благими намерениями, в интересах деревни...

Что скажут люди, когда они увидят то, что ему сейчас померещилось? Как тогда ему жить среди них? Как примириться с самим собой?

И тем не менее он должен убить. Каждый житель деревни вносит свою лепту, а это дело выпало на его долю.

Но кого же ему убить?

Переполох начался несколько позже, когда межпланетное радио сердито загремело на разные голоса.

— Это и есть колония? Где ваша столица?

— Вот она, — сказал мэр.

— Где ваш аэродром?

— У нас там, кажется, теперь сделали выгон, — сказал мэр. — Я могу проверить по книгам, где тут прежде был аэродром. Ни один воздушный корабль не опускался здесь уже свыше...

— В таком случае главный корабль будет оставаться в воздухе. Соберите ваших представителей. Я приземляюсь.

Вся деревня собралась вокруг открытого поля, которое инспектор избрал для посадки. Том засунул за пояс свое оружие, укрылся за деревом и стал наблюдать.

Маленький воздушный кораблик отделился от большого и быстро устремился вниз. Он камнем падал на поле, и деревня затаила дыхание, ожидая, что он сейчас разобьется. Но в последнее мгновение

кораблик выпустил огненные струи, которые выжгли всю траву, и плавно опустился на грунт.

Мэр, работая локтями, протискался вперед; за ним спешил Билли Маляр. Дверца корабля отворилась, и появилось четверо мужчин. Они держали в руках блестящие металлические предметы, и Том понял, что это оружие. Следом за ними из корабля вышел дородный краснолицый мужчина, одетый в черное, с четырьмя блестящими медалями на груди. Его сопровождал маленький человечек с морщинистым лицом, тоже в черном. За пими последовало еще четверо облаченных в одинаковую форму людей.

— Добро пожаловать в Новый Дилавер, — сказал мэр.

— Благодарю вас, генерал, — сказал дородный мужчина энергично тряхнув руку мэра. — Я — инспектор Дилумейн. А это — мистер Грент, мой политический советник.

Грент кивнул мэру, делая вид, что не замечает его протянутой руки. С выражением снисходительного отвращения он окинул взглядом собравшихся дилаверцев.

— Мы бы хотели осмотреть деревню, — сказал инспектор, покосившись на Грента. Грент кивнул. Одетая в мундиры стража замкнула их в полукоцко.

Том, крадучись, как заправский злодей, и держась на безопасном расстоянии, последовал за ними. Когда они добрались до деревни, он спрятался за домом и продолжал свои наблюдения.

Мэр с законной гордостью показывал тюрьму, почту, церковь и маленькое красное школьное здание. Инспектор, казалось, был несколько озадачен. Мистер Грент противно улыбался и скреб подбородок.

— Так я и думал, — сказал он инспектору. — Пустая трата времени, горючего и ненужная амортизация линейного крейсера. Здесь нет абсолютно ничего ценного.

— Я не вполне в этом уверен, — сказал инспектор. Он повернулся к мэру: — Но для чего вы все это построили, генерал?

— Как? Для того чтобы быть настоящими землянами, — отвечал мэр. — Вы видите, мы делаем все, что в наших силах.

Мистер Грент прошептал что-то на ухо инспектору.

— Скажите, — обратился инспектор к мэру, — сколько у вас тут молодых мужчин в вашей деревне?

— Прошу прощения?.. — растерянно переспросил мэр.

— Сколько у вас имеется молодых мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет, — пояснил мистер Грент.

— Нам нужны люди для космической пехоты, — сказал инспектор. — Крепкие, здоровые, боеспособные мужчины. Мы убеждены, что не услышим от вас отказа.

— Разумеется, нет, — сказал мэр. — Конечно, нет. Я уверен, что все наши молодые люди будут рады... Они, правда, не особо большие специалисты по этой части, но зато очень смышленые ребята. Научатся быстро, я полагаю.

— Вот видите? — сказал инспектор, обращаясь к мистеру Гренту. — Шестьдесят, семьдесят, а быть может, и сотня рекрутов. Не такая уж потеря времени, оказывается.

Но мистер Грент по-прежнему был настроен скептически.

Инспектор вместе со своим советником направил-

ся в дом мэра, чтобы немного подкрепиться. Их сопровождало четверо солдат. Остальные четверо прошлись по деревне, не пренебрегая ничем, что попадало под руку.

Том укрылся в ближайшем лесочке, чтобы все основательно обдумать. В сумерках миссис Эд Пиво, пугливо озираясь по сторонам, вышла за околицу. Миссис Эд Пиво была тощая, начинающая седеть блондинка средних лет. Невзирая на свое подагрическое колено, она двигалась очень проворно. В руках у нее была корзина, покрытая красной клетчатой салфеткой.

— Я принесла тебе обед, — сказала она, как только увидела Тома.

— Вот как?.. Спасибо, — сказал Том, опешив от удивления. — Ты совсем не обязана это делать.

— Как это не обязана? Ведь это наша таверна — место, пользующееся дурной славой, где тебе надлежит укрываться от закона? Разве не так? Значит, мы за тебя отвечаем и должны о тебе заботиться. Мэр велел тебе кое-что передать.

Том с набитым ртом поглядел на миссис Эд Пиво.

— Что еще?

— Он сказал, чтобы ты поторопился с убийством. Он пока что водит за нос инспектора и этого противного карлика — Грента. Но рано или поздно они с него спросят. Он в этом уверен.

Том кивнул.

— Когда ты это сделаешь, Том? — Миссис Пиво поглядела на него, склонив голову набок.

— Я не должен тебе говорить, — сказал Том.

— Как так не должен! Я же твоя преступная сообщница! — Миссис Пиво придвигнулась ближе.

— Да, это верно, — задумчиво согласился Том. — Ладно, я собираюсь сделать это сегодня, когда стем-

неет. Передай Билли Маляру, что я оставлю все отпечатки пальцев, какие только у меня получатся, и разные прочие улики.

— Ладно, Том, — сказала миссис Пиво. — Бог в помощь.

Том дожидался наступления темноты, а пока что наблюдал за происходящим в деревне. Он видел, что почти все солдаты напились пьяными. Они разгуливали по деревне с таким видом, словно, кроме них, никого больше не существовало на свете. Один из солдат выстрелил в воздух и напугал всех маленьких, пушистых, питающихся травой зверьков на много миль в окружности.

Инспектор и мистер Грент все еще оставались в доме мэра.

Наступила ночь. Том пробрался в деревню и притаялся в узком проулочке между двумя домами. Он вытащил из-за пояса нож и стал ждать.

Кто-то шел по дороге. Человек приближался. Фигура его неясно маячила во мраке.

— А, это ты, Том! — сказал мэр. Он поглядел на нож. — Что ты тут делаешь?

— Вы сказали, что нужно кого-нибудь убить, вот я и...

— Я не говорил, что меня, — сказал мэр, пятясь назад. — Меня нельзя.

— Почему нельзя? — спросил Том.

— Ну, во-первых, кто-то должен принимать инспектора. Он ждет меня. Нужно показать ему...

— Это может сделать и Билли Маляр, — сказал Том. Он ухватил мэра за ворот рубахи и занес над ним нож, нацелив острие в горло. — Лично я, конечно, ничего против вас не имею, — добавил он.

— Постой! — закричал мэр. — Если ты ничего не имеешь лично, значит, у тебя нет мотива!

Том опустил нож, но продолжал держать мэра за ворот.

— Что ж, я могу придумать какой-нибудь мотив. Я, например, был очень зол, когда вы назначили меня преступником.

— Так ведь это мэр тебя назначил, верно?

— Ну да, а то кто же...

Мэр потащил Тома из темного закоулка на залитую светом звезд улицу.

— Гляди!

Том разинул рот. На мэре были длинные штаны с острой, как лезвие ножа, складкой и мундир, сверкающий медалями. На плечах — два ряда звезд, по десять штук в каждом. Его головной убор, густо расшитый золотым галуном, изображал летящую комету.

— Ты видишь, Том? Я теперь уже не мэр. Я — Генерал!

— Какая разница? Человек-то вы тот же самый.

— Только не с формальной точки зрения. Ты, к сожалению, пропустил церемонию, которая состоялась после обеда. Инспектор заявил, что, раз я теперь официально произведен в генералы, мне следует носить генеральский мундир. Церемония протекала в теплой, дружеской обстановке. Все прилетевшие с Земли улыбались и подмигивали мне и друг другу.

Том снова взмахнул ножом с таким видом, словно собирался выпотрошить рыбу.

— Поздравляю, — с неподдельной сердечностью сказал он, — но ведь вы были мэром, когда назначили меня преступником, значит, мой мотив остается в силе.

— Так ты уже убиваешь не мэра. Ты убиваешь генерала! А это уже не убийство.

— Не убийство? — удивился Том.

— Видишь ли, убийство Генерала — это уже мятеж!

— О! — Том опустил нож. — Прошу прощения.

— Ничего, все в порядке, — сказал мэр. — Вполне простительная ошибка. Просто я прочел об этом в книгах, а ты — нет. Тебе это ни к чему. — Он глубоко, с облегчением вздохнул. — Ну, мне, пожалуй, надо идти. Инспектор просил составить ему список новобранцев.

Том крикнул ему вдогонку:

— Вы уверены, что я непременно должен кого-нибудь убить?

— Уверен! — ответил мэр, поспешно удаляясь. — Но только не меня!

Том снова сунул нож за пояс.

Не меня, не меня! Каждый так скажет. Убить самого себя он не мог. Это же самоубийство и, значит, будет не в счет.

Тома пробрала дрожь. Он старался забыть о том, как убийство на мгновение предстало перед ним во всей своей реальности. Дело должно быть сделано.

Приближался еще кто-то!

Человек подходил все ближе. Том пригнулся, мускулы его напряглись, он приготовился к прыжку.

Появилась миссис Мельник. Она возвращалась домой с рынка и несла сумку с овощами.

Том сказал себе, что это не имеет значения — миссис Мельник или кто-нибудь другой. Но он никак не мог отогнать от себя воспоминания о ее беседах с его покойной матерью. Получилось, что у него нет никаких мотивов убивать миссис Мельник.

Она прошла мимо, не заметив его.

Он ждал еще минут тридцать. В темном проулочке между домами опять появился кто-то. Том узнал Макса Ткача.

Макс всегда нравился Тому. Но это еще не озна-

чало, что у Тома не может быть мотива убить Макса. Однако ему решительно ничего не приходило на ум, кроме того, что у Макса есть жена и пятеро ребятишек, которые очень его любят и очень будут по нему горевать. Он отступил поглубже в тень и позволил Максу благополучно пройти мимо.

Появились трое братьев Плотников. С ними у Тома было связано слишком мучительное воспоминание. Он дал им пройти мимо. Следом за ними шел Роджер Паромщик.

У Тома не было никакой причины убивать Роджера, но и дружить они особенно никогда не дружили. К тому же у Роджера не было детей, а его жена не сказать чтоб слишком была к нему привязана. Может, всего этого уже будет достаточно для Билли Маляра, чтобы вскрыть мотивы убийства?

Том понимал, что этого недостаточно... И что со всеми остальными жителями деревни у него получится то же самое. Он вырос среди этих людей, делил с ними пищу и труд, горести и радости. Какие, в сущности, могут у него быть мотивы, чтобы убивать кого-нибудь из них?

А убить он должен. Этого требует выданный ему ордер. Нельзя же обмануть доверие односельчан.

«Постой-ка! — внезапно в сильном волнении подумал он. — Можно ведь убить инспектора!»

Мотивы? Да это будет даже более чудовищное злодеяние, чем убить мэра... Конечно, мэр теперь еще и генерал, но ведь это уже был бы всего-навсего мятеж. Да если бы даже мэр по-прежнему оставался только мэром, инспектор куда более солидная жертва. Том совершил это убийство ради славы, ради подвига, ради величия! Это убийство покажет Земле, насколько верна земным традициям ее колония. И на Земле будут говорить: «На Новом Дилавере преступность приняла такие размеры, что появлять-

ся там небезопасно. Какой-то преступник просто-напросто взял да и убил нашего инспектора в первый же день его прибытия туда! Во всей Вселенной едва ли существо еще один столь страшный убийца!»

Это, несомненно, будет самое эффектное убийство, которое он только может совершить, думал Том. Убийство, которое под стать лишь настоящему знаку своего дела.

Впервые ощущив прилив гордости, Том поспешил к дому мэра. До него долетели обрывки разговора, который шел внутри.

— ...весьма пассивный народ, — говорил мистер Грент. — Я бы даже сказал, робкий.

— Довольно-таки унылое качество, — заметил инспектор. — Особенно в солдатах.

— А чего вы ожидали от этих отсталых землемельцев? Хорошо еще, что мы завербовали здесь немного солдат. — Мистер Грент оглушительно зевнул. — Стража, смирно! Мы возвращаемся на корабль.

Стража! Том совершенно про нее позабыл. Он с сомнением поглядел на свой нож. Если он бросится на инспектора, стража, несомненно, успеет его схватить, прежде чем он совершил убийство. Их, верно, специально этому обучают.

Вот если бы у него было такое оружие, как у них...

Из дома донесся звук шагов. Том поспешно пошел дальше по улице.

Возле рынка он увидел пьяного солдата, который сидел на крылечке и что-то напевал себе под нос. У ног его валялись две пустые бутылки, оружие небрежно висело на плече.

Том подкрался ближе, вытащил свою дубинку, замахнулся...

Его тень, по-видимому, привлекла внимание

солдата. Он вскочил, пригнулся и успел увернуться от удара дубинки. Он ударил Тома прикладом под ребра, вскинул винтовку к плечу и прицелился. Том зажмурился и прыгнул, лягнув его обеими ногами. Удар пришелся солдату в колено и опрокинул его навзничь. Прежде чем он успел подняться, Том огрызел его дубинкой.

Том пощупал у солдата пульс (не было смысла убивать кого попало) и нашел его вполне удовлетворительным. Он взял винтовку, проверил, где что надо нажимать, и попытал разыскивать инспектора.

Он нагнал его на полпути к посадочной площадке. Инспектор и Грент шли впереди, позади них ковыляли солдаты.

Том шел, прячась за кустами. Он бесшумно догонял процессию, пока не поравнялся с Грентом и с инспектором. Том прицелился, но палец его застыл на спусковом крючке...

Ему не хотелось убивать еще и Грента. Ведь предполагалось, что он должен совершить только одно убийство.

Том припустил вперед, опередил инспектора и, выйдя на дорогу, преградил ему путь. Его оружие было направлено прямо на инспектора.

— Что это такое? — спросил инспектор.

— Стойте смирно, — сказал ему Том. — Все остальные бросьте оружие и отойдите с дороги.

Солдаты повиновались, как сомнамбулы. Один за другим они побросали оружие и отступили к кустам у обочины. Грент остался на месте.

— Что это ты задумал, малый? — спросил он.

— Я городской преступник, — горделиво отвечал Том. — Я хочу убить инспектора. Пожалуйста, отойдите в сторону.

— Преступник? Так вот о чём лопотал ваш мэр!

— Я знаю, что у нас уже двести лет не было ни

одного убийства, — пояснил Том, — но сейчас я это исправлю. Прочь с дороги!

Грент прыгнул в сторону от наведенного на него дула. Инспектор остался один. Он стоял, легошко пошатываясь.

Том прицелился, стараясь думать о том, какой эффект произведет это убийство, и о его общественном значении. Но он видел инспектора простертым на земле, с остановившимся взглядом широко открытых глаз, с переставшим биться сердцем.

Он старался заставить свой палец нажать на спусковой крючок. Мозг мог сколько угодно убеждать его в том, как общественно необходимо преступление, — рука знала лучше.

— Я не могу! — выкрикнул Том.

Он бросил оружие и прыгнул в кусты.

Инспектор хотел отрядить людей на розыски Тома и повесить его на месте. Но мистер Грент был с ним не согласен. Новый Дилавер — лесная планета. Десять тысяч людей не найдут беглеца в этих дремучих лесах, если он не захочет попасться им в руки.

На шум прибежал мэр и еще кое-кто из жителей деревни. Солдаты образовали каре вокруг инспектора и мистера Грента. Они стояли, держа оружие на изготовку. Лица их были угрюмы и суровы.

Мэр все разъяснял. О прискорбной отсталости деревни по части преступлений. О поручении, данном Тому Рыбаку. О том, как он всех их осрамил, не сумев выполнить свой долг.

— Почему вы дали это поручение именно ему? — спросил мистер Грент.

— Видите ли, сказал мэр, — я подумал, что если уж кто-нибудь из нас способен убить, так только Том. Он, понимаете ли, рыбак. Это довольно-таки кровавое занятие.

— Значит, все остальные у вас также не способны убивать?

— Никому из нас никогда бы не залоги так далеко, как зашел Том, — с грустью признался мэр.

Инспектор и мастер Грент переглянулись, потом поглядели на солдат. Солдаты с почтительным изумлением взирали на жителей деревни и начали негромко переговариваться друг с другом.

— Смирно! — зарычал инспектор. Он обернулся к Гренту и сказал, понизив голос: — Надо, пока не поздно, поскорее убираться отсюда. Люди, не умеющие убивать...

— Опасная зараза... — весь дрожа, пробормотал мастер Грент. — Один такой человек, если он не в состоянии выстрелить из винтовки, может в ответственный момент поставить под удар весь корабль... Быть может, даже целую эскадрилью... Нет, так рисковать нельзя.

Они приказали солдатам вернуться на корабль. Солдаты шагали ленивее, чем обычно, и то и дело оборачивались, чтобы поглядеть на деревню. Они продолжали перешептываться, невзирая на то, что инспектор рычал и сыпал приказами.

Маленький воздушный корабль взмыл вверх, исторгнув из себя целый шквал струй. Через несколько минут его поглотил большой корабль. А затем и большой корабль скрылся из виду.

Огромное водянисто-красное солнце уже касалось края горизонта.

— Ты можешь теперь выйти, Том! — крикнул мэр. Том вылез из кустов, где он прятался, следя за происходящим.

— Напортачил я с этим поручением, — жалобно сказал Том.

— Не сокрушайся, — утешил его Билли Маяр. — Это же не выполнимое дело.

— Похоже, что ты прав, — сказал мэр, когда они шагали по дороге, возвращаясь в деревню. — Я просто подумал — чем черт не шутит, а вдруг ты как-нибудь спровоцируешься. Но ты не огорчайся. Никто у нас в деревне не натворил бы и половины того, что ты.

— Теперь мне, верно, это больше не понадобится, — сказал Том, протягивая свой ордер мэру.

— Да, пожалуй, — сказал мэр. Все сочувственно смотрели на него, когда он рвал ордер на мелкие куски. — Ну что ж, мы сделали, что могли. Просто не вышло.

— У меня ведь была возможность, — смущенно пробормотал Том, — а я вас всех подвел.

Билли Маляр ласково положил руку ему на плечо.

— Ты не виноват, Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели.

— Ну что ж, придется нам снова вернуться в нецивилизованное состояние, — сказал мэр, делая неуклюжую попытку пошутить.

Том зевнул, потянулся и зашагал домой, чтобы хорошенько отоспаться — наверстать упущенное. На пороге дома он взглянул на небо.

Густые, тяжелые облака собирались над головой. Близились осенние дожди. Скоро можно будет снова рыбачить.

Почему он не представил себе инспектора в виде рыбы? Теперь думать об этом было уже поздно.

Он плохо спал в эту ночь.

## Призрак-5\*

Грегор припал к дверному глазку.

— Читает вывеску, — оповестил он.

— Дай-ка гляну, — не выдержал Арнольд.

Грегор оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит.

Арнольд вернулся к письменному столу и очередному пасьянсу. Вытянутая сухощавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка.

Глазок компаньоны врезали сами, со скуки, месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор «AAA-ПОПС» — Астронавтическому антиэнтропийному агентству по оздоровлению природной среды — не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел — успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой и новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладателями искрометных идей и (в избытке) неоплаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается, — зашипел Грегор. — Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот!

Арнольд смел карты в ящик стола и только ус-

---

\* Пер. изд.: Sheckley R. Ghost V: The people trap. Pan Books, Ltd., 1972.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

пел застегнуть последнюю пуговицу белого лабораторного халата, как в дверь постучали.

Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоровляете?

— Оздоровляем, сэр. — Грэгор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя. — Я Ричард Грэгор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще выряженный в белый халат и темные очки в роговой оправе, Арнольд рассеянно кивнул и тут же принял вновь разглядывать на прошвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер... э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением, — радушно сказал Грэгор. — Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для житья.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать, — самоуверенно кивнул Грэгор.

— Я агент по продаже недвижимости, — пояснил Фернгром. — Знаете, там купишь планету, тут ее перепродаешь — глядишь, все довольны и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь бросовыми планетами, тамошнюю среду пускай

оздоровляют сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по слухам подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил.

Фернгром горестно отер пот со лба.

— Прекрасное местечко, — продолжал он уже без всякого энтузиазма. — Среднегодовая температура плюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого тебе животного мира.

— Идеально, — одобрил Грегор. — А микроорганизмы есть?

— Не опасные.

— Так чем же вам не угодила планета?

Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ-5. Но все называют ее просто Призрак-5.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное прозвище для планеты, но доводилось слышать и похлеще. В конце концов надо же как-то именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бесчисленных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню, — признался Грегор.

Фернгром конфузливо заерзал на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — иолез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он возьми да и застричь мертвым капиталом.

— Да что же с ним неладно? — не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила! — набравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех произведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона-6. На Призраке-5 высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин; суток не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиодепеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирьера. Протокол судебно-медицинского вскрытия констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрома арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала-2.

Солнцепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак-5 сущим раем. Они радиорвали на родную планету: «Вылетайте скорее», — как вдруг раздался истошный вопль, и рация умолкла.

На Призрак-5 вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало, — сознался Фернгром. — Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хо-

чет вязаться. Сажать там корабли звездолетчики наотрез отказываются. А я до сих пор не знаю, в чем беда.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора:

— Вам и карты в руки, если возьметесь.

Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю.

Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да, — процедил Грегор, — зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее, — сказал Арнольд. — Расщелкаем этот орешек — и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь, — возразил Грегор, — что на планету-то отправлюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились, — напомнил Арнольд. — Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома да объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

— Не нравится мне это, — сказал он.

— Ты что, веришь в привидения?

— Конечно, нет.

— А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случай успеха; пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгroma до двери.

— А кстати, сэр, как вы догадались обратиться именно к нам? — спросил он.

— Больше никто не брался, — ответил Фернгром, презывайно довольный собой. — Всего наилучшего.

Спустя три дня Грэгор на грузовом звездолете-развалюхе уже направлялся к Призраку-5. В пути он коротал время за чтением докладов о двух попытках колонизации странной планеты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке-5 не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей вообще не найдено во всей Галактике.

Все это Грэгор хорошоенько обдумал, а затем, покуда корабль совершил витки вокруг Призрака-5, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить...

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью планеты, причем сократить расстояние хоть на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грэгор сбросил свой багаж туда, где были разбиты два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и спрыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстрой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грэгор остался на Призраке-5 один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиограмму о благополучном прибытии. Потом, с бластером паизготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы,

возле кристально чистого озерца. Лучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак-5 отличался благословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грэгор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, припасенными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со стеклянными шариками.

Близился вечер, Грэгор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таракан не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к дому. Распаковав свой арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу. Только тогда, успокоенный, Грэгор не торопясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теплую солнечную местность окутала тьма. Легкий ветерок взъерошил поверхность озерца и зашелестел в высокой траве.

Как нельзя более мирное зрелище.

Грэгор пришел к выводу, что переселенцы были истериками. Скорее всего, они сами, впав в беспринципную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грэгор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно.

Только Грэгор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала. Да и радиолокатор гудит по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут... Грэгор выхватил бластер и огляделся по сторонам.

В углу комнаты — кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грэгор направил бластер в незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх.

Незнакомец не шелохнулся.

Палец Грэгора напрягся на спуске, но тут же расслабился. Грэгор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грэгора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть приметно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грэгор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грэгору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бесцелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грэгору потянулись пустые рукава, он принялся палить.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться вокруг ног. Пришлое все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грэгор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли не целую бутылку бренди. Каким-то

образом он устоял против искушения — не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по радио со своим компаньоном.

— Весьма занятно, — сказал Арнольд, после того как Грэгор ввел его в курс событий. — Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит, — с горечью откликнулся Грэгор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и ущемленным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идеяка. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против? — встрепенулся Грэгор.

— Конечно, за тебя, — возмутился Арнольд. — Ведь мы же, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грэгор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грэгор с грехом пополам на несколько часов забылся в спокойном сне. Приснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел обыскивать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было нацарапано слово «Тгасклит». Т-г-а-с-к-л-и-т. Для Грэгора слово это

было всего лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас же сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грегор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, уповая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслить.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-нибудь в тверди Призрака-5. Нет даже луны, где могло бы притаяться подобное существо.

А в привидения Грегор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, то сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен платить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» затанцаться здесь, на облюбованной им планете, и, дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

Перед Грегором воздвиглась какая-то фигура. Как и вчера, система охраны не сработала.

Грегор медленно поднял взгляд. Некто, стоящий перед ним, достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными

вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет, — поздоровалось оно.

— Привет, — сказал Грэгор, сглотнув слону. Бластер лежит на столе, всего в каких-то двух футах. Интересно, перейдет ли чудище в нападение, если потянуться за бластером?

— Как тебя звать? — спросил Грэгор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я Хват-Раковая Шейка, — представилось чудище. — Хватаю всякие вещи.

— Как интересно! — рука Грэгора поползла в сторону бластера.

— Хватаю вещи, именуемые Ричард Грэгор, — весело и бесхитростно продолжало чудище, — и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грэгору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад «Смига» — превосходный соус к Грэгорам, Арнольдам и Флиннам». Пальцы Грэгора сомкнулись на бластере. Он уточнил:

— Так ты меня съесть намерен?

— Безусловно, — заверил Хват.

Но Грэгор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грэгора.

— Меня так не проймешь, — пояснил Хват, — чересчур я высокий.

Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грэгоро...

— Сегодня я тебя не съем, — предупредил он.

— Не съешь? — выдавил из себя Грэгор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся.

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный привкус мясу!

С этими словами полосатое чудище исчезло.

Дрожащими руками Грэгор включил радио и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм, — откликнулся тот, — Хват-Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне надо самому толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грэгор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было велено, а подконец поставил смесь на огонь.

— Есть, — сказал он, вернувшись к радио, — а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгасклит». В опалианском. Слово это означает «многозубый призрак». Солнцепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак, — не без ехидства ответил Грэгор. — Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся, — перебил Арнольд. — Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ни о чем не напоминает?

Грэгор призадумался.

— Разве что о детстве... — проговорил он. — Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай, — настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одежду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне то чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такой испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хват-Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить; чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми и непременно под шоколадным соусом. Однако право на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от чудища можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грегор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночей напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночными страхами плохие отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор? — спросил Арнольд.

— Да, — послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грегор.

— Какого он цвета?

— Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем...

— Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.

— То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразу вообразишь себя гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не так все просто, — прервал его Арнольд. — Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет? — переспросил Грегор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грегор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак-5 нетрудно, — уверенно продолжал Арнольд. — Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодящая душу мысль:

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим, — сказал он наконец, — у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы, скорее всего, посходили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались отувечий. Да ты о том меньше всего тревожься. Я без промедления фрахтую корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек-другой вывезу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака-5 раскрыта, компанийонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей, пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радио.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и подготовил себе ужин.

На душе все еще было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смешил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет, — поздоровался Хват-Раковая Шейка.

Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями!

— Привет, дружище, — радостно откликнулся Грегор, не испытав даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?

— Ох, извини. Упустил из виду.

— Ну, не беда. — Хват старательно скрывал свое разочарование. — Я прихватил шоколадный соус. — Он взболтнул жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй, — сказал он. — Я ведь знаю, ты всего-навсего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилен.

— Да я и не собираюсь причинять тебе вред, — утешил Хват. — Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку.

Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную руку. На руке остались следы зубов. Из ранки сочилась кровь... взаправдашняя... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колопистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижмет ему руку горящей сигаретой, а прикоснется кончиком карандаша.

За считанные секунды на руке у испытуемого зловещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый уверовал, будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укусов — укусы налицо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу. Стиснул в мощных лапах и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто! — выкрикнул Грегор.

— Не то слово,— сказал Хват. — Пожалуйста, не дергайся.

— Регнастикио!

— Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...

— Вуоршпельхаплио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь был на волосок от гибели! Ну и дурацкая же смерть выпала бы ему на долю! Это же надо — чтобы тебя прикончило собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послышался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуутверденного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет, и Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерзкая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет,— распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю,— заявил Грегор, выхватив бластер. Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Доброму говорю, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах, так? Иген, Миген, Дижен!

В комнату прошмыгнули три тварюшки. Они стремительно накинулись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут только Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению не подвластны. Грегор в образил, будто в комнате темнеет, и...

Собственноручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятама никаким волшебным словом не проймешь.

Грегор все пятился, а Тенепопятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тенепопятам горой навис над Грегором, тот съежился, зажмурив глаза.

И тут рука его паткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грегор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водянной пистолет.

Грегор поднял его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грегор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Бзвыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грегор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водянной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он при-

ступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лоингстед-42. Арнольд с Грегором поспешили уложили вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грегор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово, — тихонько, но сочувственно произнес Арнольд.

Теперь, благополучно распрошавшись с Призраком-5, Грегор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже, — заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилища. Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары, — ответил Арнольд.

Звездолет несся к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке-5: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений». Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грегор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как в каюту со смертельно бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть, — пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались...

Из кабины управления донесся рык.

— Боже! — ахнул Арнольд. — Все ясно. После

посадки я не стал задраивать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака-5!

А на пороге незапертой каюты возник серый исполин, чья шкура была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков да еще двумя крыльишками впридачу. Страшилище медлепо надвигалось, постанывая и бормоча что-то недобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед посом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит,— пропыхтел он.— Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак,— ответил Арнольд. — Доверимся автопилоту... пока не падумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что? — воскликнул Арнольд почти в панике.

Грегор насупился.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем все позабыл начисто,— признался Арнольд.— Оно что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашницу.

Дымок сгущался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучела. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперли за собой следующую дверь. Нескольких секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость,— заметил Арнольд, кусая губы.— Дать себя затравить вымысленному чудо-

вишь... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд поспешил зарядил пистолет водой из анкерка. Тем временем Ворчучело вновь успело материализоваться и тянулось к друзьям, недовольно постанывая. Арнольд окропил его струйкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступало.

— Вспомни! — воскликнул Грэгор. — Никто никогда не останавливал Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от леденящего космического вакуума только кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух? — поинтересовался Грэгор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовалось, снова продевало это отнюдь не молча и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать? — волновался Арнольд. — Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч?

Теперь покачал головой Грэгор.

— Я все-все вспомнил, — ответил он скорбно.

— И чем же его можно пронять?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой шашкой, — словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребимо.

— Ох уж этот Флинн и его неугомонная фанта-

зия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучела?

— Я же говорю — никак. Оно должно уйти по доброй воле.

А Ворчучело успело вырасти во весь свой гигантский рост. Грэгор с Арнольдом шаражнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грэгор,— взмолился Арнольд. — Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончиши,— твердил свое Грэгор.

Вновь начинало явственно вырисовываться красно-крапчатое чудище. Грэгор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти.

Управляемый автопилотом, корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовало себя на борту полновластным хозяином. Оно вышагивало взад-вперед по пустынным коридорам, просачивалось сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стенало, ворчало и ругалось последними словами, не находя себе ни единой жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грэгор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако зловещего шарканья ног не было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно,— крикнул он Арнольду.— Ворчучела как не бывало.

Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему,— сказал Грэгор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставлю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше,— возразил Грэгор и с нежностью похлопал по одеялу.— Вот она — самая надежная защита: одеяло над головой.

## Необходимая вещь\*

Ричард Грегор сидел за своим столом в пыльной конторе фирмы «ААА-ПОПС» — Астронавтического антиэнтропийного агентства по оздоровлению природной среды, тупо уставившись на список, включавший ни много ни мало 2305 наименований. Он пытался вспомнить, что же тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон, вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти 2305 предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Дементии II у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешит заменить ее. На борту должно быть все — и запасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций.

Аппаратура для экстракции кислорода... Сигареты... Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

\* Пер. изд.: Sheckley R. The Necessary Thing: Galaxy Science Fiction. UPD Publ. Corp., N. Y., 1954.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в контору небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что «ААА-ПОПС» ждут крупные неприятности.

— Ты все достал? — робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде, — гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на...

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой, — вздохнул Грегор. — Что ты еще натворил?

— Нет, ты только подумай, — торжественно произнес Арнольд. — Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся па снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем 2305 единиц снаряжения ради одного-единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна из них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи никогда не понадобятся!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь!

Грегор поднялся. Он был намного выше своего компаньона. Ему представилась сцена с нанесением

тяжелых телесных повреждений, но он сдерживал себя.

— Арнольд, — сказал он, — я не знаю, что ты там нашел, но лучше бы ты погрузил эти 2305 предметов на борт корабля. И как можно быстрее!

— Я не могу этого сделать, — ответил Арнольд, нервно хихикая. — Деньги кончились. Но эта штука себя окупит.

— Какая штука?

— Единственная, действительно необходимая вещь. Поехали на корабль, я тебе ее покажу.

Больше Грэгор не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке готовый к старта.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот! — воскликнул он. — Смотри! Это панацея от всех возможных бед!

Грэгор вошел внутрь. Он увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица? — Арнольд нежно похлопал машину. — Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо практически за бесценок.

Грэгоро все стало ясно. Когда-то он сам имел дела со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, но как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос, — твердо заявил Грэгор. — Может быть, нам удастся продать ее на металломол?

Он судорожно бросился разыскивать кувалду.

— Погоди, — взмолился Арнольд. — Дай я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит из строя основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем новую гайку из числа 2305 предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств, — сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты не включил в список четырехдюймовую дюралевую гайку! — торжествующе вскричал Арнольд. — Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал на кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компаний предстала сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Готово! — воскликнул Арнольд.

— Хм, — произнес Грегор без особого энтузиазма. — Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку:

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маху — следовало заказать очищенные, — заметил Арнольд. — Ну да ладно.

Он нажал на кнопку:

— Графитовый стержень. Длина четыре фута, диаметр два дюйма.

На этот раз панель открылась больше — и появился стержень.

— Что еще она может делать? — спросил Грегор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все что угодно?

— Все, что ни пожелаешь! Это Конфигуратор! Попробуй сам.

Грегор попробовал и быстро произвел на свет одно за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неплохо, — сказал он. — Но...

— Что «но»?

Грегор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

Он задумался, затем снова нажал на кнопку:

— Транзистор серии Е1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неплохо, — признал Грегор. — Что ты там делаешь?

— Чищу креветки, — ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, друзья вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннетт IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннетт был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним единственным серьезным недостатком — чрезмерным обилием дождей. Почти все время на Деннетте шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулирования климата они вполне владели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннетт. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они

опускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта, — заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансирував, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности? — размышлял вслух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннетта, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствииувечий, приступили к осмотру корабля.

Неожиданное падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены десять пластин в обшивке двигателя, и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло, — заключил Арнольд.

— Да, — сказал Грегор, глядываясь в туман. — Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук, — сказал Грегор.

— Знаю, — ответил Арнольд и снова нажал на кнопку: — Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полностью, — решил Арнольд.

Он ударил кулаком по кнопке и произнес:

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелохнулся.

— Странно, — сказал Арнольд.

— Куда уж, — произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался, затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну, — сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу, — приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно, — произнес Арнольд. — Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив

машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно, — подытожил Грегор, — но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре абсолютно идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно ответил Арнольд.

— Надеюсь.

За бортом корабля начался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение, — говорил Арнольд несколько часов спустя. — Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что? — встрепенулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом, — продолжал Арнольд. — Получив стимулирующее воздействие, он переводит его на язык исполнительных команд и производит предметы в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит, — согласился Грегор, — но только единожды!

— Да, но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать ее возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что при подобной сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Створив изделие, машина теряет

к нему всякий интерес и хочет произвести что-нибудь еще.

Такое объяснение снова повергло Грегора в апатичную дремоту.

— Реализовать весь заложенный в нее потенциал, — продолжал Арнольд, — вот чего хочет машина. С этой точки зрения всякое повторение — пустая трата времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слыхал, — сказал Грегор. — Но допустим, ты прав. Что же мы все-таки можем сделать?

— Не знаю, — ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им па ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Заменители... — задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор». — Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — пе единственный материал, из которого можно изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые про-должатся до нашего возвращения на Землю.

Бряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компаньоны приказали машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной, так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительною, как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грегором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Нако-

нец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

Конечно, пластины из благородных металлов могли расплавиться, однако при хорошем охлаждении была надежда, что они продержатся до Земли.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо! — восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли, — суждя по голосу, Грегор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона. — Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

Машина без колебаний изготовила одну деталь, но тем дело и кончилось. К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Грегор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Вот этого-то я как раз и боялся, — ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие

относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется открывать консервы, — со вздохом сказал Грегор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли, — сказал он, — когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

— Нет.

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они попробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний ростбиф поставил точку на мясе всех млекопитающих, — сказал Арнольд. — Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью, — добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор. — Надо было заказать индейку.

На планете Деннетт продолжался дождь. Вокруг золотистой хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски. Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс.

После скучного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может подействовать, — сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принял расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно — элементов системы управления.

— Может, стоит и попробовать, — с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной. Арнольд настойчиво нащептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от многократного производства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Депнетте забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить нужную деталь.

Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно дергались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и показался второй элемент системы управления,

— Ура! — закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешил нажал на кнопку и заказал еще одну деталь.

Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас-то в чем дело? — спросил Грегор.

— Все ясно, — грустно ответил Арнольд. — Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытав его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения! — тяжело вздохнул Грегор. — Это так не по-человечески...

— Как раз наоборот, — с тоской произнес Арнольд. — Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно, однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунтом бифштекса из китового мяса, — видно, Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грегор снова стал вполголоса напевать машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел и периодически мигал лампочками, показывая, что все еще слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разра-

батывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь? — живо поинтересовался Грэгор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул книгу буквально под нос Грэгору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это пятьдесят лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. А из чего она сделана? — спросил Грэгор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться. Она сделана из особого пластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления типа Ведньер! — закричал Арнольд. — Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он снова ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грэгора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3, ИЗГОТОВЛЕН ВЕДЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДЬЕР II.

— Конечно, они уже использовали его для этих целей, — грустно констатировал Арнольд.

Грэгор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увертывания о пользе повторения, но ничего не производила.

Снова возникла проблема обеда. Фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаньонам удалось отведать лягушек, печеных кузнециков, приготовленных по древнему китайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того, как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено, друзья поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывало в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повернуть в непреоборимое уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду, — хрюкнул Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал. В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд закричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Приятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействуют. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура! — закричал Арнольд. — Это спасение!

— Я сделал гораздо больше, — устало ответил Грегор. — Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал:

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннетте IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнэл-стрит, а затем в центр Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке, — сказал он Грегору. — Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней. После этого, думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно смотрел на него.

— Ты ничего не замечаешь?

— А что? — Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного? — спросил Арнольд. — Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали по бриллианту.

— Ты все еще ничего не понял! — грустно воскликнул Грегор. — Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения, — устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

# Вор во времени\*

Томас Элдридж сидел один в своем кабинете в Батлер Холл, когда ему послышался какой-то шорох за спиной. Даже не послышался — отметился в сознании. Элдридж в это время занимался уравнениями Голштеда, которые наделали столько шума несколько лет назад, — ученый поставил под сомнение всеобщую применимость принципов теории относительности. И хотя было доказано, что выводы Голштеда совершенно ошибочны, сами уравнения не могли оставить Томаса равнодушным.

Во всяком случае, если рассматривать их непредвзято, что-то в них было — странное сочетание временных множителей с введением их в силовые компоненты. И...

Снова ему послышался шорох, и он обернулся.

Прямо у себя за спиной Элдридж увидел огромного ребенка в ярко-красных шароварах и коротком зеленом жилете поверх серебристой рубашки. В руке он держал какой-то черный квадратный прибор. Весь вид гиганта выражал по меньшей мере недружелюбие.

Они смотрели друг на друга. В первый момент Элдридж подумал, что это очередной студенческий розыгрыш: он был самым молодым адъюнктом-профессором на кафедре Карвеллского технологического, и студенты в виде посвящения всю первую неделю се-

---

\* Пер. изд.: Sheckley R. A Thief in Time: Galaxy Science Fiction. UPD Publ. Corp., N. Y., 1954.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

местра подсовывали ему то тухлое яйцо, то живую жабу.

Но посетитель отнюдь не походил на студента-насмешника. Было ему за пятьдесят, и настроен он был явно враждебно.

— Как вы сюда попали? — спросил Элдридж. — И что вам здесь нужно?

Визитер поднял брови:

— Будешь запираться?

— В чем?! — испуганно воскликнул Элдридж.

— Ты что, не видишь, что перед тобой Виглан? — надменно произнес незнакомец. — В и г л а н. Припоминаешь?

Элдридж стал лихорадочно припоминать, нет ли поблизости от Карвелла сумасшедшего дома; все в Виглане наводило на мысль, что это сбежавший псих.

— Вы, по-видимому, ошиблись, — медленно проговорил Элдридж, подумывая, не позвать ли на помощь.

Виглан затряс головой.

— Ты Томас Монро Элдридж, — раздельно сказал он. — Родился 16 марта 1926 года в Дарьене, штат Коннектикут. Учился в Нью-Йоркском университете. Окончил *cum laude*\*. В прошлом, 1953 году получил место в Карвелле. Ну как, сходится?

— Действительно, вы потрудились ознакомиться с моей биографией. Хорошо, если с добрыми намерениями, иначе мне придется позвать полицию.

— Ты всегда был наглецом. Но на этот раз тебе не выкрутиться. Полицию позову я.

Он нажал на своем приборе одну из кнопок, и в комнате тут же появились двое. На них была легкая оранжево-зеленая форма, металлические бляхи на

---

\* С отличием (лат.).

рукаве свидетельствовали о принадлежности их владельцев к рядам блюстителей порядка. Каждый держал по такому же, как у Биглана, прибору, с той лишь разницей, что на их крышках белела какая-то надпись.

— Это преступник, — провозгласил Биглан. — Арестуйте вора!

У Элдриджа все поплыло перед глазами: кабинет, репродукции с картин Гогена на стенах, беспорядочно разбросанные книги, любимый старый коврик на полу. Элдридж моргнул несколько раз — в надежде, что это от усталости, от напряжения, а лучше того — во сне.

Но Биглан, ужасающее реальный Биглан, никуда не сгинул!

Полисмены тем временем вытащили наручники.

— Стойте! — закричал Элдридж, пятясь к столу. — Объясните, что здесь происходит?

— Если настаиваешь, — произнес Биглан, — сейчас я познакомлю тебя с официальным обвинением. — Он откашлялся. — Томасу Элдриджу принадлежит изобретение хроноката, которое было зарегистрировано в марте месяце 1962 года, после...

— Стой! — остановил его Элдридж. — Должен вам заявить, что до 1962 года еще далеко.

Биглана это заявление явно разозлило.

— Не пыли! Хорошо, если тебе так больше нравится, ты изобретешь кат в 1962 году. Это ведь как смотреть — с какой временной точки.

Подумав минуту-другую, Элдридж пробормотал:

— Так что же выходит... выходит, вы из будущего?

Один из полицейских ткнул товарища в плечо.

— Ну дает, а? — восторженно воскликнул он.

— Ничего спектаклик, будет что порассказать, — согласился второй.

— Конечно, мы из будущего, — сказал Виглан. — А то откуда же?.. В 1962-м ты изобрел — или изобретешь — хронокат Элдриджа, тем самым сделав возможными путешествия во времени. На нем ты отправился в Первый сектор будущего, где тебя встретили с подобающими почестями. Затем ты разъезжал по всем трем секторам Цивилизованного времени с лекциями. Ты был героем, Элдридж. Детишки мечтали вырасти такими, как ты. И всех нас ты обманул, — осипшим вдруг голосом продолжал Виглан. — Ты оказался вором — украл целую кучу ценных товаров. Этого от тебя никто не ожидал. При попытке арестовать тебя ты исчез.

Виглан помолчал, устало потирая рукой лоб.

— Я был твоим другом, Том. Именно меня ты первым новстречал в нашем секторе. Сколько кувшинов флокаса мы с тобой осушили! Я устроил тебе путешествия с лекциями по всем трем секторам... И в благодарность за все ты меня ограбил! — Лицо его стало жестким. — Возьмите его, господа.

Пока Виглан произносил обвинительную речь, Элдридж успел разглядеть, что было написано на крышках приборов. Отштампованная надпись гласила: «Хронокат Элдриджа, собственность полиции департамента Искилл».

— У вас имеется ордер на арест? — спросил один из полицейских у Виглана.

Виглан порылся в карманах.

— Кажется, не захватил с собой. Но вам же известно, что он вор!

— Это все знают, — ответил полицейский. — Однако по закону мы не имеем права без ордера производить аресты в доконтактном секторе.

— Тогда подождите меня, — сказал Виглан. — Я сейчас.

Он внимательно посмотрел на свои наручные часы, пробормотал что-то о получасовом промежутке, нажал кнопку и... исчез.

Полицейские уселись на тахту и стали разглядывать репродукции на стенах.

Элдридж лихорадочно пытался найти какой-то выход. Не мог он поверить во всю эту чепуху. Но как заставить их выслушать себя?..

— Ты только подумай: такая знаменитость и вдруг — мошенник! — сказал один из полицейских.

— Да все эти гении ненормальные, — философски заметил другой. — Помнишь танцора — как откалывал штукги! — а девчонку убил! Он-то уж точно был гением, даже в газетах писали.

Первый полицейский закурил сигару и бросил спичку на старенький красный коврик.

Ладно, решил Элдридж, видно, все так и было, против фактов не попрешь. Тем более что у него самого закрадывались подозрения насчет собственной гениальности.

Так что же все-таки произошло?

В 1962 году он изобретает машину времени.

Вполне логично и вероятно для гения.

И совершил путешествие по трем секторам Цивилизованного времени.

Естественно, коль скоро имеешь машину времени, почему ею не воспользоваться и не исследовать все три сектора, может быть, даже и Нечеловеческое время.

А затем вдруг станет... вором!

Ну нет! Уж это, простите, никак не согласуется с его принципами.

Элдридж был крайне щепетильным молодым человеком; самое мелкое жульничество казалось ему унизительным. Даже в бытность студентом он никог-

да не пользовался шпаргалками, а уж налоги выплачивал все до последнего цента.

Более того, Элдридж никогда не отличался склонностью к приобретению вещей. Его заветной мечтой было устроиться в уютном городке, жить в окружении книг, наслаждаться музыкой, солнцем, иметь добрых соседей и любить милую женщину.

И вот его обвиняют в воровстве. Предположим, он виноват, но какие мотивы могли побудить его к подобным действиям? Что с ним стряслось в будущем?

— Ты собираешься на слет винтеров? — спросил один полицейский другого.

— Пожалуй.

До него, Элдриджа, им и дела нет. По приказу Виглана наденут на него наручники и потащат в Первый сектор будущего, где бросят в тюрьму.

И это за преступление, которое он еще должен совершить.

Тут Элдридж и принял решение.

— Мне плохо, — сказал он и стал медленно валиться со стула.

— Смотри в оба — у него может быть оружие! — закричал один из полицейских.

Они бросились к нему, оставив на тахте хронокаты.

Элдридж метнулся к тахте с другой стороны стола и схватил ближайшую машинку. Он успел сообразить, что Первый сектор — неподходящее для него место, и нажал вторую кнопку слева.

И тут же погрузился во тьму.

Открыв глаза, Элдридж обнаружил, что стоит по щиколотку в луже посреди какого-то поля, футах в двадцати от дороги. Воздух был теплым и на редкость влажным.

Он выбрался на дорогу. По обе стороны террасами поднимались зеленые рисовые поля. Рис? В штате Нью-Йорк? Элдридж припомнил разговоры о намечавшихся климатических изменениях. Очевидно, предсказатели были не так и далеки от истины, когда сулили резкое потепление. Будущее вроде бы подтверждало их теории.

С Элдриджа градом катил пот. Земля была влажной, как после недавнего дождя, а небо — ярко-синим и безоблачным.

Но где же фермеры? Взглянув на солнце, которое стояло прямо над головой, он понял, что сейчас время сиесты. Впереди на расстоянии полукилометра виднелось селение. Элдридж соскреб грязь с ботинок и двинулся в сторону строений.

Однако что он будет делать, добравшись туда? Как узнать, что с ним приключилось в Первом секторе? Не может же он спросить у первого же встречного: «Простите, сэр, я из 1954 года, вы не слышали, что тогда происходило?..»

Следует все хорошенько обдумать. Самое время изучить и хронокат. Тем более что он сам должен изобрести его... Нет, уже изобрел.. не мешает разобраться хотя бы в том, как он работает.

На панели имелись кнопки первых трех секторов Цивилизованного времени. Была и специальная шкала для путешествий за пределы Третьего сектора, в Нецивилизованное время. На металлической пластинке, прикрепленной в уголке, выгравировано: «Внимание! Во избежание самоуничтожения между прыжками во времени соблюдайте паузу не менее получаса!»

Осмотр аппарата много не дал. Если верить Виглану, на изобретение хроноката у него ушло восемь лет — с 1954 по 1962 год. За несколько минут в устройстве такой штуки не разберешься.

Добравшись до первых домов, Элдридж понял, что перед ним небольшой городок. Улицы словно вымерли. Лишь изредка встречались одинокие фигуры в белом, не спеша двигавшиеся под палиющими лучами. Элдриджа порадовал консерватизм в их одежде: в своем костюме он вполне мог сойти за сельского жителя.

Внимание Элдриджа привлекла вывеска «Городская читальня».

Библиотека. Вот где он может познакомиться с историей последних столетий. А может, обнаружатся и какие-то материалы о его преступлении?

Но не поступило ли сюда предписание о его аресте? Нет ли между Первым и Вторым секторами соглашения о выдаче преступников?

Придется рискнуть.

Элдридж постарался поскорее прошмыгнуть мимо тощенькой серолицей библиотекарши прямо к стеллажам.

Вскоре он нашел обширный раздел, посвященный проблемам времени, и очень обрадовался, обнаружив книгу Рикардо Альфредекса «С чего начинались путешествия во времени». На первых же страницах говорилось о том, как в один из дней 1954 года в голове молодого гения Томаса Элдриджа из противоречивых уравнений Голштеда родилась идея. Формула была до смешного проста — Альфредекс приводил несколько основных уравнений. До Элдриджа никто до этого не додумался. Таким образом, Элдридж по существу открыл очевидное.

Элдридж нахмурился — недооценили. Хм, «очевидное»! Но так ли уж это очевидно, если даже он, автор, все еще не может понять существа открытия!

К 1962 году хронокат был изобретен. Первое же испытание прошло успешно: молодого изобретателя

забросило в то время, которое впоследствии стало известно как Первый сектор.

Элдридж поднял голову, почувствовав устремленный на него взгляд. Возле стеллажа стояла девочка лет девяти, в очечках, и не спускала с него глаз. Он продолжил чтение.

Следующая глава называлась «Никакого парадокса». Элдридж наскоро пролистал ее. Автор начал с хрестоматийного парадокса об Ахилле и черепахе и справился с ним с помощью интегрального исчисления. Затем он логически подобрался к так называемым парадоксам времени, с помощью которых путешественники во времени убивают своих пра-прадедов, встречаются сами с собой и тому подобное. Словом, на уровне древних парадоксов Зенона. Дальше Альфредекс доказывал, что все парадоксы времени изобретены талантливыми путниками.

Элдридж не мог разобраться в сложных логических построениях этой главы, что его особенно поразило, так как именно на него без конца ссылался автор.

В следующей главе, носившей название «Авторитет погиб», рассказывалось о встрече Элдриджа с Вигланом, владельцем крупного спортивного магазина в Первом секторе. Они стали большими друзьями. Бизнесмен взял под свое крыло застенчивого молодого гения, способствовал его поездкам с лекциями по другим секторам времени. Потом...

— Прошу прощения, сэр, — обратился к нему кто-то.

Элдридж поднял голову. Перед ним стояла серолицая библиотекарша. Из-за ее спины выглядывала девочка-очкарик, которая не скрывала довольной улыбки.

— В чем дело? — спросил Элдридж.

— Хронотуристам вход в читальню запрещен, — строго заявила библиотекарша.

«Понятно, — подумал Элдридж. — Ведь хронотурист может запросто прихватить охапку ценных книг и исчезнуть вместе с ней. И в банки хронотуристов, скорее всего, тоже не пускают».

Но вот беда — расстаться с книгой для него было смерти подобно.

Элдридж улыбнулся и продолжал глотать строчку за строчкой, будто не слышит.

Выходило, что молодой Элдридж доверил Виглану все свои договорные дела, а также все права на хронокат, получив в виде компенсации весьма незначительную сумму.

Ученый подал на Виглана в суд, но дело проиграл. Он подал на апелляцию — безрезультатно. Оставшись без гроша в кармане, злой до чертиков, Элдридж встал на преступный путь, похитив у Виглана...

— Сэр, — настаивала библиотекарша, — если вы даже и глухи, вы все равно сейчас же должны покинуть читальню. Иначе я позову сторожа.

Элдридж с сожалением отложил книгу и поспешил на улицу, шепнув по пути девчонке: «Ябеда несчастная».

Теперь-то он понимал, почему Виглан рвался арестовать его: важно было подержать Элдриджа за решеткой, пока идет следствие.

Однако что могло толкнуть его на кражу?

Сам факт присвоения Вигланом прав на изобретение можно рассматривать как достаточно убедительный мотив, но Элдридж чувствовал, что это не главное. Ограбление Виглана не сделало бы его счастливее и не поправило бы дел. В такой ситуации он, Элдридж, мог и кинуться в бой, и отступить, не желая лезть во все эти дрязги. Но красть — нет уж, увольте.

Ладно, он успеет разобраться. Скроется во Втором секторе и постараится найти работу. Мало-помалу...

Двое сзади схватили его за руки, третий отнял хронокат. Все было проделано так быстро и ловко, что Элдридж не успел и рта раскрыть.

— Полиция. — Один из мужчин показал ему значок. — Вам придется пройти с нами, мистер Элдридж.

— Но за что?! — возмутился арестованный.

— За кражи в Первом и Втором секторах.

Значит, и здесь, во Втором, он успел отличиться. В полицейском отделении его провели в маленький захламленный кабинет. Капитан полиции, стройный лысеющий веселый человек, выпроводил из кабинета подчиненных и предложил Элдриджу стул и сигарету.

— Итак, вы Элдридж, — произнес он.

Элдридж холодно кивнул.

— Еще мальчишкой много читал о вас, — сказал с грустью по старым добрым временам капитан. — Вы мне представлялись героем.

Элдридж подумал, что капитан, пожалуй, лет на пятнадцать старше его, но не стал заострять на этом внимания. В конце концов ведь именно его, Элдриджа, считают специалистом по парадоксам времени.

— Всегда полагал, что на вас повесили дохлую кошку, — продолжал капитан, вертя в руках тяжелое бронзовое пресс-папье. — Да никогда я не поверю, чтобы такой человек, как вы, — и вдруг вор. Тут склонны были считать, что это темпоральное помешательство...

— И что же? — с надеждой спросил Элдридж.

— Ничего похожего. Смотрели ваши характеристики — никаких признаков. Странно, очень стран-

но. Ну, к примеру, почему вы украли именно эти предметы?

— Какие?

— Вы что, не помните?

— Совершенно, — сказал Элдридж. — Темпоральная амнезия.

— Понятно, понятно, — сочувственно заметил капитан и протянул Элдриджу лист бумаги. — Вот, поглядите.

**Предметы, похищенные Томасом Монро Элдриджем**

Количество      Стоимость

*Из спортивного магазина*

*Виглана, Сектор I*

Многозарядные пистолеты	4 штуки	10 000
Спасательные надувные пояса	3 штуки	100
Репеллент против акул	5 банок	400

*Из специализированного*

*магазина Альфгана, Сектор I*

Микрофильмы Всемирной ли- тературы	2 комплекта	1 000
Записи симфонической музы- ки	5 бобин	2 850

*С продовольственного склада*

*Лури, Сектор I*

Картофель сорта «белая чере- паха»	50 штук	5
Семена моркови «Фэнси»	9 пакетов	8

*Из галантерейной лавки*

*Мэнори, Сектор II*

Дамские зеркальца	60 штук	95
-------------------	---------	----

*Общая стоимость похищенного*

14 256

— Что все это значит? — недоумевал капитан. — Укради вы миллион — это было бы понятно, но вся эта ерунда!

Элдридж покачал головой. Ознакомление со списком не внесло никакой ясности. Ну, многозарядные ручные пистолеты — это куда ни шло! Но зеркальца, спасательные пояса, картофель и вся прочая, как совершенно справедливо окрестил ее капитан, ерунда?

Все это никак не вязалось с натурой самого Элдриджа. Он обнаружил в себе как бы две персоны: Элдриджа I — изобретателя хроноката, жертву обмана, клептомана, совершившего необъяснимые кражи, и Элдриджа II — молодого ученого, настигнутого Вигланом. Об Элдриdge I он ничего не помнит. Но ему необходимо узнать мотивы своих поступков, чтобы понять, за что он должен понести наказание.

— Что произошло после моих краж? — спросил Элдридж.

— Этого мы пока не знаем, — ответил капитан. — Известно только, что, прихватив награбленное, вы скрылись в Третьем секторе. Когда мы обратились туда с просьбой о вашей выдаче, они ответили, что вас у них нет. Тоже — своя независимость... В общем, вы исчезли.

— Исчез? Куда?

— Не знаю. Могли отправиться в Нецивилизованное время, что за Третьим сектором.

— А что такое «Нецивилизованное время»? — спросил Элдридж.

— Мы надеялись, что вы-то о нем нам и расскажете, — улыбнулся капитан. — Вы единственный, кто исследовал Нецивилизованные секторы.

Черт возьми, его считают специалистом во всем том, о чем он сам не имеет ни малейшего понятия.

— В результате я оказался теперь в затруднительном положении, — сказал капитан, искоса поглядывая на пресс-папье.

— Почему же?

— Ну, вы же вор. Согласно закону, я должен вас арестовать. А с другой стороны, я знаю, какой хлам вы, так сказать, заимствовали. И еще мне известно, что крали-то вы у Виглана и его дружков. И наверное, это справедливо... Но, увы, закон с этим не считается.

Элдридж с грустью кивнул.

— Мой долг — арестовать вас, — с глубоким вздохом сказал капитан. — Тут уж ничего не поделаешь. Как бы мне ни хотелось этого избежать, вы должны предстать перед судом и отбыть положенный тюремный срок — лет двадцать, думаю.

— Что?! За кражу репеллента и морковных семян?

— Увы, по отношению к хронотуристам закон очень строг.

— Понятно, — выдавил Элдридж.

— Но, конечно, если... — в задумчивости произнес капитан, — если вы вдруг сейчас придете в ярость, стукнете меня по голове вот этим пресс-папье, схватите мой личный хронокат — он, кстати, в шкафу на второй полке слева — и таким образом вернетесь к своим друзьям в Третий сектор, тут уж я ничего поделать не смогу.

— А?

Капитан отвернулся к окну. Элдриджу ничего не стоило дотянуться до пресс-папье.

— Это, конечно, ужасно, — продолжал капитан. — Подумать только, на что способен человек ради любимого героя своего детства. Но вы-то, сэр, безусловно, послушны закону даже в мелочах, это я точно знаю из ваших психологических характеристик.

— Спасибо, — сказал Элдридж.

Он взял пресс-папье и легонько стукнул им капитана по голове. Блаженно улыбаясь, капитан рухнул

под стол. Элдридж нашел хронокат в указанном месте и настроил его на Третий сектор.

Нажатие кнопки — и он снова окунулся во тьму.

Когда Элдридж открыл глаза, вокруг была выжженная бурая равнина. Ни единого деревца, порывы ветра швыряли в лицо пыль и песок. Вдали виднелись какие-то кирпичные здания, вдоль сухого оврага протянулась дюжина лачуг. Он направился к ним.

«Видно, снова произошли климатические изменения», — подумал Элдридж. Неистовое солнце так иссушило землю, что даже реки высохли. Если так пойдет и дальше, понятно, почему следующие секторы называют Нецивилизованными. Возможно, там и людей-то нет.

Он очень устал. Весь день, а то и пару тысячелетий — смотря откуда вести отсчет — во рту не держал и маковой росинки. Впрочем, спохватился Элдридж, это не более чем ловкий парадокс; Альфредекс с его логикой от него не оставил бы камня на камне.

К черту логику. К черту науку, парадоксы и все с ними связанное. Дальше бежать некуда. Может, найдется для него место на этой пыльной земле. Народ здесь, должно быть, гордый, независимый; его не выдадут. Живут они по справедливости, а не по законам. Он останется тут, будет трудиться, состарится и забудет Элдриджа I со всеми его безумными планами.

Подойдя к селению, Элдридж с удивлением заметил, что народ собрался, похоже, приветствовать его. Люди были одеты в свободные длинные одежды, похожие на арабским бурнусам — от этого палящего солнца в другой одежде не спасешься.

Бородатый старейшина выступил вперед и мрачно склонил голову.

— Правильно гласит старая пословица: сколько веревочка ни вейся, конец будет.

Элдридж вежливо согласился.

— Нельзя ли получить глоток воды? — спросил он.

— Верно говорят, — продолжал старейшина, преступник, даже если перед ним вся Вселенная, обязательно вернется на место преступления.

— Преступления? — не удержался Элдридж, ощущив неприятную дрожь в коленях.

— Преступления, — подтвердил старейшина.

— Поганая птица в собственном гнезде гадит! — крикнул кто-то из толпы.

Люди засмеялись, но Элдриджа этот смех не порадовал.

— Неблагодарность ведет к предательству, — продолжал старейшина. — Зло вездесуще. Мы полюбили тебя, Томас Элдридж. Ты явился к нам со своей машинкой, с награбленным добром в руках, и мы приняли тебя и твою грешную душу. Ты стал одним из нас. Мы защищали тебя от твоих врагов из Мокрых Миров. Какое нам было дело, что ты напакостил им? Разве они не напакостили тебе? Око за око!

Толпа одобрительно зашумела.

— Но что я сделал? — спросил Элдридж.

Толпа надвинулась на него, он заметил в руках дубинки. Но мужчины в синих балахонах сдерживали толпу, видно, без полиции не обходилось и здесь.

— Скажите мне, что же все-таки я вам сделал? — настаивал Элдридж, отдавая по требованию полицейских хронокат.

— Ты обвиняешься в диверсии и убийстве, — ответил старейшина.

Элдридж в ужасе поглядел вокруг. Он убежал от обвинения в мелком воровстве из Первого сектора во Второй, где его моментально схватили за то же самое. Надеясь спастись, он перебрался в Третий сек-

тор, но и там его разыскивали, однако уже как убийцу и диверсанта.

— Все, о чем я когда-либо мечтал, — начал он с жалкой улыбкой, — это о жизни в уютном городке, со своими книгами, в кругу добрых соседей...

Он пришел в себя на земляном полу маленькой кирпичной тюрьмы. Сквозь крошечное оконце виднелась тонкая полоска заката. За дверью слышалось странное завывание, не иначе там пели песни.

Возле себя Элдридж обнаружил миску с едой и жадно набросился на неизвестную пищу. Напившись воды, которая оказалась во второй посудине, он, опервшись спиной о стену, с тоской наблюдал, как угасает закат.

Во дворе возводили виселицу.

— Тюремщик! — позвал Элдридж.

Послышались шаги.

— Мне нужен адвокат.

— У нас нет адвокатов, — с гордостью возразили снаружи. — У нас есть справедливость. — И шаги удалились.

Элдриджу пришлось пересмотреть свой взгляд на справедливость без закона. Звучало это неплохо, но на практике...

Он лежал на полу, прислушиваясь к тому, как смеются и шутят те, кто сколачивал виселицу, — сумерки не прекратили их работу.

Видно, он задремал. Разбудил его щелчок ключа в замочной скважине. Вошли двое. Один — немолодой мужчина с аккуратно подстриженной бородой; второй — широкоплечий загорелый человек одного возраста с Элдриджем.

— Вы узнаете меня? — спросил старший.

Элдридж с удивлением рассматривал незнакомца.

— Я ее отец.

— А я жених, — вставил молодой, угрожающее надвигаясь на Элдриджа.

Бородатый удержал его.

— Я понимаю твой гнев, Моргел, но за свои преступления он ответит на виселице!

— На виселице? Не слишком ли это мало для него, мистер Беккер? Его бы четвертовать, сжечь и пепел развеять по ветру!

— Да, конечно, но мы люди справедливые и милосердные, — с достоинством ответил мистер Беккер.

— Да чей вы отец?! — не выдержал Элдридж. — Чей жених?

Мужчины переглянулись.

— Что я такого сделал?! — не успокаивался Элдридж.

И Беккер рассказал.

Оказалось, Элдридж прибыл к ним из Второго сектора со всем своим награбленным барахлом. Здесь его приняли как равного. Это были прямые и бесхитростные люди, унаследовавшие опустошенную и иссушенную землю. Солнце продолжало наливать нещадно, ледники таяли, и уровень воды в океанах все поднимался.

Народ Третьего сектора делал все, чтобы поддерживать работу нескольких заводиков и электростанций. Элдридж помог увеличить их производительность. Предложил новые простые и недорогие способы консервации продуктов. Вел он изыскания и в Нецивилизованных секторах. Словом, стал всенародным героем, и жители Третьего сектора любили и защищали его.

И за все добро Элдридж отплатил им черной неблагодарностью. Он похитил прелестную дочь Беккера. Эта юная дева была обручена с Моргелом. Все было готово к свадьбе. Вот тут-то Элдридж и обнаружил свое истинное лицо: темной ночью он за-

сунул девушку в адскую машину собственного изобретения, девушка пропала, а от перегрузки вышли из строя все электростанции.

Убийство и умышленное нанесение ущерба.

Разгневанная толпа не успела схватить Элдриджа: он сунул кое-что из своего барахла в мешок, схватил аппарат и исчез.

— И все это сделал именно я? — задохнулся Элдридж.

— При свидетелях, — подтвердил Беккер. — Что-то из твоих вещей еще осталось у нас в сарае.

Элдридж опустил глаза.

Теперь он знал о своих преступлениях и в Третьем секторе.

Однако обвинение в убийстве не соответствовало действительности. Очевидно, он создал настоящий хроноход-тяжеловес и куда-то отправил девушку без промежуточных остановок, как того требовало пользование портативным аппаратом. Но ведь здесь никто этому не поверит. Эти люди понятия не имеют о *habeas corpus*\*.

— Зачем ты это сделал? — спросил Беккер.

Элдридж пожал плечами и безнадежно покачал головой.

— Разве я не принял тебя как сына? Не спас тебя от полиции Второго сектора? Не накормил, не одел? Да ладно, — вздохнул Беккер. — Свою тайну ты откроешь утром палачу.

С этими словами он подтолкнул Моргела к двери, и они вышли.

Имей Элдридж при себе оружие, он бы застрелился. Все говорило о том, что в нем гнездятся самые

---

\* Начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого английским парламентом в 1679 г. (*лат.*).

дурные наклонности, о которых он и не подозревал. Теперь его повесят.

И все-таки это несправедливо. Он был лишь невинным свидетелем, всякий раз нарывающимся на последствия своих прошлых — или будущих — поступков. Но об истинных мотивах этих поступков знал только Элдридж I, и ответ держать мог только он.

Будь он вором на самом деле, какой смысл красть картошку, спасательные пояса, зеркальца или что-то подобное?

Что он сделал с девушкой?

Какие цели преследовал?

Элдридж устало прикрыл глаза, и его сморил тревожный сон.

Проснулся он от ощущения, что кто-то находится рядом, и увидел перед собой Виглана с хронокатом в руках.

У Элдриджа не было сил даже удивляться. С минуту он смотрел на своего врага, потом произнес:

— Пришел поглязеть на мой конец?

— Я не думал, что так получится, — возразил Виглан, вытирая пот со лба. — Поверь мне, Том, я не хотел никакой казни.

Элдридж сел и в упор посмотрел на Виглана.

— Ведь ты украл мое изобретение?

— Да, — признался Виглан. — Но я сделал это ради тебя. Доходами я бы поделился.

— Зачем ты его украл?

Виглан был явно смущен.

— Тебя нисколько не интересовали деньги.

— И ты обманом заставил меня передать права на изобретение?

— Не сделай этого я, то же самое непременно сделал бы кто-нибудь другой. Я только помогал тебе — ведь ты же человек не от мира сего. Клянусь!

Я собирался сделать тебя своим компаньоном. — Он снова вытер пот со лба. — Но я понятия не имел, что все может обернуться таким образом!

— Ты ложно обвинил меня во всех этих кражах, — сказал Элдридж.

— Что? — Казалось, Виглан искренне возмущен. — Нет, Том. Ты в самом деле совершил эти кражи. И вплоть до сегодняшнего дня это было просто мне на руку.

— Лжешь!

— Не за этим я сюда пришел! Я же сознался, что украл твое изобретение.

— Тогда почему я крал?

— Мне кажется, это связано с какими-то твоими дурацкими планами относительно Нецивилизованных секторов. Однако дело не в этом. Слушай, не в моих силах избавить тебя от обвинений, но я могу забрать тебя отсюда.

— Куда? — безнадежно спросил Элдридж. — Меня ищут по всем секторам.

— Я спрячу тебя. Вот увидишь. Отсиديшься у меня, пока за давностью дела не прекратится. Никому не придет в голову искать тебя в моем доме.

— А права на изобретение?

— Я их оставлю при себе, — тон Виглана стал вкрадчиво-доверительным. — Если я их верну, меня обвинят в темпоральном преступлении. Но я поделись с тобой. Тебе просто не обходится компаньон.

— Ладно, пойдем-ка отсюда, — предложил Элдридж.

Виглан прихватил с собой набор отмычек, с которыми управлялся подозрительно ловко. Через несколько минут они вышли из тюрьмы и скрылись в темноте.

— Этот хронокат слабоват для двоих, — прошептал Виглан. — Как бы прихватить твой?

— Ох, наверное, в сарае, — отозвался Элдридж.

Сарай не охранялся, и Виглан быстро справился с замком. Внутри они нашли хронокат Элдриджа II и странное, нелепое имущество Элдриджа I.

— Ну, двинулись, — сказал Виглан.

Элдридж покачал головой.

— Что еще? — с досадой спросил Виглан. — Слушай, Том, я понимаю, что не могу рассчитывать на твое доверие. Но, истинный крест, я предоставлю тебе убежище. Я не вру.

— Да я верю тебе. Но все равно не хочу возвращаться.

— Что же ты собираешься делать?

Элдридж и сам раздумывал над этим. Он мог либо вернуться с Вигланом, либо продолжать свое путешествие в одиночестве. Другого выбора не было. И все же, правильно это или нет, но он останется верен себе и узнает, что натворил там, в своем будущем.

— Я отправляюсь в Нецивилизованные secto-  
ры, — решил Элдридж.

— Не делай этого! — испугался Виглан. — Ты можешь кончить полным самоуничтожением.

Элдридж уложил картофель и пакетики с семенами. Потом сунул в рюкзак микрофильмы, банки с репеллентом и зеркальца, а сверху пристроил много зарядные пистолеты.

— Ты хоть представляешь, на что тебе весь этот хлам?

— Ни в малейшей мере, — ответил Элдридж, застегивая карман рубашки, куда положил пленки с записями симфонической музыки. — Но ведь для чего-то все это было нужно...

Виглан тяжело вздохнул.

— Не забудь выдерживать тридцатиминутную паузу между хронотурами, иначе будешь уничтожен, У тебя есть часы?

— Нет. Они остались в кабинете.

— Возьми эти. Противоударные, для спортсменов. — Виглан надел Элдриджу часы. — Ну, желаю удачи, Том. От всего сердца!

— Спасибо.

Элдридж перевел рычажок на самый дальний из возможных хронотуров в будущее, усмехнулся и нажал кнопку.

Как всегда, на какое-то мгновение наступила темнота, и тут же сковал испуг — он ощутил, что находится в воде.

Рюкзак мешал выплыть на поверхность. Но вот голова оказалась над водой. Он стал озираться в поисках земли.

Земли не было. Только волны, убегающие вдали к горизонту.

Элдридж ухитрился достать из рюкзака спасательные пояса и надуть их. Теперь он мог подумать о том, что стряслось со штатом Нью-Йорк.

Чем дальше в будущее забирался Элдридж, тем жарче становился климат. За неисчислимые тысячелетия льды, по-видимому, растаяли, и большая часть суши оказалась под водой.

Значит, не зря он взял с собой спасательные пояса. Теперь он твердо верил в благополучный исход своего путешествия. Надо только полчаса продержаться на плаву.

Но тут он заметил, как в воде промелькнула длинная черная тень. За ней другая, третья.

Акулы!

Элдридж в панике стал рыться в рюкзаке. Наконец, он открыл банку с репеллентом и бросил ее в воду. Оранжевое облако расплылось в темно-синей воде.

Через пять минут он бросил вторую банку, потом третью. Через шесть минут после пятой банки Элд-

ридж нажал нужную кнопку и тут же погрузился в ставшую уже знакомой тьму.

На этот раз он оказался по колено в трясине. Стояла удручающая жара, и туча огромных комаров звенела над головой. С трудом выбравшись на земную твердь, он устроился под хилым деревцем, чтобы переждать свои тридцать минут. В этом будущем океан, как видно, отступил, и землю захватили первобытные джунгли. Есть ли тут люди?

Но вдруг Элдридж похолодел. На него двигалось громадное чудовище, похожее на первобытного динозавра. «Не бойся, — старался успокоить себя Элдридж, — ведь динозавры были травоядными». Однако чудище, обнажив два ряда превосходных зубов, приближалось к Элдриджу с довольно решительным видом. Тут мог спасти только многозарядный пистолет. И Элдридж выстрелил.

Динозавр исчез в клубах дыма. Лишь запах озона убеждал, что это не сон. Элдридж с почтением взглянул на оружие. Теперь он понял, почему у него такая цена.

Через полчаса, истратив на собратьев динозавра все заряды во всех четырех пистолетах Элдридж снова нажал на кнопку хроноката.

Теперь он стоял на поросшем травой холме. Неподалеку шумел сосновый бор.

При мысли, что, может быть, это и есть долгожданная цель его путешествия, у Элдриджа быстрее забилось сердце.

Из леса показался приземистый мужчина в меховой юбке. В руке он угрожающе сжимал неоструганную палицу. Следом за ним вышло еще человек двадцать таких же низкорослых коренастых мужчин. Они шли прямо на Элдриджа.

— Привет, ребята, — миролюбиво обратился он к ним.

Вождь ответил что-то на своем гортанном наречии и жестом предложил приблизиться.

— Я принес вам благословенные плоды, — поспешил сообщить Элдридж и вытащил из рюкзака пакетики с семенами моркови.

Но семена не произвели никакого впечатления ни на вождя, ни на его людей. Им не нужен был ни рюкзак, ни разряженные пистолеты. Не нужен им был и картофель. Они уже угрожающе почти сомкнули круг, а Элдридж все никак не мог сообразить, чего они хотят.

Оставалось протянуть еще две минуты до очередного хронотура, и, резко повернувшись, он кинулся бежать.

Дикари тут же устремились за ним. Элдридж мчался, петляя среди деревьев, словно гончая. Несколько дубинок просвистели над его головой.

Еще минута!

Он споткнулся о корень, упал, пополз, снова вскочил на ноги. Дикари настигали.

Десять секунд. Пять. Пора! Он коснулся кнопки, но пришедшийся по голове удар свалил его наземь.

Когда он открыл глаза, то увидел, что чья-то дубинка оставила от хроноката кучку обломков.

Проклинающего все на свете Элдриджа втащили в пещеру. Два дикаря остались охранять вход.

Снаружи несколько мужчин собирали хворост. Взад-вперед носились женщины и дети. Судя по всему оживлению, готовился праздник.

Элдридж понял, что главным блюдом на этом празднестве будет он сам.

Элдридж пополз в глубь пещеры, надеясь обнаружить другой выход, однако пещера заканчивалась

отвесной стеной. Ощупывая пол, он наткнулся на странный предмет.

Ботинок!

Он приблизился с ботинком к свету. Коричневый кожаный полуботинок был точь-в-точь таким же, как и на нем. Действительно, ботинок пришелся ему по ноге. Явно это был след его первого путешествия.

Но почему он оставил здесь ботинок?

Внутри что-то мешало. Элдридж снял ботинок и в носке обнаружил скомканную бумагу. Он расправил ее. Записка была написана его почерком:

*Довольно глупо, но как-то надо обратиться к самому себе. Дорогой Элдридж? Ладно, пусть будет так.*

*Так вот, дорогой Элдридж, ты попал в дурацкую историю. Тем не менее не тревожься. Ты выберешься из нее. Я оставляю хронокат, чтобы ты переправился туда, где тебе надлежит быть.*

*Я же сам включаю хронокат до того, как истечет получасовая пауза. Это первое уничтожение, которое мне предстоит испытать на себе. Полагаю, все обойдется, потому что парадоксов времени не существует.*

*Я нажимаю на кнопку.*

Значит, хронокат где-то здесь!

Он еще раз обшарил всю пещеру, но ничего, кроме чьих-то костей, не обнаружил.

Наступило утро. У пещеры собралась вся деревня. Глиняные сосуды переходили из рук в руки. Мужская часть населения явно повеселела.

Элдриджа подвели к глубокой нише в скале. Внутри нее было что-то вроде жертвенного алтаря, украшенного цветами. Пол устипал собранный накануне хворост.

Элдриджу жестами приказали войти в нишу.

Начались ритуальные танцы. Они длились нес-

колько часов. Наконец последний танцор свалился в изнеможении. Тогда к нише приблизился старец с факелом в руке. Размахнувшись, он бросил пылающий факел внутрь. Элдриджу удалось его поймать. Но другие горящие головни посыпались следом. Вспыхнули крайние ветви, и Элдриджу пришлось отступить внутрь, к алтарю.

Огонь загонял его все глубже. В конце концов, задыхаясь и исходя слезами, Элдридж рухнул на алтарь. И тут рука его нашарила какой-то предмет...

**Кнопки?**

Пламя позволило рассмотреть. Это был хронокат, тот самый хронокат, который оставил Элдридж II! Не иначе, ему здесь поклонялись.

Мгновение Элдридж колебался: что на этот раз уготовано ему в будущем? И все же оншел достаточно далеко, чтобы не узнать конец.

Элдридж нажал кнопку.

...И оказался на пляже. У ног плескалась вода, а вдали уходил бесконечно голубой океан. Берег покрывала тропическая растительность.

Услышав крики, Элдридж отчаянно заметался. К нему бежали несколько человек.

— Приветствуем тебя! С возвращением!

Огромный загорелый человек заключил Элдриджа в свои объятия.

— Наконец-то ты вернулся! — приговаривал он.

— Да, да... — бормотал Элдридж.

К берегу спешили все новые и новые люди. Мужчины были высокими, бронзовокожими, а женщины на редкость стройными.

— Ты принес? Ты принес? — едва переводя дыхание, спрашивал худой старик.

— Что именно?

— Семена и клубни. Ты обещал их принести.

— Вот, — Элдридж вытащил свои сокровища.  
— Спасибо тебе, как ты думаешь...  
— Ты же, наверное, устал? — пытался отгородить его от наседавших людей гигант.

Элдридж мысленно пробежал последние день или два своей жизни, которые вместили тысячулетия.

— Устал, — признался он. — Очень.  
— Тогда иди домой.  
— Домой?  
— Ну да, в дом, который ты построил возле лагуны. Разве не помнишь?

Элдридж улыбнулся и покачал головой.  
— Он не помнит! — закричал гигант.  
— А ты помнишь, как мы сражались в шахматы? — спросил другой мужчина.

— А наши рыбалки?  
— А наши пикники, праздники?  
— А танцы?  
— А яхты?

Элдридж продолжал отрицательно качать головой.  
— Это было, пока ты не отправился назад, в свое собственное время, — объяснил гигант.

— Отправился назад? — переспросил Элдридж.  
Тут было все, о чем он мечтал. Мир, согласие, мягкий климат, добрые соседи. А теперь и книги, и музыка.

Так почему же он оставил этот мир?  
— А меня-то ты помнишь? — выступила вперед тоненькая светловолосая девушка.

— Ты, наверное, дочь Беккера и помолвлена с Моргелом. Я тебя похитил.

— Это Моргел считал, будто я его невеста, — возмутилась она. — И ты меня не похищал. Я сама ушла, по собственной воле.

— А, да-да, — сказал Элдридж, чувствуя себя круглым дураком. — Ну конечно же... Как же —

очень рад встрече с вами... — совсем уже глупо закончил он.

— Почему так официально? — удивилась девушка. — Мы ведь в конце концов муж и жена. Надеюсь, ты привез мне зеркальце?

Вот тут Элдридж расхохотался и протянул девушке рюкзак.

— Пойдем домой, дорогой, — сказала она.

Он не знал имени девушки, но она ему очень нравилась.

— Боюсь, что не сейчас, — проговорил Элдридж, посмотрев на часы. Прошло почти тридцать минут. — Мне еще кое-что нужно сделать. Но я скоро вернусь.

Лицо девушки осветила улыбка.

— Если ты говоришь, что вернешься, то я знаю, так оно и будет, — и она поцеловала его.

Привычная темнота вновь окутала Элдриджа, когда он нажал на кнопку хроноката.

Так было покончено с Элдриджем II.

Отныне он становился Элдриджем I и твердо знал, куда направляется и что будет делать.

Он вернется сюда в свое время и остаток жизни проведет в мире и согласии с этой девушкой в кругу добрых соседей, среди своих книг и музыки.

Даже к Виглану и Альфредексу он не испытывал теперь неприязни.

## Ловушка\*

Сэмеш, мне нужна помощь. Ситуация становится опасной, так что спеши, не медли.

Ты был совершенно прав, Сэмеш, старый друг-жище. Мне не следовало доверять землянам. Это хитрый, невежественный, безнравственный народ, как ты неоднократно и отмечал. Но они не такие глупые, как кажется. Я начинаю убеждаться, чтотолпина жгутика — не единственный критерий разума.

Как все нелепо обернулось, Сэмеш! А ведь мой план казался таким верным и безукоризненным...

Эд Дэйли заметил что-то поблескивающее за дверью коттеджа, но сонливость взяла верх над желанием выяснить, что это такое.

Когда рассвело, он проснулся и выбрался из цыпочках наружу — взглянуть на небо. Погода не сулила ничего хорошего. Всю ночь лил дождь, и сейчас со всех деревьев капала вода. Их фургон, казалось, затопило, а поднимавшаяся в гору проселочная дорога разбухла от грязи. Дэйли поежился от сырости.

Его друг Турстон, в пижаме, с заспанным, упитанным, безмятежным, как у Будды, лицом подошел к двери.

— В первый день отпуска всегда льет, как из ведра, — констатировал он. — Закон природы.

\* Пер. изд.: Sheckley R. The Trap: Pilgrimage to Earth. Bantam, N. Y., 1957.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

— Сегодня может хорошо клевать форель, — заметил Дэйли.

— Это ее личное дело, — без особого восторга отозвался Турстон. — На мой взгляд, куда лучше растопить камин и понежиться перед ним, потягивая горячий ром с травками.

Уже одиннадцать лет они проводили короткий осенний отпуск вместе, но по разным причинам.

Дэйли отличала романтическая привязанность ко всякого рода снаряжению. Продавцы нью-йоркских магазинов модной спортивной одежды примеривали на его высокие, сутуловатые плечи дорогие парки, которые можно было бы носить в такой неприступной цитадели, как Тибет, в поисках снежного человека. Его уговаривали приобрести миниатюрные печки хитроумной конструкции, которые не погаснут даже во время урагана, или пытались всучить причудливые, угрожающие изогнутые кинжалы из лучшей шведской стали и массу других не менее соблазнительных и полезных вещей.

Дэйли любил ощущать приятную тяжесть маленькой изящной фляжки на боку и перекинутого через плечо ружья из вороненой стали. Фляжка чаще всего была наполнена ромом, а самой опасной дичью, по которой стреляло его ружье, служили пустые жестянки. Несмотря на азартные мечты, Дэйли был человеком с мягким сердцем и не мог причинить зла ни животным, ни птицам.

Его друг Турстон, страдавший от излишнего веса и одышки, обременял себя лишь самой легкой удочки и самым миниатюрным из ружей. Ко второй неделе отпуска ему, как правило, удавалось перенести место охоты в Лейк-Плэсид, в коктейль-бар, где он, оказавшись в родной стихии, проявлял незаурядные охотничьи познания и сноровку, охотясь

отнюдь не на серых и бурых медведей и горных оленей, а на отдыхающих девушек.

Подобного рода времяпровождение, или «охотничий сезон», как они говорили, вполне удовлетворяло обоих городских обитателей, преуспевающих бизнесменов, возраст которых уже клонился к пятидесяти, и они возвращались в Нью-Йорк загорелыми и посвежевшими, с хорошим запасом жизненной энергии и терпимости к женам.

— Ну что ж, ром так ром, — охотно согласился Дэйли. — А это что? — Он обратил внимание на блестящий металлический предмет за порогом.

Турстон подошел и потыкал его ногой.

— Что за чертовщина?

Раздвинув траву, Дэйли увидел ящик кубической формы, высотой фута в четыре, с крышкой на шарнирах. На одной его стороне было размашисто выведено одно лишь слово: «ЛОВУШКА».

— Где ты купил это? — недоуменно спросил Турстон.

— Я ничего не покупал. — Тут Дэйли заметил на ящике пластмассовый ярлык. Он поспешно отодрал его и прочитал:

«Дорогой друг!

Это первая, не имеющая аналогов модификация ловушки. Чтобы познакомить с ней широкий круг клиентов, мы даем вам эту модель абсолютно бесплатно! Вы сможете убедиться, что это незаменимое приспособление для ловли мелкой дичи, если будете точно соблюдать предписание, помещенное на обороте. Желаем удачи и счастливой охоты!»

— Занятная вещица, — проговорил Дэйли, в глазах которого зажегся охотничий азарт. — Думаешь, ее подбросили ночью?

— Какая разница? — пожал плечами Турстон. —

У меня урчит в животе. Давай состряпаем завтрак.

— Неужели тебе не интересно?

Турстон презрительно поморщился.

— Не особенно. Очередная техническая «новинка». У тебя уже все завалено таким барабаном: медвежий капкан от Аберкромби и Фитча, рожок для привлечения ягуаров от Бэтлера, манок для крокодилов...

— Никогда не видел таких ловушек, — задумчиво пробормотал Дэйли. — А какая реклама! Знали, куда подбросить...

— В конце концов тебя все равно заставят выложить денежки, — цинично заверил Турстон. — Все рассчитано на таких простаков, как ты. Ладно, пойду готовить завтрак. А ты вымоешь посуду.

Он вошел в коттедж, а Дэйли перевернул ярлык и прочитал на обратной стороне:

«Поставьте ловушку на открытое место и прикрепите ее прилагающейся цепью к ближайшему дереву. Нажатием кнопки один, расположенной у основания, включите ловушку. Через пять секунд нажмите кнопку два. Это активирует ловушку. Более ничего делать не надо, пока не произойдет поимка. Тогда нажмите кнопку три, отключающую ловушку, откройте крышку и достаньте добычу.

**ВНИМАНИЕ!** Открывать ловушку следует только для изъятия добычи. Для попадания добычи внутрь открывать ловушку не требуется, так как модель основана на принципе осмотического расщепления и добыча оказывается непосредственно в ловушке».

— Чего только не выдумают люди! — восхищенно воскликнул Дэйли.

— Завтрак готов! — позвал Турстон.

— Сначала помоги мне установить эту штуку.

Турстон, натянувший на себя модные шорты и облачившийся в криклившую спортивную рубашку, вышел наружу и с сомнением возился на ловушку.

— Ты и впрямь хочешь заняться этой ерундой?

— Конечно. Может, мы поймаем лису.

— Что, черт возьми, мы станем делать с лисой?

— Отпустим, конечно, — не раздумывая ответил Дэйли. — Главное — поймать. Помоги поднять!

Ловушка оказалась неожиданно тяжелой. Они оттащили ее ярдов на пятьдесят от охотничьей хижины и обвязали цепь вокруг молодой сосны. Дэйли нажал первую кнопку, и ловушка слабо замерзла. Турстон испуганно попятился.

Через пять секунд Дэйли нажал вторую кнопку.

С листьев капало, на верхушках деревьев оживленно трещали белки, слабо шелестела высокая трава. Ловушка, тускло мерцая, спокойно стояла возле сосны.

— Пойдем, — не выдержал Турстон. — Яйца уже наверняка остывли. Дэйли неохотно последовал за ним и, дойдя до порога, обернулся. Ловушка безмолвно затаилась в лесу и ждала...

Сэмеш, где же ты? Ты мне срочно нужен. Это звучит невероятно, но мой крошечный планетоид разваливается на глазах! Ты мой старинный друг, Сэмеш, спутник моего детства, шафер на моем бракосочетании и к тому же друг прекрасной Фрегль. Я полагаюсь на тебя, как на самого себя. Не задерживайся слишком долго.

Я уже телепортировал тебе начало этой истории. Земляне приняли мою ловушку за ловушку, и все. Они немедленно запустили ее без всяких мыслей о

возможных последствиях. На это я и рассчитывал. Фантастическое любопытство землян общеизвестно.

В течение этого времени моя жена ползала по планетоиду, украшая наше жилище и наслаждаясь переменой после городской жизни. Все шло хорошо...

Во время завтрака Турстон с нудной педантичностью изложил свою точку зрения на то, почему ловушка не должна функционировать при отсутствии отверстия для добычи. Дэйли со смехом отмахнулся, козырнув принципом осмотического расщепления. Турстон упорствовал, что такового не существует. Закончив мытье посуды, друзья зашагали по мокрой упругой траве к ловушке.

— Смотри! — крикнул Дэйли.

В ловушке билось что-то живое — какое-то существо размером с кролика, но ярко-зеленого цвета. Глаза диковинного создания помещались на концах длинных стебельков, и оно свирепо щелкало клешнями, похожими на клешни омара.

— Все, хватит, никакого рома до завтрака, — отрубил Турстон и нерешительно добавил: — Начиная с завтрашнего дня. Дай-ка мне фляжку.

Дэйли протянул флягу, и Турстон отхлебнул несколько изрядных глотков. Переведя взгляд на пойманную тварь, он перекосился:

— Бrrr!

— А вдруг это новый вид? — глубокомысленно изрек Дэйли.

— Новый вид кошмар! Может, поедем в Лейк-Плэсид и забудем про все это?

— Ты что, с ума сошел? Я в жизни не встречал ничего подобного, ни в одной из книг по зоологии. Новое слово в науке! Где мы будем его держать?

— Его держать?

— А как же! Не может же оно оставаться в ловушке. Нам придется соорудить клетку и выяснить, чем оно питается.

Лицо Турстона утратило обычную безмятежность.

— Послушай, Эд, старина, я бы не хотел проводить отпуск с таким страшилищем... А вдруг оно ядовитое? Потом от него наверняка скверно пахнет...

Набрав воздуха, он продолжал:

— К тому же это какая-то противоестественная ловушка. Она... нечеловеческая!

Дэйли ухмыльнулся.

— Держу пари, что такую же чепуху говорили про первый автомобиль Форда и про лампу накаливания Эдисона. Эта ловушка — просто еще один блестательный пример американского технического прогресса!

— Я сам сторонник прогресса! — вспыхнул Турстон. — Но только не такого! Неужели мы не можем просто...

Он посмотрел на своего друга и остановился. На лице Дэйли появилось такое выражение, которое могло быть у Кортеса, когда он с вершины горы увидел Тихий океан.

— Да, — задумчиво произнес Дэйли после продолжительной паузы. — Так и будет.

— Что?

— Позже скажу. Сначала давай смастерим клетку и снова запустим ловушку.

Глухо застонав, Турстон последовал за другом.

Ну что же ты медлишь, Сэммиш? Неужели ты не ощущаешь всей серьезности положения? Разве я не объяснил, как много от тебя зависит? Подумай о своем старом друге! Подумай о гладкокожей Фрегль, ради которой я и затеял эту кутерьму. Свяжись со мной хотя бы!

Земляне сразу же принялись использовать мою ловушку, которая, конечно, вовсе никакая не ловушка, а трансмиттер материи. Другой его конец я замаскировал на планетоиде и уже скормил в него трех зверьков, отловленных в саду. Земляне всякий раз неизменно вытаскивали их из ловушки, с какой целью — ума не приложу. Эти алчные люди хранят все, что угодно.

После того как третий зверек, попав в трансмиттер, не вернулся, я понял, что все готово.

Я приготовился к последнему, четвертому сеансу, самому главному, ради которого все это и затевалось.

Они стояли в маленьком чуланчике, примыкавшем к коттеджу. Турстон с отвращением разглядывал три клетки, сделанные из тяжелой противомоскитной сетки. Внутри каждой из клеток сидело по существу.

— Фу, — поморщился Турстон, — и воняют же они!

В ближайшей клетке содержалась их первая добыча — тварь с глазами на стебельках и с клешнями. По-соседству разместилась птица с тремя парами покрытых чешуей крыльев. В третьей клетке находилось нечто, напоминавшее змею, с головами на обоих концах.

В клетках стояли блюдечки с молоком, тарелки с кусочками мяса, нацинкованными овощами, травой — все это оставалось нетронутым.

— Они совсем ничего не едят, — пожаловался Дэйли.

— Совершенно очевидно, что они больны, — настаивал Турстон. — Возможно, они бациллоносители. Может, выкинем их, Эд?

Дэйли посмотрел ему в глаза:

— Скажи, Том, ты никогда не мечтал о славе?

— О чём?

— О славе. Чтобы твоё имя повторяли через века?

— Я деловой человек, — с достоинством ответил Турстон. — Если бы я забивал себе голову такой чепухой, то давно бы обапиротился.

— Так никогда и не мечтал?

Турстон смущенно улыбнулся.

— Ну какой человек не мечтает о славе? Только что ты имеешь в виду?

— Эти существа, — назидательно произнес Дэйли, — уникальные! Мы подарим их музею.

— Ну и что? — заинтересовался Турстон.

— Выставка ранее неизвестных науке животных, открытых Дэйли — Турстоном!

— Они могут даже назвать их нашими именами, — неожиданно размечтался Турстон. — Мы же их поймали!

— Конечно, именно так! Наши имена станут в один ряд с именами Ливингстона, Одубона и Тедди Рузвельта.

— Гм. — Турстон глубоко задумался. — Мне кажется, лучше всего для этой цели подходит музей естественной истории. Там можно организовать выставку...

— Я думал не просто о выставке, — прервал его Дэйли. — Я думал об открытии галереи, — галереи Дэйли — Турстона.

Турстон в изумлении уставился на друга. Он и не подозревал в Дэйли такого размаха.

— Но, Эд, их же всего три штуки. Мы не можем открыть галерею для демонстрации всего трех экспонатов.

— Там, откуда они взялись, их должно быть много. Пойдем проверим ловушку.

На этот раз в ловушке судорожно билось существо Фута в три длиной с маленькой зеленой головкой и раздвоенным вилкообразным хвостом. От туловища отходило около дюжины толстых жгутиков, которые яростно извивались.

— Остальные были спокойнее,— заметил Турстон.— Возможно, эта тварь поопаснее.

— Мы запутаем ее сетью,— решил Дэйли.— Потом я свяжусь с музеем.

Им стоило изрядных усилий посадить добычу в клетку. Ловушку перезарядили, и Дэйли отправил телеграмму в музей естественной истории: «ОБНАРУЖИЛ ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ЧЕТЫРЕ ВИДА ЖИВОТНЫХ НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ТЧК ПОДГОТОВЬТЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ЭКСПОЗИЦИИ ТЧК СРОЧНО ПРИШЛИТЕ СПЕЦИАЛИСТОВ».

Затем, по настоянию Турстона, он выслал в музей несколько безукоризненных характеристик на себя, чтобы там не подумали, что имеют дело с помешанным.

Днем Дэйли изложил Турстону свою теорию. Он был убежден, что в одной части массива Адирондак сохранился нетронутый временем уголок доисторической природы, населенный животными, выжившими с тех пор. Они никогда не попадались охотникам благодаря исключительным повадкам и осторожности, приобретенным их видами с глубокой древности. Однако перед этой новой ловушкой, основанной на принципе осмотического расщепления, даже столь уникальный опыт оказался недостаточным.

— Адирондак исследован вдоль и поперек,— робко возразил Турстон.

— Как видишь, все же недостаточно,— отрезал Дэйли.

Они возвратились к ловушке. Но там было пусто.

— Я тебя еле-еле слышу, Самиш. Попробуй уси-

лить сигнал. А еще лучше — прибудь сюда сам. Что толку переговариваться, когда я влип в такую историю! Ситуация становится все более и более отчаянной.

Что ты говоришь, Самиш? Чем это кончилось? Разве не ясно? После того как мой трансмиттер материи телепортировал этих зверьков, я понял, что все готово. Оставалось только поговорить с женой.

В соответствии с планом я позвал ее поползать в саду. Она была очень довольна.

— Скажи мне, дорогой, — заговорила она, — тебя что-то мучает в последнее время?

— Угу, — ответил я.

— Ты меня разлюбил?

— Нет, дорогая, — сказал я. — Ты не виновата. Ты сделала все, что могла, но увы — я собираюсь обзавестись новой подругой жизни.

Она замерла на месте, в замешательстве перебирая жгутиками. Потом воскликнула:

— Это Фрегль!

— Да, — подтвердил я, — славная Фрегль согласилась делить со мной жилище.

— Но нас же обручили на всю жизнь!

— Знаю. Жаль, что ты настаиваешь на соблюдении этой пустой формальности!

С этими словами я ловко столкнул ее в трансмиттер.

Это было ужасное зрелище, Самиш! Ее жгутики судорожно извивались, она завизжала и... пропала навсегда.

Наконец я был свободен! Меня немного тошило, но я был свободен! Свободен, чтобы обручиться с блестящей Фрегль!

Теперь ты понимаешь все совершенство моего замысла? Было необходимо заручиться поддержкой землян, так как трансмиттер материи функциониру-

ет в обе стороны. Я замаскировал его под ловушку, потому что эти земляне готовы поверить чему угодно. И как завершающий аккорд я отправил им свою жену.

Пусть попробуют прожить с ней! Я не смог!

Верное дело. План был безукоризненным. Моя жена никогда не смогла бы вернуться, поскольку жадные земляне не способны расстаться ни с чем, что к ним попало. Никто бы никогда ничего не доказал.

И вдруг, Сэмиш, это случилось...

Мирный пейзаж вокруг заброшенного горного коттеджа резко изменился. Дорожную грязь вдоль и поперек избороздили следы автомобильных покрышек. Повсюду валялись использованные лампы-вспышки, пачки от сигарет, окурки, обертки от конфет, бумага. Сейчас, после нескольких часов сумасшедшой суэты, все уехали. Осталось лишь испорченное настроение.

Стоя рядом, Дэйли и Турстон мрачно смотрели на пустую ловушку.

— Что случилось с этой дурацкой штукой? —  
Дэйли в сердцах лягнул ловушку ногой.

— Может быть, она уже все выловила? — предположил Турстон.

— Ерунда! Почему в нее попались четыре абсолютно чуждых существа, а потом — больше ни одного? — Он опустился перед ловушкой на колени и горько произнес:

— Эти чертовы болваны из музея... А репортеры?! Возмутительно!

— В какой-то степени их можно понять, — осторожно сказал Турстон.

— Черта с два! Обвинить меня в молчаничестве! Ты слышал, как они издевались, Том? Они спра-

шивали, как мне удалось проделать пересадку кожи?

— Жаль, что все животные издохли до приезда сотрудников музея,— вздохнул Турстон.— Это и впрямь показалось подозрительным.

— Я же не виноват, что эти идиотские твари не хотели есть! Ведь не виноват, скажи? Проклятые газетчики... Послушай, Том, тебе не кажется, что в центральных газетах репортеры должны быть поумнее этих остоловопов?

— Ты не должен был гарантировать им поимку еще других животных,— пытался успокоить друга Турстон.— Именно из-за того, что в ловушку ничего не попадало, они и заподозрили фальсификацию.

— Отчего же мне было не гарантировать! Кто мог подумать, что после поимки этого страшилища со жгутиками ловушка выйдет из строя? И как они посмели поднять меня на смех, когда я объяснял принцип работы системы осмотического расчленения?

— Они просто не слышали о такой системе,— угрюмо промолвил Турстон.— Никто про нее не слышал. Поехали в Лейк-Плэсид, расслабимся и забудем об этом.

— Ни за что! Ловушка должна заработать! Должна! — Дэйли включил и активировал ловушку и принял ее пристально рассматривать. Внезапно он откинулся на спинку кресла, решительно просунул внутрь руку и вдруг издал истошный вопль:

— Моя рука! Она исчезла!

Он в панике отскочил от ловушки.

— Да погоди, успокойся, она на месте,— заверил Турстон.

Дэйли осмотрел обе руки, потер их, потряс перед глазами, но не унялся:

— Я точно видел, что моя рука исчезла, как только оказалась в ловушке!

— Хорошо, хорошо,— поспешил согласился Турстон. — Конечно, исчезла. Послушай, дружище, прошвырнемся в Лейк-Плэсид, а? Немного отдохнем, и все будет в порядке. Идет?

Дэйли его не слушал. Он снова склонился над ловушкой и запустил в нее руку. Рука пропала. Он наклонился ниже — и рука исчезла до самого плеча. Дэйли торжествующе посмотрел на Турстона.

— Теперь ясно, как она работает,— провозгласил он. — Эти твари обитали вовсе не в этой части Аппалачских гор!

— А где?

— Там, где сейчас находится моя рука! Этим газетным писакам и музеиным крысам нужны доказательства? Они меня обзывают лжецом! Меня! Ха-ха, я им покажу!

— Остановись, Эд! Не делай этого! Ты же...

Но Дэйли уже просунул обе ноги в ловушку. Они исчезли. Он постепенно погрузился по шею и обернулся к Турстону:

— Пожелай мне успеха!

— Эд!

Дэйли презрительно фыркнул и растворился в воздухе.

Сэмиш, если ты немедленно не придешь мне на помощь, все будет кончено! Больше я не смогу с тобой общаться. Этот ужасный великан-землянин разгромил весь мой планетоид. Все что можно, живое или мертвое, он пошвырял в трансмиттер. Мой дом в развалинах. А сейчас он уже подбирается ко мне! Этот монстр собирается изловить меня как образец! Нельзя терять ни минуты! Сэмиш, что тебя удерживает? Ты мой старый друг...

Что, Сэмиш? Что ты сказал? Не может быть! Ты с Фрегль?! Одумайся, дружище! А наша дружба?..

## „Особый старательский“\*

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не спать», — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Вечеры; двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы легче, но здесь слишком часто приходилось обезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше,— напомнил себе Моррисон.— Вдвоем меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляропндым ветровым стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

---

\* Печатается по изд.: Шекли Р. Паломничество на Землю: «Особый старательский». Пер. с англ. — М.: Мир, 1966. — Пер. изд.: Sheckley R. "Prospector's Special": Galaxy, UPD Publ. Corp., N. Y., December 1959.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старательями и посмеялся над рассказами старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы: девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдохнуть. Но не больше получаса. Где-то впереди ждет сокровище, и его нужно найти, прежде чем истощатся припасы.

Там, впереди, *непременно* должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он начал на ее следы. А что если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно взглянуться в опаленную жаром желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейни поженятся и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его оно вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил вывернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из

рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал треск: это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздрогнуть, — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто оставалось невредимым.

«Могло быть и хуже», — сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже», — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеокран. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эл. — Вы тот са-

мый парень, что поехал один по Юго-Западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

— Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой — она оказалась в крови.

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортацию. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямко сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все старатели, — сказал Эдди. — Проклятая пустыня полна таких следов.

— Но это богатое месторождение, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего служащий. Я не имею права телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил деньги, — ответил Моррисон. — Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину, — где уж тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Моррисон. — По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тюк и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение,

но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его высматривает.

Волки венерианской породы — маленькие, худые, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями — были одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон взгляделся и увидел рядом с первым волком еще двух.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти слева от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортацию.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно расстет.

Телепортация предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом доставки грузов на огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортация только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него показался хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты, — сказал Моррисон.

— Да, сэр, — сказал робот, окончательно высвободившись из вихря. — Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

— Это я, мистер Моррисон, — сказал Уильямс-4. — К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит во время, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

— Ну да, — ответил Моррисон, забирая свои письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно, — сказал Уильямс-4. — Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайтесь доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо, — сказал старый робот. — Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны.

Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все, — продолжал Уильямс-4. — Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным, на Землю.

— Знаю, — ответил Моррисон. — Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно, — согласился робот. — Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я, — ответил Моррисон. — Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, прикидывая, много ли при нем личных вещей, — и полез обратно в воздушный вихрь.

Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принял читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборг, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-то стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двух-

месячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посыпала ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снилась Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера, где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные, скрученные, изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые, бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел в глубь пустыни, вдоль хаотических нагромождений камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил

пескоход, следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем мы можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улыбнулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, — беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Это было жульничество, не ему было не до приличий

— Ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее,

Моррисон почувствовал, как его пересохший рот стал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь платить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки. Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель на Венере, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал мистер Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, вынуждена удовлетворить-

ся крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

— Я все это знаю, — сказал Моррисон. — но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно, — устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет, — ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно разыскивать работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежках и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где

он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше, — сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, — повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скучных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна смешила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их в свою очередь прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

— Томми, — сказал он, — на кого ты похож?

— Все в порядке, — ответил Моррисон. — Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам, — сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. — Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота, — неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон. — Послушай, Макс, я знаю, что у тебя тugo с деньгами, но хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу, — грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон, — сказал Крэндолл. — Я должен за него за два месяца.

— Я тоже, — вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку, — сказал Крэндолл. — Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу поговорить и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на север, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог, — сказал Моррисон.

— И он поручился бы за тебя, если бы мог, — ответил Крэндолл. — Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три-Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, просто цена кредита на Венере, — ответил Крэндолл. — Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кэй, — сказал Моррисон. — Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дурапго. И, конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружились молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертью...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножия утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороженный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон; па этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а вивавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк—большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере так говорили.

Но существует ли он на самом деле? Есть ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»?

Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну, конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт возьми, — произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотоносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, да я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили, — сказал мистер Бойярд. — Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить, — ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно, — ответил мистер Бойярд. — Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон. — Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае,—решительно ответил мистер Бойярд. — После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон. — Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь, — ответил Моррисон. — Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показываете горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видите?

— Я деловой человек, а не ювелир, — ответил мистер Бойярд. — Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры,

ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, размозжив голову зверя.

— Черт возьми, — сказал Моррисон, — я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурнымиискрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортации. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятались назад.

— Как раз вовремя, — сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек, — произнес Уильямс-4, — ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Помимите-ка!

— Ты был совершенно прав, — сказал Моррисон. — Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения, — ответил Уильямс-4. — У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что, — сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. — Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешил сорвать обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо?  
Срочное письмо?

— Конечно, могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — спросил робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию Венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов. Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит дороже, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотоносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей, — по сути дела, такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него, как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно, — ответил Уильямс-4. — Я

его не дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно, — ответил Моррисон. — Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя в металломолом без всякой механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично, — ответил робот. — У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь, — сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того, — поспешил добавил робот, — вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь, — пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг — охранять казенное имущество даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давайте телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, по-пробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. — Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Как же нам быть? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить, — сказал Крэндолл. — Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы, — произнес

Уильямс-4, — впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю, — сказал Моррисон. — Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме — все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг, — сказал робот, подходя к вихрю. — Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я припесу вам почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет, — ответил Моррисон. — Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова взгляделся в выступ и заметил у его

основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшайдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал Маркшайдер. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неграниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

— А где центр вашего участка?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на две сти ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка, — ответил робот. — Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться, — сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался,

снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспомнил бы, если бы только был на это способен.

— Все, — сказал он наконец. — Кончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он, — сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая ее Маркшейдеру. — Все?

— Абсолютно все, — ответил робот. — Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявили?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительльному постановлению, не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о ней не слыхал, — сказал Моррисон.

— Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе, — объяснил съемщик. — У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете вместо нее оформить специальную ограниченную заявку, — сказал робот. — Поискового акта для нее не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон. — Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все, — ответил Маркшейдер. — Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков, — сказал Моррисон. — И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный радиоп К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из

вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех корицунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Попросить бы мне флягу», — говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский» — выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

# Что в нас заложено\*

Существуют предписания, регламентирующие поведение экипажа космического корабля при установлении Первого Контакта, инструкции, порожденные безысходностью и выполняемые слепо, без надежды на успех, — в самом деле, какие наставления способны предвосхитить последствия каких бы то ни было действий на сознание инопланетян?

Именно об этом мрачно размышлял Ян Маартен, когда корабль вошел в атмосферу Дюрелла IV. Ян Маартен был крупный среднего возраста мужчина с редеющими светло-пепельными волосами и вечно озабоченным выражением на упитанном лице. Уже давно он пришел к заключению, что любое, пусть самое нелепое предписание — все же лучше, чем ничего. Именно поэтому он придерживался установленных правил, педантично, но с непреходящим чувством сомнения и сознанием человеческого несовершенства.

Это были идеальные качества для посланца, устанавливающего Первый Контакт.

Он облетел планету на высоте, достаточной для обзора, но не настолько близко к поверхности, чтобы напугать ее обитателей. Налицо были все признаки первобытно-пасторальной цивилизации, и Ян Маартен постарался освежить в памяти инструкции, напечатанные в четвертом томе «Рекомендуемой ме-

---

\* Пер. изд.: Sheckley R. All the Things You Are: Pilgrimage to Earth. Bantam, N. Y., 1957.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

тодики по осуществлению Первого Контакта с так называемыми первобытно-пасторальными мирами», выпущенном Департаментом психологии инопланетян. Он посадил корабль на скалистую, поросшую травой равнину на рекомендуемом расстоянии от типичной небольшой деревушки. При посадке он применил новаторский метод «Тихий Сэм».

— Славно сработано! — восхитился его помощник Кросвелл, который был еще слишком молод, чтобы терзаться мучившими капитана сомнениями.

Чедка, эборийский лингвист, безмолствовал. Он, как обычно, спал.

Пробурчав в ответ что-то невразумительное, Маартен отправился в хвостовой отсек проводить анализ проб. Кросвелл занял позицию перед смотровым экраном.

— Идут! — закричал Кросвелл спустя полчаса. — Их около дюжины, и они явные гуманоиды.

Присмотревшись, он отметил, что дюрелляне довольно тщедушны, а их мертвенно-бледные лица застыли, словно маски. Чуть поколебавшись, Кросвелл добавил:

— Красавцами я бы их, пожалуй, не назвал.

— Что они делают? — спросил Маартен.

— Просто разглядывают нас, — отозвался Кросвелл. Это был худощавый молодой человек с необычайно длинными роскошными усами, которые он отпускал на всем долгом пути от Земли. Кросвелл то и дело любовно поглаживал их в полной уверенности, что столь великолепных усов Галактике видеть не доводилось. — Они уже в двадцати ярдах от корабля! — Увлеченный необычным зрелищем, он даже не заметил, что нелепо расплющил нос об односторонний смотровой экран.

Экран позволял прекрасно видеть, что происходит

вне корабля, но в то же время не давал посмотреть в него снаружи. По указу Департамента психологии инопланетян такие экраны были установлены на всех кораблях после того, как год назад закончилась провалом попытка установить Первый Контакт на планете Карелла II. Карелляне, глазевшие на корабль, разглядели внутри что-то такое, что заставило их в панике бежать, отчего вступить с ними в контакт не удалось.

Подобные ошибки нельзя было повторять.

— А что теперь? — осведомился Маартен.

— Один из них приближается к кораблю. Вероятно, вождь. А может быть, это жертвоприношение?

— Как он одет?

— На нем... Как бы это сказать... Лучше бы вы посмотрели сами.

Маартен уже успел с помощью приборов составить представление о Дюрелле. Планета обладала пригодной для дыхания атмосферой, сносным климатом, даже гравитация оказалась близкой к земной. На Дюрелле имелись богатейшие залежи радиоактивных элементов и редких металлов. Но самое главное — приборы указывали на полное отсутствие вирулентных микроорганизмов и ядовитых испарений, из-за которых пребывание землян на планете могло оборваться трагически.

Словом, Дюрелл мог стать бесценным партнером Земли при условии, что дюрелляне будут настроены дружественно, а посланцы с Земли сумеют тонко и тактично провести переговоры.

Подойдя к экрану, Маартен начал рассматривать дюреллян.

— На них одежды пастельных тонов. Нам следует одеться так же.

- Есть!
- Они не вооружены. Мы тоже выйдем безоружными.
- Так точно!
- Они обуты в сандалии. Придется и нам идти в сандалиях.
- Слушаюсь!
- Но вот на лицах у них отсутствует всякая растительность, — продолжал Маартен. — Прости меня, Эд, но твои усы...
- Нет-нет, только не это! Умоляю! — Кросвелл в неприворном ужасе прикрыл ладонью предмет своей гордости.
- Боюсь, с этим ничего не поделаешь, — с напускным состраданием вздохнул Маартен.
- Я их полгода отращивал! — запротестовал юноша.
- Придется с ними расстаться. Они будут браться в глаза.
- Не вижу для этого причин, — негодующе возразил Кросвелл.
- Самое главное — первое впечатление. Если оно окажется неблагоприятным, это сильно затруднит, если вовсе не сделает невозможными дальнейшие контакты. Поскольку мы пока ничего не знаем об обитателях этой планеты, наше лучшее оружие — конформизм. Мы должны стараться походить на них своим внешним обликом; если даже это им не очень понравится, то по крайней мере не будет раздражать. Нам следует перенять и их манеры, словом, надо вести себя в рамках принятых здесь обычаяев и традиций...

— Хорошо, я согласен, — прервал его Кросвелл. — Надеюсь, хотя бы на обратном пути мне будет позволено обзавестись новыми усами?

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

Кросвелл уже трижды терял усы в аналогичных ситуациях.

Пока юноша брился, Маартен растолкал спавшего лингвиста. Чедка был лемурообразным гуманоидом с Эбории IV, с которой Земля поддерживала дружественные отношения. Эборийцы были прирожденными лингвистами и к тому же обладали необыкновенной словоохотливостью, отличающей иных земных зануд, которые не позволяют собеседнику вставить и слово. Правда, к чести эборийцев, следует сказать, что во всяком споре они неизменно оказывались правыми. В свое время они облетели почти всю Галактику и могли бы воцариться в ней, если бы не необходимость спать двадцать часов из двадцати четырех.

Сбив усы, Кросвелл облачился в бледно-зеленый комбинезон и сандалии. Все трое прошли в дезинфекционную камеру. Маартен глубоко вздохнул и открыл люк.

По толпе дюреллян пронесся еле слышный шепест. Вождь — или жертва — молчал. Если бы не мертвенная бледность и окаменелость лиц, дюрелляне могли сойти за людей.

— Никакой мимики! — предупредил Кросвелла Маартен.

Они медленно приближались, пока не оказались в десяти футах от дюреллянина.

— Мы пришли с миром, — тихо сказал Маартен.

Ответ дюреллянина был настолько тихим, что почти нельзя было разобрать слов.

— Вождь сказал: «Добро пожаловать», — перевел Чедка.

— Вот и отлично. — Маартен приблизился еще

на несколько шагов и начал говорить, делая время от времени паузы для перевода. Искренне и убежденно он произнес Первичную речь ББ-32 (для первобытно-пасторальных, предположительно не агрессивно настроенных инопланетян-гуманоидов).

Даже Кросвелл, которого трудно было удивить, вынужден был признать, что это была замечательная речь. Маартен сообщил, что они проделали долгий путь, прилетев из Великой Пустоты, чтобы наладить дружественные отношения с благородными дерюллянами. Он рассказал о далекой зеленой Земле, о прекрасных добрых землянах, которые протягивают руки в дружелюбном приветствии. Он поведал далее о великом духе мира и понимания, исходящем от Земли, о всеобщей дружбе и о многом-многом другом.

Наконец он закончил. Воцарилось продолжительное молчание.

— Он все понял? — шепотом осведомился Маартен у Чедки.

Эбориэц кивнул, ожидая ответа вождя. Маартен от напряжения покрылся испариной, а Кросвелл в волнении ощупывал непривычно гладкую кожу над верхней губой.

Вождь раскрыл рот, судорожно глотнул, чуть отступил назад и мешком рухнул на траву.

Это неприятное происшествие не было предусмотрено предписаниями.

Вождь не поднялся на ноги — по-видимому, это не относилось к церемониальным падениям. К тому же и дыхание его казалось затрудненным, как при обмороке.

При таких обстоятельствах незадачливым астронавтам оставалось только вернуться на корабль и ждать дальнейшего развития событий.

Через полчаса один из дерюллян осторожно при-

близился к кораблю, сообщил что-то Чедке и тут же стал пятиться назад, не спуская глаз с землян.

— Что он сказал? — взволнованно спросил Кросвелл.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок, — сказал Чедка. — С его стороны это было непростительно неучтиво.

— Вот как! — воскликнул Маартен. — Тогда его обморок даже сыграет нам на руку — заставит его приложить все усилия, чтобы искупить свою неучтивость. Столь благоприятное стеченье обстоятельств, независимое от нас...

— Нет, — прервал Чедка.

— Что «нет»?

— Не независимое, — лаконично пояснил эбориц, свернулся калачиком и мгновенно уснул.

Маартен энергично затряс маленького лингвиста за плечо.

— Что еще сказал вождь? Какое отношение к нам может иметь этот нелепый обморок?

Чедка сладко зевнул.

— Вождь был очень смущен. Сколько мог, он терпел порывы ветра из вашего рта, но в конце концов чуждый запах...

— Какой ветер? — не веря своим ушам, переспросил Маартен. — Мое дыхание? Неужели он грохнулся в обморок из-за... — Страшная догадка осенила его.

Чедка кивнул, неуместно хихикнул и снова уснул.

Наступил вечер, тусклые длинные сумерки Дюрелла незаметно сменились ночью. Один за другим исчезали пробивавшиеся сквозь окружавший деревушку лес огоньки костров, на которых готовили пищу дюрелляне. На корабле свет горел до самого рас-

света. Когда взошло солнце, Чедку отправили в деревню. Кросвелл задумчиво потягивал кофе, а Маартен лихорадочно рылся в аптечке.

— Я уверен, что это преодолимое препятствие,— глубокомысленно произнес Кросвелл. — Подобные пустяки неизбежны. Помните, когда мы высадились на Дингофоребе VI...

— Из-за таких, как ты говоришь, «пустяков» контакты срываются навсегда, — возразил Маартен.

— Но кто мог предположить...

— Я должен был предвидеть! — вспыхнул Маартен. — Мало ли что прежде ничего подобного не случалось... А, вот они!

Он торжествующе поднял в руке склянку с розовыми таблетками.

— С абсолютной гарантиейней нейтрализуют любое дыхание — даже гиены. Проглоти парочку.

Кросвелл с готовностью проглотил таблетки.

— Что теперь, шеф?

— Подождем возвращения этого сонливого лемура... Ага, вот и он! Что сказал вождь?

Чедка проскользнуло сквозь люк, протирая уже слипающиеся глаза.

— Вождь Морери просит извинить его за обморок.

— Это мы уже знаем. Что еще?

— Он приглашает вас посетить деревню Ланнит в любое удобное для вас время. Вождь надеется, что этот глупый инцидент не повлияет на развитие дружественных отпушений между двумя миролюбивыми благородными народами.

Маартен облегченно вздохнул.

— Вы поставили его в известность о том, что... эээ... наше дыхание исправится?

— Я заверил вождя Морери, что оно будет должным образом скорректировано, — сдержанно под-

твёрдил Чедка. — Меня лично оно никогда не беспокоило.

— Прекрасно. Мы немедленно отправляемся в деревню. Может быть, вы тоже примете одну таблетку?

— С моим дыханием все в порядке, — зевая, гордо проговорил Чедка.

При общении с представителями первобытно-пасторальной цивилизации принято прибегать к простым, но многозначительным жестам, они легче всего воспринимаются туземным населением. Наглядность! Четкие и попятные всем ассоциации! Меньше слов — больше жестов! Таковы были наставления.

Приблизившись к деревне, Маартен с удовлетворением отметил, что судьба предоставила ему случай провести естественную, но весьма эффективную и прямо-таки символическую церемонию. Дюрелляне встречали астронавтов в деревне, раскинувшейся на большой живописной лесной поляне; от леса деревню отделяло пересохшее речное русло, через которое был перекинут небольшой, но изящный каменный мост.

Дойдя до середины моста, Маартен остановился и лукаво улыбнулся дюреллянам. Заметив, что те в ужасе отвернулись, он проклял собственную расеянность и поспешно стер улыбку с лица. После долгой паузы он громко выкрикнул:

— Пусть этот мост явится символом той связи, которая плавечно установилась между этой прекрасной гостеприимной планетой и планетой...

Кросвелл что-то предупреждающе крикнул, но Маартен не разобрал. Он внимательно следил за дюреллянами — они стояли не двигаясь.

— Прочь с моста! — завопил Кросвелл.

Но не успел Маартен и шевельнуться, как камен-

ная машина под ним рухнула, и он с криком полетел вниз.

— В жизни не видел ничего подобного, — возбужденно тараторил Кросвэлл, помогая Маартену выкарабкаться из-под обломков. — Стоило вам только повысить голос, как камень так и заходил. Наверное, какая-то вибрация.

Теперь Маартен понял, почему дюрелляне всегда говорили шепотом. Он осторожно поднялся на ноги, но тут же со стоном снова сел.

— Что случилось? — испугался юноша.

— По-моему, я вывихнул ногу.

Сопровождаемый двумя десятками соплеменников, вождь Морери приблизился к незадачливым землянам, произнес короткую речь и вручил пострадавшему увесистый резной посох из черного дерева.

— Спасибо, — еле слышно пробормотал растроганный Маартен, поднимаясь на ноги и осторожно опираясь на посох.

— Что он сказал? — обратился он к дремлющему Чедке.

— Вождь сообщил, что мосту было всего сто лет, и он находился в хорошем состоянии. Вождь извинился за своих предков, которые не смогли построить более прочный мост.

— Гм-м, — смущенно выдавил Маартен.

— Вождь говорит, что вы, по-видимому, очень невезучий человек, — добавил Чедка.

Возможно, он прав, подумал Маартен.

Впрочем, еще не все было потеряно. Следовало только быть предельно собранным и внимательным, чтобы не допустить промахов в дальнейшем.

Маартен выдавил жалкую улыбку, но вовремя спохватился и, сжав губы, заковылял рядом с Морери, направляясь в деревню.

В техническом отпоешении дюрелляне находились

на низком уровне развития. Правда, колесо и рычаг они уже изобрели, но, по-видимому, этим вполне удовлетворили свою потребность в механизации. Впрочем, они обладали зачаточными познаниями в геометрии и кое-как разбирались в астрономии.

Однако дюрелляне отличались удивительными художественными способностями. Особое развитие у них получила искусная резьба по дереву. Даже самые бедные хижины украшали редкой красоты резные барельефы.

— Как вы думаете, я могу это сфотографировать? — спросил пораженный Кросвелл.

— А почему бы и нет, — великодушно решил Маартен, восхищенно проводя рукой по громадному барельефу, вырезанному из той же черной древесины, что и его посох. Отполированная до блеска поверхность ласкала кожу.

С разрешения вождя Морери Кросвелл сфотографировал и зарисовал детали дюреллянских жилищ, хозяйственных и общественных построек, украшений храма.

Маартен бродил по деревне, с восторгом ощупывая причудливые барельефы и переговариваясь при помощи Чедки с местными жителями. Постепенно у капитана складывалось мнение об обитателях планеты.

Потенциально дюрелляне, думал Маартен, по своему интеллекту не уступают *Homo sapiens*. Низкий уровень технического развития определяется скорее особенностями их взаимоотношений с природой, нежели отсталостью и неумением. Дюреллянам, по-видимому, свойственно миролюбие, у них отсутствует агрессивность — в этом земляне им могут только позавидовать: лишь после многовековой неразберихи на Земле паконец пришли к подобным идеалам.

Этот вывод он решил положить в основу своего доклада Комиссии по Второму Контакту. Маартен надеялся, что сможет ко всему добавить, что «относительно землян у них сложилось самое благоприятное впечатление; никаких трудностей и неожиданностей не предвидится».

Закончив переговоры с вождем Морери, Чедка, казавшийся почему-то менее сонным, чем обычно, подошел к Маартену и стал что-то нашептывать ему. Маартен согласно кивнул и тихо обратился к Кросвеллу, который делал последние снимки:

- Все готово для большого представления.
- Какого представления?

— Вождь Морери устраивает грандиозный праздник в нашу честь, — потирая руки, прошептал Маартен и не без гордости добавил: — Это — событие чрезвычайной важности, знак признаний и добродой воли.

Кросвелл был не столь сдержан в выражении своих чувств:

- Так это победа! Ура, контакт установлен!

Двое дюреллян, стоявшие у него за спиной, в ужасе подпрыгнули на месте и, пошатываясь, побрали прочь.

— Да, это победа, — прошептал Маартен, — если только мы будем следить за собой и не станем орать, как только что сделал это ты. Они прекрасные душевые существа, и мы будем последними ослами, если не завоюем их доверия. Мы все-таки иногда чем-то их раздражаем — чем?..

К вечеру Маартен и Кросвелл закончили химический анализ состава дюреллянской пищи и не обнаружили в ней ничего вредного для человеческого организма. Проглотив по несколько нейтрализующих

дыхание таблеток, они облачились в комбинезоны и сандалии, прошли дезинфекцию и отправились на праздник.

На первое подали какое-то угощение из зеленовато-оранжевых овощей, напоминающих на вкус тыкву. Затем вождь Морери произнес короткую речь о важности развития культурных связей. По окончании речи было подано блюдо из мяса, похожего на кроличье, после чего слово предоставили Кросвеллу.

— Только шепотом, не забудь! — притглушенно напомнил Маартен.

Кросвелл встал и начал говорить. С неменяющимся выражением лица, прибегая главным образом к жестикуляции, он тихим голосом перечислил сходные черты у народов Земли и Дюрелла.

Чедка переводил. Маартен довольно кивал. То же самое делали вождь и все собравшиеся.

Закончив вдохновенную речь, Кросвелл сел за стол. Маартен похлопал его по плечу:

— Молодец, Эд! У тебя прирожденный дар... Что случилось?

Лицо Кросвелла перекосилось от изумления:

— Посмотрите только!

Маартен обернулся. Вождь и все дюрелляне продолжали непрерывно кивать.

— Чедка! — растерянно пролепетал Маартен. — Поговорите с ними!

Эбориец задал вождю какой-то вопрос. Ответа не последовало. Морери все так же продолжал кивать.

— Эти идиотские жесты! Ты их загипнотизировал! — догадался Маартен. Он почесал в затылке и вдруг громко кашлянул. Стол задрожал. Дюрелляне мигом прекратили кивать, замягли и стали быстро и первозно переговариваться.

— Они говорят, что вы обладаете магической силой, — переводил Чедка. — Еще они говорят, что

инопланетяне очень странные существа, и сомневаясь, можно ли им доверять.

— А что считает вождь? — упавшим голосом спросил Маартен.

— Вождь говорит, что вы не такие уж плохие. Он уверяет остальных, что вы не хотели причинить им зла.

— И на том спасибо. Надо уходить, пока мы еще что-нибудь не натворили.

Он встал из-за стола. За ним поднялись Кросвелл и Чедка.

— Мы прощаемся с вами, — шепотом обратился к вождю Маартен, — и просим вашего разрешения на то, чтобы другие люди с нашей планеты могли посетить вас. Простите за ошибки, которые мы совершили, — они были вызваны только незнанием ваших обычаев.

Чедка переводил, а Маартен продолжал шептать, не проявляя никаких эмоций и держа руки по швам. Он говорил о единстве Галактики, о благах мира и сотрудничества, о налаживании обмена товарами и предметами искусства, о солидарности всех форм гуманоидной жизни во Вселенной.

Морери, все еще потрясенный пережитым, в свою очередь заверил, что землянам будут всегда рады.

В порыве чувств Кросвелл протянул ему руку. Вождь озадаченно посмотрел на нее, потом взял в свою, недоумевая, что надо делать, но в тот же миг, прошипев от боли, судорожно вырвал руку. Конка на ладони сплошь вздулась, как при сильнейшем ожоге.

— Что случилось? — перепугался Кросвелл.

— Пот! — убитым голосом ответил Маартен и скрупульно опустил руки. — Должно быть, он, как кислота, оказывает мгновенное действие на их организм. Надо убираться отсюда!

Дюрелляне угрожающие смыкались вокруг — в руках у некоторых появились камни и палки. Вождь, все еще корчась от боли, спорил о чем-то с соплеменниками, но земляне, не дожидаясь завершения дискуссии, с максимальной скоростью, на которую был способен Маартен, передвигавшийся вприскоку с помощью посоха, принялись отступать к кораблю.

Темная чаща леса была полна подозрительных звуков. Запыхавшись, астронавты достигли корабля. Возглавлявший отступление Кросвелл споткнулся и упал, больно ударившись головой о крышку люка.

— Проклятье! — выругался он.

В то же мгновение земля вокруг корабля вздыбилась, задрожала и стала уходить из-под ног.

— Скорей в корабль! — закричал Маартен.

Едва они успели взвстеть, как на месте, где только что стоял корабль, разверзлась зияющая пропасть.

— Опять эта чертова вибрация! — в сердцах выругался Кросвелл. — Надо же — такое невезение!

Маартен вздохнул и покачал головой.

— Не знаю, право, что и делать. Хотелось бы вернуться, объяснить...

— Мы и так слишком много натворили, — веско заметил Кросвелл.

— Это верно. Ошибки, сплошные трагические ошибки. Мы и начали неважко, а все, что происходило потом, только усугубляло положение.

— Дело не в том, что вы делаете, — они никогда не слышали, чтобы Чедка говорил таким сочувственным тоном, да еще к тому же не зевая. — Это не ваша вина. Дело в том, что вы есть.

Маартен призадумался.

— Да, вы правы. Наши голоса разрушают их планету, наша мимика повергает их в ужас, наши

жесты гипнотизируют, дыхание убивает, а пот вызывает ожоги. Вот несчастье!

— Чего же вы хотите? — мрачно вмешался Кросвелл. — Для них мы — ходячие химические фабрики по производству ядовитых газов и едких веществ.

— Это еще не все, — ехидно добавил Чедка. — Смотрите!

Он протянул им посох, подаренный Маартену. В верхней части посоха, там, где его касалась рука капитана, пробудившиеся после векового сна почки распустились в нежные розовые и белые цветы, изумительный аромат которых наполнил каюту запахом весенней свежести.

— Вот видите? — добавил Чедка. — В вас еще и это!

— А ведь дерево было мертвое, — размышлял Кросвелл. — Должно быть, сальные выделения...

Маартена передернуло.

— Значит, все резные украшения, барельефы, к которым мы прикасались... хижины... храм... Какой ужас!

— Да, — кивнул Кросвелл.

Маартен зажмурил глаза и попытался представить, как мертвая, иссохшая древесина превращается в буйно цветущий куст.

— Надеюсь, они правильно поймут, — убеждая сам себя, заговорил он. — Это прекрасный мирный символ. Может быть, хоть это им понравится... Хотя бы одно из того, что в нас заложено.

## Кое-что задаром\*

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллипз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках, и не отрываясь смотрел на располающуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина — там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!»

А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в

---

\* Печатается по изд.: Шекли Р. Кое-что задаром: Памятничество на Землю. Пер. с англ. — М.: Мир, 1966. — Пер. изд.: Sheckley R. Something for Nothing: Galaxy Science Fiction. UPD Publ. Corp., N. Y., 1954.

центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблотов, рычагов, выключателей, — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ним делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые «падают с неба». Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь, — сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным. Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять над полом один угол машины. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку достойных ребят, — сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатора оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет полегче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохладиться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзагги?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл», — сказал один. — Пришли, потому что ты требовал такелажников. Ну, куда тебе ее?

— Уходите, — сказал Коллинз. — Я вас потом позову.

Такелажники поклонились и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше. Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джинны, подменят его наряд, и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по волне волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою последнюю волю и оставит все ему. По правде говоря, он, конечно, не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами, — боязливо произнес Коллинз. Когда жужжение усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, бесспорно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумагек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое мес-течко, где любопытные соседи не будут совать к нему свой нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался груз-ный краснолицый мужчина, который сердито старал-ся пропихнуться в комнату и уже наполовину вы-лез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому вла-дельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед...

— Защиti меня! — крикнул Коллинз Утилизато-ру и вонзил палец в красную кнопку.

Зевая, явно спросонок, появился маленький лы-сый человечек в яркой пижаме.

— Временная служба охраны стен «Саниса Ли-ик», — сказал он, протирая глаза. — Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже поч-ти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блес-тящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет, — ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла. — Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать другие пути? — спросил Коллинз.

— Не исключено, — сказал Лиик. — Он может испробовать микротрансформацию или даже одушевление. — Лиик пристально, испытующе поглядел на Коллинза. — А это ваш Утилизатор?

— Ну, конечно, — сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же? — сказал Коллинз. — Иначе на что бы мне эта машина?

— Не обижайтесь, — сонно произнес Лиик. — Это я по-дружески. — Он медленно покачал головой. — И куда только вашего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

— Ну, мне надо спешить дальше, — сказал Лиик, зевая во весь рот. — День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив нового зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А — неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь — достаточно

произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, краснолицый будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха минайл» он перепрарвил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бралились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь, — сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватал глаз, стояли густые сосовые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного впечатльного дома с плавательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, маленьkim аэродромом.

— Я хочу дом, — твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр, — сказал он, косясь прищурен-

ным глазом на деревья, — но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз. — Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк, — не задумываясь ответил агент. — Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О, да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтобы все было в порядке, — сказал он.

— Конечно, сэр, — сказал тот. — Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максимо офф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из лучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; панельер был выпол-

нен Тоуиджем; при доме имелись Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Виериена.

К вечеру все было закончено, и небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он уселся с сигарой в просторной прохладной гостиной и стал перебирать в уме недавние события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Прежде всего Коллинз решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие люди. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и ознакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Непохоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в Прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется, — это только пожелать себе чего-ни-

будь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существуют законный владелец машины и остальные представители класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это семейная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно поубавился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец?! Или, может быть, эти — из класса А?! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний станет совсем невидим.

— Охранная служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил на кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках появился в углу.

— Неужели каждый раз, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который стал уже в фут высотой и раскалился докрасна.

— Ничего я не могу сделать, — сказал Лиик. — У меня патент только на возведение временных стен.

Вам нужно обратиться в Микроконтроль. — Он похлопал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь светился. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает, — сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш. — Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— А кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолетической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его дымящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на

Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не вожмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнувшимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и, казалось, нисколько не был поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем дедовскими методами, но зато на совесть, — сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня, — пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла, Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего рубца.

Коллинз налил себе основательную порцию кофеина и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква А, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спасти от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для охраны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговаришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской. Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части Американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционерами, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетной труппой — словом, всем тем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинза показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке. Утилизатор ловко высокользнул из-под его руки и рысцой выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Лиик: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только поскорее догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Контроля одушевления.

Утилизатор несся через зал. Коллинз бежал за ним. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинза мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз ринулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по

прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и снова упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, пожал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

-- Контроль одушевления! — торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать что-нибудь пограндиознее.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующих нефтяных скважины, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Коллинз глядел во все глаза. А в следующее мгновение исчез и сам.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит перед столом, за которым сидит уже знакомый ему краснолицый мужчина. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну, — сказал наконец Коллинз, — вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза. — Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении возился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз, — сказал он твердо, — меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она преследует, — защищать лиц, подобных вам, от заблуждений, которые могут встретиться на их жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр, — спокойно и с достоинством произнес Флайн. — Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита, — Флайн поглядел на часы. — Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается переселением благ цивилизации с одного места на другое и прочими услугами. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автома-

тически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Отчего никто не остановил меня? — растерянно спросил он.— Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность — вещь добровольная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр.— Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал.— Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием	450 000 000 кр.
Услуги такелажников фирмы	
«Поуха минайл», а также	
фирмы «Максимо офф» . .	111 000 »
Сто двадцать две танцовщицы	122 000 000 »
Безукоризненное здоровье	888 234 031 »

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать миллионов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз.— Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство,— сказал Флайн.— Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло,— сказал Флайн. — Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал по лицу, небо было серо-стальным.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи,— сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка, — терпеливо разъяснил человек. — А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, — с кривой усмешкой ответил человек. — Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него:

— А как долго?

— Подсчитай сам,— сказал Янг. — Расценки здесь — пять-десять кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать.

— Все это — сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка, — возразил Янг. — У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где

попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг. — Ты же получил бессмертие. Разве забыл?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кое-что сообразить. — Он подтолкнул Коллинза к каменоломне. — Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

## Поднимается ветер\*

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого — на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

— Стукни-ка его посильнее,— посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

— Ну, ясно, — с горечью сказал Клейтон. — Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

— Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин, — ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана, он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая бородка. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса Освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал

---

\* Печатается по изд.: Шекли Р. Поднимается ветер: Пер. с англ. — М.: Молодая гвардия, 1968. — (Библ. совр. фант., т. 16).

© Перевод на русский язык с исправлениями, «Мир», 1984.

своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться на высоте положения. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

— Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу, — сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

— Видно, так, — согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану. — Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон был краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей. Он работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе Освоения, но ни одна не пришлась ему по душевному складу. ПОИМ — Первичное Обнаружение Иных Миров — сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах, наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на планете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом-спутником. Тут требуется одно: стойчески выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет отсюда спасательный корабль и примет его отчет. В зависимости от этого отчета планету будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон исправно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно сядет на Земле и станет хоряйничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако едва кончался очередной отпуск, Клейтон

снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свое умение и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и правда хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре — и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет — все, баста, больше никуда!

— Слышишь? — спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепроницаемой прокладкой.

— А он крепчает, — заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра. Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восемидесяти двух миль в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

— Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать, — сказал Клейтон. — Пропади оно все пропадом!

— А очередь твоя, — заметил Неришев.

— Знаю. Дай хоть немножко поскулить сначала. Вот что, пойдем спросим у Сманика прогноз.

Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами, запасным оборудованием; стук их каблуков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.

— Готов? — спросил Клейтон.

— Готов.

Они напряглись, ухватились за ручки возле две-

ри. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.

Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцать четыре мили в час.

Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами, подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить «мертвый воздух» внутри станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова и они сразу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве.

А ветер со скоростью тридцать четыре мили в час — это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди, и карелланцы.

Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высущенного осьминога. Клубок зашевелился и учтиво помахал двумя щупальцами.

— Добрый день, — поздоровался Сманик.

— Здравствуй, — отвечал Клейтон. — Что скажешь об этой погоде?

— Отличная погода, — сказал Сманик.

Неришев потянул Клейтона за рукав.

— Что он говорит? — спросил он и задумчиво

кинулся, когда Клейтон перевел ему слова Сманика. Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно невразумительным набором щелчков и свистков.

Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие щупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция — единственное надежное убежище, а для этих вся планета — дом родной.

Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь щупалец намертво впились в почву, а остальные протянуты вперед в поисках новой опоры. Или же они катятся по ветру, словно перекати-поле, плотно обвив себя всеми щупальцами, — ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и дерзко управляются они со своими сухопутными кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им облака.

Что ж, зато на Земле опи выглядели бы преглупо, подумал Клейтон.

— Какая будет погода? — спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

— Пожалуй, ветер еще немножко усилится, — сказал он наконец. — Но ничего страшного не будет.

Теперь задумался Клейтон. «Ничего страшного» для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли в станцию и закрыли за собой дверь.

— Слушай, — сказал Неришев, — если ты предпочтешь переждать...

— Уж лучше скорей отделаться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположжен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходные отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми покрышками. Эта неподвижная машина на шести колесах с толстенными шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

— В порядке, — сказал он. — Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открой дверь гаража.

— Счастливо, — сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

— Открываю дверь.

— Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция была поставлена на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защищить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и

свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями наружу, точно стальные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчанием мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Девяносто две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск — камешки, гонимые ураганным ветром, барабанили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя никакого вреда.

— Все в порядке? — спросил по радио Неришев.

— Как нельзя лучше, — отвечал Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев. Футов сорока в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины лиственного кустарника — на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся ли-

нией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал даже стук мотора. Скорость его по индикатору была уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо, неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зазубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

— Как дела? — спросил Неришев.

— Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно, — сказал Клейтон. — Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

— Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят новые.

— Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей, — раздумчиво проговорил Клейтон. — Как по-твоему, в чем тут дело?

— Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

— Может быть. Смотри там, поосторожнее!

— Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

— Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатила дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигала уже ста тридцати миль в час. Клейтон выскоцил из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для за-

плат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон увеличил подачу кислорода в маску и принял за работу.

Через два часа он наконец закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, задраил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрагивать. Но Клейтон не обратил на это никакого внимания.

— Алло! Алло! — кричал Неришев по радио.

Клейтон устало взобрался на сиденье и отозвался.

— Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать восемь! По-моему, надвигается буря!

Буря на Карелле! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.

Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час — вот и все, что можно было выжать из мощного мотора при встречном ветре скоростью сто тридцать восемь миль в час.

Клейтон глядел упорно вперед. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну-единственную точку — в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз

Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.

Мотор начал захлебываться и давать перебои.

— Нет, нет, малыш, — выдохнул Клейтон. — Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!

Он прикинул, что до станции еще миль десять и все против ветра.

Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низверглась лавина. Это громыхала каменная глыба величиной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и просто катил ее, вспахивая ею каменистую почву, как плугом.

Клейтон круто вывернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске.

— Скорей, крошка, скорей!

Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.

— Чуть не шарахнуло, — сказал себе Клейтон. Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.

Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.

Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.

— Как ты там? — спросил по радио Неришев.

— Превосходно! Не мешай, я занят.

Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.

— Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!

Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:

— А что с ним случилось?

— Песок! — сказал Клейтон. — Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду, сколько удастся.

— А потом?

— А потом поставлю парус, — отвечал Клейтон. — Надеюсь, мачта выдержит.

Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра придется пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра кручек, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы про двинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благословлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренился набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко про двигался против ветра и вскоре обогнал Зверя.

Бот счастливчики, подумал Клейтон. Сто шестьдесят пять миль в час для них — всего лишь попутный ветерок!

Вдали показалось серое полушарие станции.

— Я все-таки доберусь! — завопил Клейтон. — Открывай ром, Неришев, дружище! Ох и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно только того и ждал — тут-то он и заглох.

Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дует прямо в лоб.

— Что думаешь делать? — спросил Неришев.

— Сидеть тут, — отвечал Клейтон. — Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатitonная машина вся содрогалась и дребежала под ударами ветра.

— Знаешь, что я тебе скажу? — продолжал Клейтон. — Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

— Да ну? Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

— Что же?

— Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт!

Станция медленно уплывала прочь, ее словно относило ветром. Клейтон протер глаза: уж не спятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью пожал кнопку па распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, заскрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната,

потом закрепил тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

— Я отдал якоря,— сообщил Клейтон Неришеву.

— И что, держат?

— Пока держат.

Клейтон закурил сигарету и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от усталости: ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора. Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп, подумал Клейтон, и если бы не кислородная маска — непременно бы задохся. В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударяли куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насовсем?

В такие минуты Клейтону всегда бывало нелегко сохранять хладнокровие и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам Вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь? Человеку здесь не место, он должен оставаться на Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

— Как ты там? — спросил Неришев.

— Отменно, — устало ответил Клейтон. — А у тебя как?

— Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.

— А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию, — сказал Клейтон.

— Ну, ты же знаешь, в чем суть. Карелла — единственная твердая планета между Энгарсой Три и Южным Каменным Поясом. Все остальные — газовые гиганты.

— Придется им строить свою станцию прямо в космосе.

— А ты знаешь, во сколько это обойдется?

— Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

— Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?

— Штук пятнадцать, сидят в приемнике.

— Ничего угрожающего?

— По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.

— А что?

— Сам не знаю, — отвечал Неришев. — Только не нравится мне это.

— Ты бы лучше не вылезал пока в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь. — Он запнулся. — Если, конечно, вернусь.

— Прекрасно вернешься, — пообещал Неришев.

— Ясно, вернусь... Ах, черт!

— Что такое? Что случилось?

— На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прыжком на его неподвижный беспомощный тапк.

Клейтон мельком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двести миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, надвигался, катился на Зверя.

— Сворачивай! Прочь! — заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя кулаком по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра неуклонно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени, даже если бы лебедка выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил, как на льду, и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину. Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчинку, подумал он. Бьюсь об заклад, никому до меня это не удавалось!

Камень величиной с добрый небоскреб пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

— Клейтон! Что случилось? Ты жив?

— Живехонек, — задыхаясь выговорил Клейтон. — Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!

— А повернуть можешь?

— Пробовал, чуть не опрокинулся.

— Куда же тебя сносит?

Клейтон всмотрелся в даль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

— Еще миль пятнадцать — и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымились. Но ветер — уже сто восемьдесят три в час — даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорока четырех миль в час.

— Попробуй паруса! — закричал Неришев.

— Не выдержат.

— А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция трястется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплющит...

— Хватит, — прервал Клейтон. — Мне тут не до тебя.

— Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и умолкло. Настала зловещая тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

— Ну что ж, — сказал себе Клейтон. — Вот и все.

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся во всю длину своих двухсот пятидесяти футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как илуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно

так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, па всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус — страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта — короткий мощный стальной столб — выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при помощи шкота — тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. И однако он увлекал вперед двенадцатitonное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину стального каната в двести пятьдесят футов...

Это не так трудно... когда скорость ветра — сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударила в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса с одной стороны поднялись в воздух. Клейтон поспешно убрал несколько футов шкота. Металлическая кольчуга вздрогивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держаться нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег — берег, где

ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус оттаскивал его прочь.

— Молодчина! — кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камешки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстия, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять; короткая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать, Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту метались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную машину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху, вновь швырнул на колеса. От удара лопнула передняя шина, за ней — сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился как вкопанный. Клей-

тона кинуло вперед. Привязной ремень мгновенье удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон удрился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, силился сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверно, весь ободран. Изо рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком па длином канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока — спасен...

Но ветер все не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час; с оглушительным ревом он опять поднял Зверя в воздух, швырнул его озерье, снова поднял и снова швырнул. Стальной канат гудел как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. Долго не продержаться, думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачущего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть — и он полетит кувырком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако стрелка медленно, но верно ползла вниз. При ста

шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной цепи. При ста пятидесяти трех ветер переменил направление — верный знак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие лианы — куда более прочные, чем стальные канаты, — и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

— Ни одна кость не сломана, только нескольких зубов не хватает, — сообщил ему Неришев. — Но на тебе живого места нет.

— Все-таки мы выстояли, — сказал Клейтон.

— Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямиком врезались два огромных валуна, она едва выдержала. Я проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка — и мы...

— И мы опять как-нибудь да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре — и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем!

— Куда?

— Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

— Сманик! — окликнул Клейтон. — Что тут такое происходит?

— Летний праздник, — сказал Сманик. — Наш ежегодный великий праздник.

— Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

— Я бы определил его как умеренный, — сказал Сманик. — Ничего опасного, но немного неприятно для прогулок под парусом.

— Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

— Всегда угадывать погоду очень трудно, — возразил Сманик. — Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

— Последний? Как так? Почему?

— Вот это, — продолжал Сманик и широко помял щупальцем вокруг, — это весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

— Куда?

— В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

— В безопасности от чего, Сманик?

— Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

— Что такое? — спросил Неришев.

— Погоди минуту.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоявший ему жизни, — это, по определению Сманика, безобидный умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Защитная ограда разрушена, фундамент станции рас-

шатан, а корабль придет за ними еще только через четыре месяца!

— Пожалуй, мы тоже поедем с вами на ваших кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

— Разумеется, — радушно отвечал Сманик.

Что-то из этого выйдет, сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана. Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...

— Да что там такое? — нетерпеливо спросил Неришев. — Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

— Он говорит, настоящий ветер только начинается.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер крепчал.

# Три смерти Бена Бакстера\*

Судьба целого мира зависела от того, будет или не будет он жить, а он, невзирая ни на что, решил уйти из жизни!

Эдвин Джеймс, Главный программист, сидел на трехногом табурете перед Вычислителем возможностей. Это был тщедушный человечек с причудливым, некрасивым лицом. Большая контрольная доска, светившаяся над его головой, казалось, и вовсе пригнетала маленькую фигурку к земле.

Мерное гудение машины и неторопливый танец огоньков на панели навевали чувство уверенности и спокойствия, и, хоть Джеймс знал, как это обманчиво, он невольно поддался его баюкающему действию. Но едва он забылся, как огоньки на панели образовали новый узор.

Джеймс рывком выпрямился и провел рукой по лицу. Из прорези в панели выползала бумажная лента. Главный программист оборвал ленту и впился в нее глазами. Потом хмуро покачал головой и заспешил вон из комнаты.

Пятнадцать минут спустя он входил в конференц-зал. Там его уже ждали, рассевшись вокруг длинного стола, приглашенные на экстренное заседание.

В этом году появился у них новый коллега — Роджер Битти, высокий угловатый мужчина с пыш-

\* Печатается с сокращениями по изд.: Шекли Р. Три смерти Бена Бакстера: Паломничество на Землю. Пер. с англ. — М.: Мир, 1966. — Пер. под.: Sheckley R. The Deaths of Ben Baxter: Jub. Galaxy. UPD Publ. Corp., N. Y., 1957.

ной каштановой шевелюрой, уже слегка редеющей на макушке. Видно, он еще чувствовал себя здесь не очень уютно. С серьезным и сосредоточенным видом Битти уткнулся в «Руководство по процедуре» и нет-нет, да и прикладывался к своей кислородной подушке.

Остальные члены совета были старые знакомые Джеймса. Лан Ил, подвижный, маленький, морщинистый и какой-то неистребимо живучий, с азартом говорил что-то рослому белокурому доктору Свегу. Прелестная, холеная мисс Чандрагор, как всегда, азартно сражалась в шахматы со смуглокожим Аауи.

Джеймс включил встроенный в стену кислородный прибор, и собравшиеся отложили свои подушки.

— Простите, что заставил вас ждать, — сказал Джеймс, — я только сейчас получил последний прогноз.

Он вытащил из кармана записную книжку.

— На прошлом заседании мы остановили свой выбор на Возможной линии развития ЗБЗСС, отправляющейся от 1832 года. Нас интересовала жизнь Альберта Левински. В Главной исторической линии Левински умирает в 1935 году, попав в автомобильную катастрофу. Но поскольку мы переключились на Возможную линию ЗБЗСС, Левински избежал катастрофы, дожил до шестидесяти двух лет и успешно завершил свою миссию. Следствием этого в наше время явится заселение Антарктики.

— А как насчет побочных следствий? — спросила Джанна Чандрагор.

— Они изложены в записке, которую я раздам вам позднее. Короче говоря, ЗБЗСС близко соприкасается с Исторической магистралью (рабочее название). Все значительные события в ней сохранены. Но есть, конечно, и факты, не предусмотренные про-

гнозом. Такие, как открытие нефтяного месторождения в Патагонии, эпидемия гриппа в Канзасе и загрязнение атмосферы над Мексико-сити.

— Все ли пострадавшие удовлетворены? — поинтересовался Лан Ил.

— Да. Уже приступили к заселению Антарктики.

Главный программист развернул ленту, которую извлек из Вычислителя возможностей.

— Но сейчас перед нами трудная задача. Согласно предсказанию, Историческая магистраль сулит нам большие осложнения, и у нас нет подходящих Возможных линий, на которые мы могли бы переключиться.

Члены совета начали перешептываться.

— Разрешите обрисовать вам положение, — сказал Джеймс. Он подошел к стене и спустил вниз длинную карту. — Критический момент приходится на 12 апреля 1959 года, и вопрос упирается в человека по имени Бен Бакстер. Итак, вот каковы обстоятельства.

Всякое событие по самой своей природе может кончиться по-разному, и любой его исход имеет свою преемственность в истории. В иных пространственно-временных мирах Испания могла бы потерпеть поражение при Лепанто, Нормандия — при Гастингсе, Англия — при Ватерлоо.

Предположим, что Испания потерпела поражение при Лепанто...

*Испания была разбита наголову. И непобедимая турецкая морская держава очистила Средиземное море от европейских судов. Десять лет спустя турецкий флот захватил Наполь и этим проложил путь аваританскому вторжению в Австрию...*

Разумеется, все в другом времени и пространстве.

Подобные умозрительные построения стали реальной возможностью после открытия временной селекции и соответственных перемещений в прошлом. Уже в 2103 году Освальд Мейнер и его группа теоретически доказали возможность переключения исторических магистралей на побочные линии. Конечно, в известных пределах.

Например, мы не можем переключиться на далёкое прошлое и сделать так, чтобы, скажем, Вильгельм Норманнский проиграл битву при Гастингсе. История Англии после этого пошла бы по иному пути, чего допустить мы не имеем права. Переключение возможно только на смежные линии.

Эта теоретическая возможность стала практической необходимостью в 2213 году, когда вычислитель Сайкса-Райберна предсказал вероятность полной стерилизации земной атмосферы в результате накопления радиоактивных побочных продуктов. Процесс этот можно было остановить только в прошлом, когда началось загрязнение атмосферы.

Первое переключение было произведено с помощью новоизобретенного селектора Адамса — Хольта — Мартенса. Планирующий совет избрал линию, предусматривающую раннюю смерть Базиля Юшо (а также полный отказ от его теорий о вреде радиации). Таким образом удалось в большой мере избежать последующего загрязнения атмосферы — правда, ценой жизни семидесяти трех потомков Юшо, для которых не удалось подыскать переключенных родителей в смежном историческом ряду. После этого путь назад был уже невозможен. Переключение приобрело роль, которую в медицине играет профилактика.

Но и у переключения были свои границы. Мог наступить момент, когда ни одна доступная линия уже не способна была удовлетворять нужным тре-

бованиям, когда всякое будущее становилось неблагоприятным.

И, когда это случилось, планирующий совет перешел к более решительным действиям.

— Так вот что нас ожидает, — продолжал Эдвин Джеймс. — И этот исход неизбежен, если мы ничего не предпримем.

— Вы хотите сказать, мистер программист, — отозвался Лан Ил, — что Американский континент может плохо кончить?

— К сожалению, да.

Программист налил себе воды и перевернул страницу в записной книжке.

— Итак, исходный объект — некто Бен Бакстер, умерший 12 апреля 1959 года. Ему следовало бы прожить по крайней мере еще десяток лет, чтобы оказать необходимое воздействие на рассматриваемые события. За это время Бен Бакстер купит у правительства Йеллоустонский парк. Он сохранит его и заведет там правильное лесопользование. Коммерчески это предприятие блестяще себя оправдает. Бакстер приобретет и другие обширные земельные угодия в Северной и Южной Америке. Наследники Бакстера на ближайшие двести лет станут королями древесины, им будут принадлежать огромные лесные массивы. Их стараниями — вплоть до нашего времени — на Американском материке сохранятся большие лесные районы. Если же Бакстер умрет...

И Джеймс безнадежно махнул рукой.

— Со смертью Бакстера леса будут истреблены задолго до того, как правительства осознают, что отсюда воспоследует. А потом наступит Великая засуха ...03 года, которой не смогут противостоять сохранившиеся в мире лесные зоны. И, наконец, придет наше время, когда в связи с истреблением

лесов естественный цикл углерод — углекислый газ — кислород окажется нарушенным, когда все окислительные процессы прекратятся, а нам в удел останутся только кислородные подушки как единственное средство сохранения жизни.

— Мы опять сажаем леса, — вставил Аауи.

— Да, но, пока они вырастут, пройдут сотни лет, даже если применять стимуляторы. А тем временем равновесие может нарушиться еще больше. Вот что значит для нас Бен Бакстер. В его руках воздух, которым мы дышим.

— Что ж, — заметил доктор Свег, — магистраль, в которой Бакстер умирает, явно не годится. Но ведь возможны и другие линии развития.

— Их много, — ответил Джеймс. — Но, как всегда, большинство отпадает. Вместе с Главной у нас остаются на выбор три. К сожалению, каждая из них предусматривает смерть Бена Бакстера 12 апреля 1959 года.

Программист вытер взмокший лоб.

— Говоря точнее, *Бен Бакстер умирает 12 апреля 1959 года, во второй половине дня, в результате делового свидания с человеком по имени Нед Бринн*.

Роджер Битти, новый член совета, нервно откашлялся.

— И это событие встречается во всех трех вариантах?

— Вот именно! И в каждом Бакстер умирает по вине Бринна.

Доктор Свег тяжело поднялся с места.

— До сих пор совет не вмешивался в существующие линии развития. Но данный случай требует вмешательства! — сказал он.

Члены совета одобрительно закивали.

— Давайте же рассмотрим вопрос по существу, — предложил Аауи, — Нельзя ли, поскольку этого тре-

буют интересы миллионов людей, совсем выключить Неда Бринна?

— Невозможно,— отвечал программист.— Бринн и сам играет важную роль в будущем. Он добился на бирже преимущественного права на приобретение чуть ли не ста квадратных миль леса. Но для этого ему и требуется финансовая поддержка Бакстера. Вот если бы можно было помешать этой встрече Бринна с Бакстером...

— Каким же образом? — спросил Битти.

— А уж как вам будет угодно. Угрозы, убеждение, подкуп, похищение — любое средство, исключая убийство. В нашем распоряжении три мира. Сумей мы задержать Бринна хотя бы в одном из них, это решило бы задачу.

— Какой же метод предпочтительнее? — спросил Аауи.

— Давайте испробуем разные, в каждом мире свой, — предложила мисс Чандрагор. — Это даст нам больше шансов. Но кто же займется этим — мы сами?

— Что ж, нам и карты в руки, — ответил Эдвин Джеймс. — Тем более, что мы лучше других знаем, что поставлено на карту. Тут требуется искусство маневрирования. Каждая группа будет действовать самостоятельно. Да и можно ли контролировать друг друга, находясь в разных временных рядах?

— В таком случае, — подытожил доктор Свег, — пусть каждая группа исходит из того, что другие потерпели поражение.

— Да так оно, пожалуй, и будет, — невесело улыбнулся Джеймс. — Давайте разделимся на группы и договоримся о методах работы.

## I

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде сквозила недюжинная гордость, а крепко стиснутые губы выдавали непроходимое упрямство. В движениях проглядывала уверенность человека, неотступно следящего за собой и умеющего видеть себя со стороны.

Бринн уже собрался выходить. Он зажал под мышкой трость и сунул в карман «Американских пэров» Сомерсета. Никогда не выходил он из дома без этого надежного провожатого.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака золотой значок в виде восходящего солнца — эмблему его звания. Бринн был уже камергер второго разряда и немало этим гордился. Многие считали, что он еще молод для столь высокого звания. Однако все сходились на том, что Бринн не по возрасту ревностно относится к своим правам и обязанностям.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь уже стояла кучка жильцов, в большинстве — простые обыватели, но были среди них и два шталмейстера. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, сэр камергер, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм, как и по-

дбает в разговоре с простым смертным. Он неотступно думал о Бакстере. И все же краешком глаза заметил в кабине лифта высокого, ладно скроенного мужчину с золотистой кожей и широко расставленными глазами. Бринн еще подивился, что могло привести этого человека в их прозаический многоквартирный дом. Почти все жильцы были ему знакомы по ежедневным встречам, но скромное положение этих людей позволяло ему не узнавать их.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о незнакомце. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя на улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать в кафе «Принц Чарльз».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил Аауи.

— Похоже, с ним каши не сваришь! — сказал Роджер Битти. Он дышал всей грудью, наслаждаясь свежим, чистым воздухом. Какая неслыханная роскошь — наглотаться кислорода! — В их время даже у самых богатых закрывали на ночь кран кислородного баллона.

Оба следовали за Бринном на расстоянии полукиртала. Его высокая, энергично вышагивающая фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толчее.

— Заметили, как он уставился на вас в лифте? — спросил Битти.

— Заметил, — ухмыльнулся Аауи. — Думаете, чует сердце?

— Насчет его чуткости не поручусь. Жаль, что времени у нас в обрез.

Аауи пожал плечами.

— Это был наиболее удобный вариант. Другой приходился на одиннадцать лет раньше. И мы все равно дожидались бы этого дня, чтобы перейти к прямым действиям.

— По крайней мере узнали бы, что он за птица. Такого, пожалуй, не запугаешь.

— Похоже, что так. Но ведь мы сами избрали этот метод.

Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним, а он идет вперед, не глядя ни вправо, ни влево. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка; пурпурный с серебром медальон крестоносца первого ранга украшал его грудь.

— Куда лезете, не разбирая дороги? — пролаял крестоносец.

Бринн уже видел, с кем имеет дело. Проглотив оскорбление, он сказал:

— Простите, сэр!

Но крестоносец не склонен был прощать.

— Взяли моду соваться под ноги старшим!

— Я нечаянно, — сказал Бринн, побагровев от сдерживаемой злобы. Вокруг них собрался народ. Окружив плотным кольцом обоих разодетых джентльменов, зрители подталкивали друг друга и посмеивались с довольным видом.

— Советую другой раз смотреть по сторонам! — надсаживался толстяк крестоносец. — Шатается по улицам, как помешанный. Вашу братию надо еще не так учить вежливости.

— Сэр! — ответствовал Бринн, стараясь сохранить спокойствие. — Если вам угодно получить удовлетворение, я с удовольствием встречусь с вами в

любом месте, с оружием, какое вы соблаговолите выбрать...

— Мне? Встретиться с вами? — Казалось, крестоносец ушам своим не верит.

— Мой ранг дозволяет это, сэр!

— Ваш ранг? Да вы на пять разрядов ниже меня, дубина! Молчать, а не то я прикажу своим слугам — они тоже не вам чета, — пусть поучат вас вежливости. А теперь прочь с дороги!

И крестоносец, оттолкнув Бринна, горделиво прошелся дальше.

— Трус! — бросил ему вслед Бринн; лицо у него пошло красными пятнами. Но он сказал это тихо, как отметил кто-то в толпе. Зажав в руке трость, Бринн повернулся к смельчаку, но толпа уже расходилась, посмеиваясь.

— Разве здесь еще разрешены поединки? — удивился Битти.

— А как же! — кивнул Аауи. — Они ссылаются на прецедент 1804 года, когда Аарон Бэрр убил на дуэли Александра Гамильтона.

— Пора приниматься за дело! — напомнил Битти. — Вот только обидно, что мы плохо снаряжены.

— Мы взяли с собой все, что могли захватить. Придется этим ограничиться.

В кафе «Принц Чарльз» Бринн сел за один из дальних столиков. У него дрожали руки; усилием воли он унял дрожь. Будь он проклят, этот крестоносец первого ранга! Чваный задира и хвастун! От дуэли он, конечно, уклонился. Спрятался за преимущества своего звания.

В душе у Бринна нарастал гнев, зловещий, черный. Убить бы этого человека и плевать на все последствия! Плевать на весь свет! Он никому не позволит над собой издеваться...

Спокойнее, говорил он себе. После драки кулаками не машут. Надо думать о Бене Бакстере и о предстоящем важнейшем свидании. Посмотрев на часы, он увидел, что скоро одиннадцать. Через два с половиной часа он должен быть в конторе у Бакстера и...

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Горячего шоколаду, тостов и яйца пашот.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Если бы мне нужен был ваш картофель, я бы так и сказал! — напустился на него Бринн.

Официант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!» — поспешил убраться.

Этого еще не хватало, подумал Бринн. Я уже и на прислугу кричу. Надо взять себя в руки.

— *Нед Бринн!*

Бринн вздрогнул и огляделся. Он ясно слышал, как кто-то шепотом произнес его имя. Но рядом на расстоянии двадцати футов никого не было видно.

— *Бринн!*

— Это еще что? — недовольно буркнул Бринн.— Кто со мной говорит?

— Ты нервничаешь, Бринн, ты не владеешь собой. Тебе необходимы отдых и перемена обстановки.

На лице у Бринна даже под загаром проступила бледность. Он внимательно огляделся. В кафе почти никого не было. Только три пожилые дамы сидели ближе к выходу, да двое мужчин за ними были, видно, заняты серьезным разговором.

— Ступай домой, Бринн, и отдохни как следует. Отключишь, пока есть возможность.

— У меня важное деловое свидание, — отвечал Бринн дрожащим голосом.

— Дела важнее душевного здоровья? — иронически спросил голос.

— Кто со мной говорит?

- С чего ты взял, что кто-то с тобой говорит?
- Неужто я говорю сам с собой?
- А это тебе видней!
- Ваш заказ, сэр! — подлетел к нему официант.
- Что? — заорал на него Бринн.

Официант испуганно отпрянул. Часть шоколада пролилась на блюдце.

- Сэр? — спросил он срывающимся голосом.
- Что вы тут шмыгаете, болван!

Официант вытаращил глаза на Бринна, поставил поднос и убежал. Бринн подозрительно поглядел ему вслед.

— Ты не в таком состоянии, чтобы с кем-то встречаться, — настаивал голос. — Ступай домой, приими что-нибудь, постараися уснуть и прийти в себя.

- Но что случилось, почему?

— Твой рассудок в опасности! Голос, который ты слышишь, — последняя судорожная попытка твоего разума сохранить равновесие. Это серьезное предупреждение, Бринн! Прослушайся к нему!

— Неправда! — воскликнул Бринн. — Я здоров! Я совершенно...

— Прошу прощения, — раздался голос у самого его плеча.

Бринн вскинулся, готовый дать отпор этой новой попытке нарушить его единение. Над ним навис синий полицейский мундир. На плечах белели эполеты лейтенанта-нобиля.

Бринн проглотил подступивший к горлу комок.

- Что-нибудь случилось, лейтенант?

— Сэр, официант и хозяин кафе уверяют, что вы говорите сами с собой и угрожаете насилием.

- Чушь какая! — огрызнулся Бринн.

— Это верно! Верно! Ты сходишь с ума! — взвизгнул голос у него в голове.

Бринн уставился на грузную фигуру полицей-

ского: он, конечно, тоже слышал голос. Но лейтенант-нобиль никак не прореагировал. Он все также строго взирал на Бринна.

— Враки! — сказал Бринн, уверенно отвергая показания какого-то лакея.

— Но я сам слышал! — возразил лейтенант-нобиль.

— Видите ли, сэр, в чем дело, — начал Бринн, осторожно подыскивая слова. — Я действительно...

— *Пошли его к черту, Бринн!* — завопил голос. — *Какое право он имеет тебя допрашивать! Двинь ему в зубы! Дай как следует! Убей его! Сотри в порошок!*

А Бринн продолжал, перекрывая этот галдеж в голове:

— Я действительно говорил сам с собой, лейтенант! У меня, видите ли, привычка думать вслух. Я таким образом лучше привожу свои мысли в порядок.

Лейтенант-нобиль слегка кивнул.

— Но вы угрожали насилием, сэр, без всякого повода!

— Без повода? А разве холодные яйца не повод, сэр? А подмоченные тосты и пролитый шоколад не повод, сэр?

— Яйца были горячие, — отозвался с безопасного расстояния официант.

— А я говорю — холодные, и дело с концом! Не заставите же вы меня спорить с лакеем!

— Вы абсолютно правы! — подтвердил лейтенант-нобиль, кивая на сей раз более уверенно. — Но я бы попросил вас, сэр, немножко унять свой гнев, хоть вы и абсолютно правы. Чего можно ждать от простонародья?

— Еще бы! — согласился Бринн. — Кстати, сэр, я вижу пурпурную оторочку на ваших эполетах.

Уж не в родстве ли вы с О'Доннелом из Лосиной Сторожки?

— Как же! Это мой третий кузен по материнской линии. — Теперь лейтенант-нобиль увидел значок с восходящим солнцем на груди у Бринна. — Кстати, мой сын стажируется в юридической корпорации «Чемберлен-Холлс». Высокий малый, его зовут Кэл-лехен.

— Я запомню это имя, — обещал Бринн.

— Яйца были горячие! — не унимался официант.

— С джентльменом лучше не спорить! — оборвал его офицер. — Это может вам дорого обойтись. Всего цаилучшего, сэр! — Лейтенант-нобиль козырнул Бринну и удалился.

Уплатив по счету, Бринн последовал за ним. Он, правда, оставил официанту щедрые чаевые, но про себя решил, что ноги его больше не будет в кафе «Принц Чарльз».

— Вот пройдоха! — с досадой воскликнул Аауи, пряча в карман свой крохотный микрофон. — А я было думал, что мы его прищучили.

— И прищучили б, когда бы он хоть немного усомнился в своем разуме. Что ж, перейдем к более решительным действиям. Спаряжение при вас?

Аауи вытащил из кармана две пары медных наручников и одну из них передал Битти.

— Смотрите не потеряйте! — предупредил он. — Мы обещали вернуть их в Музей археологии.

— Совершенно верно! А что, пройдет сюда кулак? Да, да, вижу!

Они уплатили по счету и двинулись дальше.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся у прича-

лов, всегда действовало на него умиротворяющее. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним происходит.

Эти голоса, звучащие в голове...

Может быть, он и в самом деле утратил власть над собой? Один из его дядей с материнской стороны провел последние годы в специальном санатории. Пресенильный психоз... Уж не действуют ли и в нем какие-то скрытые разрушительные силы?

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант. Надпись на носу гласила: «Тезей».

Куда эта машина держит путь? Возможно, в Италию. И Бринн представил себе лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова должна, которую он сам избрал. Пусть это даже грозит его рассудку, он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он человек обеспеченный. Дело его само о себе позаботится. Что мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое предприятие, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и уехать, не оглядываясь.

К черту Бакстера, говорил он себе.

Душевное здоровье — вот что всего важнее! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту, а с дороги пошлет компаньонам телеграмму, где им все...

По пустынной улице приближались к нему двое прохожих. Одного он сразу узнал по золотисто-смуглой коже.

— Мистер Бринн? — обратился к нему другой, мускулистый мужчина с копной рыжеватых волос.

— Что вам угодно? — спросил Бринн.

Но тут смуглолицый без предупреждения обхватил его обеими руками, пригвоздив к месту, а рыжеволосый сбоку огrel кулаком, в котором блеснул металлический предмет. Взвинченные нервы Бринна реагировали с молниеносной быстротой. Недаром он служил в «неистовых рыцарях». Еще и теперь, много лет спустя, у него безошибочно действовали рефлексы. Уклонившись от удара рыжеволосого, он сам двинул смуглолицего локтем в живот. Тот охнул и на какую-то секунду ослабил захват. Бринн воспользовался этим, чтобы вырваться.

Он наотмашь ударил смуглолицего ребром руки по горлу. Тот задохнулся и упал как подкошенный, закинув голову. В ту же секунду рыжеволосый навалился на Бринна и стал молотить медным кастетом. Бринн лягнул его, промахнулся — и заработал сильный удар в солнечное сплетение. У Бринна перехватило дыхание, в глазах потемнело. И сразу же на него обрушился новый удар, пославший его на землю почти в бессознательном состоянии. Но тут противник допустил ошибку.

Рыжеволосый хотел с силой поддать ему ногой, но плохо рассчитал удар. Воспользовавшись этим, Бринн схватил его за ногу и рванул на себя. Потеряв равновесие, рыжеволосый рухнул на мостовую, ударившись затылком.

Бринн кое-как поднялся, переводя дыхание. Смуглолицый лежал навзничь с посиневшим лицом, деляя руками и ногами слабые плавательные движения. Его товарищ валялся замертво, с волос его капала кровь.

Следовало бы сообщить в полицию, мелькнуло в уме у Бринна. А вдруг он прикончил рыжеволосого?

Это даже в самом благоприятном случае — непредумышленное убийство. Да еще лейтенант-нобиль дождит о его странном поведении.

Бринн огляделся. Никто не видел их драки. Пусть его противники, если сочтут нужным, заявляют в полицию сами.

Все как будто становилось на место. Пару эту, конечно, подослали конкуренты, они не прочь перебить у него сделку с Бакстером. Таинственные голоса — тоже какой-то их фокус.

Зато уж теперь им не остановить его. Все еще задыхаясь на ходу, Бринн помчался в контору Бакстера. Он уже не думал о поездке в Италию.

— Живы? — раздался откуда-то сверху знакомый голос.

Битти медленно приходил в сознание. На какое-то мгновение он испугался за голову, но, слегка до нее дотронувшись, успокоился: пока цела.

— Чем это он меня стукнул?

— Похоже, что мостовой, — ответил Аауи. — К сожалению, я был беспомощен. Со мной он расправился с самого начала.

Битти присел и схватился за голову; она невыносимо болела.

— Ну и вояка! Призовой боец!

— Мы его недооценили, — сказал Аауи. — У него чувствуется выучка. Ну как, ноги вас еще носят?

— Пожалуй, да, — отвечал Битти, поднимаясь с земли. — А ведь, наверно, уже поздно?

— Без малого час. Свидание назначено на час тридцать. Авось, удастся расстроить его в конторе у Бакстера.

Не прошло и пяти минут, как они схватили такси и на полной скорости примчались к внушительному зданию.

Хорошенькая молодая секретарша смотрела на них округлившимися глазами. Правда, в такси они немного пообчистились, но все еще выглядели по меньшей мере странно. У Битти голова была кое-как перевязана платком; а смуглое лицо Аауи приобрело зеленоватый оттенок.

— Что вам угодно? — спросила секретарша.

— Сегодня в час тридцать у мистера Бакстера деловое свидание с мистером Бринном, — начал Аауи официальным тоном.

— Да-а-а...

Стенные часы показывали час семнадцать...

— Нам необходимо повидать мистера Бринна еще до этой встречи. Если не возражаете, мы подождем его здесь.

— Сделайте одолжение! Но мистер Бринн уже в кабинете.

— Вот как? А ведь половины второго еще нет!

— Мистер Бринн приехал заблаговременно. И мистер Бакстер принял его раньше.

— У меня срочный разговор, — настаивал Аауи.

— Приказано не мешать. — Вид у девушки был испуганный, и она уже потянулась к кнопке на столе.

Собирается звать на помощь, догадался Аауи. Такой человек, как Бакстер, разумеется, шагу не ступит без охраны. Встреча уже состоялась, не лезть же напролом. Быть может, предпринятые ими шаги изменили ход событий. Быть может, Бринн вошел в кабинет к Бакстеру уже другим человеком: утренние приключения не могли пройти для него бесследно.

— Не беспокойтесь, — сказал он секретарше, — мы подождем его здесь.

Бен Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема палаты лордов Уолл-стрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, голова была точно свинцом налита, желудок свело спазмой. Вот что значит отвыкнуть от драки. И все же он надеялся кое-как дотерпеть.

— Ваши условия граничат с нелепостью, — сказал Бакстер.

— Сэр?..

— Я сказал — с нелепостью! Вы что, туги на ухо, мистер Бринн?

— Отнюдь нет, — ответил Бринн.

— Тем лучше! Ваши условия были бы уместны, если бы мы говорили на равных. Но это не тот случай, мистер Бринн! И когда фирма, подобная вашей, ставит такие условия «Предприятиям Бакстера», это звучит по меньшей мере нелепо.

Бринн прищурился. Бакстера недаром считают чемпионом ближнего боя. Это не личное оскорбление, внушал он себе. Обычный деловой маневр, он и сам к нему прибегает. Вот как на это надо смотреть!

— Разрешите вам напомнить, — возразил Бринн, — о ключевом положении упомянутой лесной территории. При достаточном финансировании мы могли бы почти неограниченно ее расширить, не говоря уже...

— Мечты, надежды, посулы, — вздохнул Бакстер. — Может, идея чего-то и стоит, но вы не сумели подать ее как следует.

Разговор чисто деловой, успокаивал себя Бринн. Он не прочь меня субсидировать, по всему видно. Я и сам предполагал пойти на уступки. Все идет нормально. Просто он торгуется, сбивая цену. Ничего личного...

Но Бринну очень уж досталось. Краснолицый крестоносец, таинственный голос в кафе, мимолетная мечта о свободе, драка с двумя прохожими... Он чувствовал, что сыт по горло...

— Я жду от вас, мистер Бринн, более разумного предложения. Такого, которое бы соответствовало скромному, я бы даже сказал, подчиненному положению вашей фирмы.

*Зондирует почву*, говорил себе Бринн. Но терпение его лопнуло. Бакстер не выше его по рождению! Как он смеет с ним так обращаться!

— Сэр! — пролепетал он помертвевшими губами. — Это звучит оскорбительно.

— Что? — отозвался Бакстер, и в его холодных глазах Бринну почудилась усмешка. — Что звучит оскорбительно?

— Ваше заявление, сэр, да и вообще ваш тон. Предлагаю вам извиниться!

Бринн вскочил и ждал, застыв в деревянной позе. Голова нечеловечески трещала, спазм в желудке не отпускал.

— Не понимаю, почему я должен просить извинения, — возразил Бакстер. — Не вижу смысла связываться с человеком, который не способен отделить личное от делового.

*Он прав*, думал Бринн. *Это мне надо просить извинения*. Но он уже не мог остановиться и очертя голову продолжал:

— Я вас предупредил, сэр! Просите извинения!

— Так нам не столковаться, — сказал Бакстер.

А ведь, по чести говоря, мистер Бринн, я рассчитывал войти с вами в дело. Хотите послушать разумного человека? Постарайтесь не валять дурака. Не требуйте от меня извинений, и продолжим наш разговор.

— Не могу! — сказал Бринн, всей душой сожалея, что не может. — Просите извинения, сэр!

Небольшой, но крепко сбитый, Бакстер поднялся и вышел из-за стола. Лицо его потемнело от гнева.

— Пошел вон, наглый щенок! Убирайся подобру-поздорову, пока тебя не вывели, ты, взбесившийся осел! Вон отсюда!

Бринн готов был просить прощения, но вспомнил: красный крестоносец, официант и те два разбойника... Что-то в нем захлопнулось. Он выбросил вперед руку и нанес удар, подкрепив его всей тяжестью своего тела.

Удар пришелся по шее. Глаза у Бакстера потускнели, и он медленно сполз вниз.

— Прошу прощения! — крикнул Бринн. — Мне страшно жаль! Прошу прощения!

Он упал на колени рядом с Бакстером.

— Ну как, пришли в себя, сэр? Мне страшно жаль! Прошу прощения...

Какой-то частью сознания, не утратившей способности рассуждать, он понимал, что впал в неразрешимое противоречие. Потребность в действии была в нем так же сильна, как потребность просить прощения. Вот он и разрешил дилемму, попытавшись сделать и то и другое, как бывает в сумятице душевного разлада: ударил, а затем попросил прощения.

— Мистер Бакстер! — окликнул он в испуге.

Лицо Бакстера налилось синевой, из уголка рта

сочилась кровь. И тут Бринн заметил, что голова Бакстера лежит под необычным углом к туловищу.

— О-о-ох... — только и выдохнул Бринн.

Прослужив три года в неистовых рыцарях, он не впервые видел сломанную шею.

## II

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. Ровно в час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде чувствовалась сердечная доброта, а выражительный рот говорил о несокрушимом благочестии. Он двигался легко и свободно, как человек чистой души, не привыкший размышлять над своими поступками.

Бринн уже собрался к выходу. Он зажал под мышкой молитвенный посох и сунул в карман «Руководство к праведной жизни» Норстеда. Никогда не выходил он из дома без этого надежного поводыря.

Напоследок он приколол к отвороту пиджака серебряный значок в виде серпа луны — эмблему его сана. Бринн был посвящен в сан аскета второй степени западнобуддистской конгрегации, и это даже вселяло в него известную гордость, конечно,держанную гордость, дозволительную аскету. Многие считали, что он еще молод для звания мирского священника, однако все соглашались с тем, что Бринн не по возрасту ревностно относится к обязанностям, которые налагает на него сан.

Он запер квартиру и направился к лифту. Здесь

уже стояла кучка жильцов, в большинстве — западные буддисты, но среди них и два ламаиста. Когда лифт подошел, все расступились перед Бринном.

— Славный денек, брат мой! — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

Бринн склонил голову ровно на дюйм в знак обычного скромного приветствия пастыря пасомому. Он неотступно думал о Бене Бакстере. И все же краешком глаза заметил в кабине лифта прелестную, холеную девушку с волосами, черными как вороново крыло, с пикантным смуглого-золотистым лицом. Индианка, решил про себя Бринн, и еще подивился, что могло привести чужеземку в их прозаический многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по внешнему виду, но счел бы нескромностью раскланиваться с ними.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн тут же забыл об индианке. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел все заранее взвесить. Выйдя на улицу в серенькое, пасмурное апрельское утро, он решил завтракать в «Золотом лотосе».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Остаться бы здесь навсегда и дышать этим воздухом! — воскликнула Джанна Чандрагор.

Лан Ил слабо улыбнулся.

— Возможно, нам удастся дышать им в наше время. Как он вам показался?

— Уж очень доволен собой и, должно быть, ханжа и святоша.

Они следовали за Бринном на расстоянии полукивартала. Его высокая, сутулая фигура выделялась даже в нью-йоркской утренней толчее.

— А ведь глаз не сводил с вас в лифте, — заметил Ил.

— Знаю. Видный мужчина, не правда ли?

Лан Ил удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Они по-прежнему шли за Бринном, наблюдая, как толпа расступается перед ним изуважения к его сану. И тут-то и началось.

Углубившись в себя, Бринн налетел на осанистого румяного толстяка, облаченного в желтую рясу западнобуддистского священника.

— Простите, младший брат мой, я, кажется, помешал вашим размышлениюм? — молвил священник.

— Это всецело моя вина, отец. Ибо сказано: пусть юность рассчитывает свои шаги, — ответствовал Бринн.

Священник покачал головой.

— В юности живет мечта о будущем, и старости надлежит уступать ей дорогу.

— Старость — наш путеводитель и дорожный указатель, — смириенно, но настойчиво возразил Бринн. — Все авторы единодушны в этом.

— Если вы чтиете старость, — возразил священник, — внимлите же и слову старости о том, что юности надлежит давать дорогу. И, пожалуйста, без возражений, возлюбленный брат мой!

Бринн с обдуманно любезной улыбкой отвесил низкий поклон. Священник тоже поклонился, и каждый пошел своей дорогой. Бринн ускорил шаг: он крепче зажал в руке молитвенный посох. До чего это похоже на священника — ссылаться на свой преклонный возраст как на аргумент в пользу юности. Да и вообще в учении западных буддистов много кричащих противоречий. Но Бринну было сейчас не до них.

Он вошел в кафе «Золотой лотос» и сел за один из дальних столиков. Перебирая пальцами сложный

узор на своем молитвенном посохе, он чувствовал, что раздражение его проходит. Почти мгновенно вернулось к нему то ясное, блаженное ощущение единства разума и чувства, которое так необходимо адепту праведной жизни.

Но пришло время помыслить о Бене Бакстере. Человеку не мешает помнить и о своих преходящих обязанностях. Посмотрев на часы, он увидел, что уже без малого одиннадцать. Через два с половиной часа он будет в конторе у Бакстера и...

— Что вам угодно? — спросил офицант.

— Воды и сушеной рыбки, если можно, — отвечал Бринн.

— Не желаете ли картофеля фри?

— Сегодня вишня, и это не положено, — ответствовал Бринн, из деликатности понизив голос.

Офицант побледнел, сглотнул и, прошептав: «Да, сэр, простите, сэр!» — поспешил уйти.

Напрасно я поставил его в глупое положение, упрекнул себя Бринн. Не извиниться ли?

Но нет, он только больше смутит официанта. И Бринн со свойственной ему решительностью выбросил из головы официанта и стал думать о Бакстере. Если к лесной территории, которую он собирается купить, прибавить капиталы Бакстера и его связи, трудно даже вообразить...

Бринн почувствовал безотчетную тревогу. Что-то неладное происходило за соседним столиком. Повернувшись, он увидел давешнюю смуглуюнку; она рыдала в крошечный носовой платочек. Маленький сморщеный старикашка пытался ее утешить.

Плачущая девушки бросила на Бринна исполненный отчаяния взгляд. Что мог сделать аскет, очутившийся в таком положении, как не вскочить и направить стопы к их столику.

— Простите мою навязчивость, — сказал он, —

я невольно стал свидетелем вашего горя. Быть может, вы одиноки в городе? Не могу ли я вам помочь?

— Нам уже никто не поможет! — зарыдала девушка.

Старичок беспомощно пожал плечами.

Поколебавшись, Бринн присел к их столику.

— Поведайте мне свое горе, — сказал он. — Неразрешимых проблем нет. Ибо сказано: через любые джунгли проходит тропа и след ведет на самую недоступную гору.

— Поистине так, — подтвердил старичок. — Но бывает, что человеческим ногам не под силу достигнуть конца пути.

— В таких случаях, — возразил Бринн, — всякий помогает всякому — и дело бывает сделано. Поведайте мне ваши огорчения, я всеми силами постараюсь вам помочь.

Надо сказать, что Бринн-аскет превысил здесь свои полномочия. Подобные тотальные услуги лежат на обязанности священников высшей иерархии. Но Бринна так захватило горе девушки и ее красота, что он не дал себе времени подумать.

— В сердце молодого человека заключена сила, это посох для усталых рук, — процитировал старичок. — Но скажите, молодой человек, исповедуете ли вы религиозную терпимость?

— В полной мере! — воскликнул Бринн. — Это один из основных догматов западного буддизма.

— Отлично! Итак, знайте, сэр, что я и моя дочь Джанна прибыли из Лхаграммы в Индии, где поклоняются воплощению даритрийской космической функции. Мы приехали в Америку в надежде основать здесь пебольшой храм. К несчастью, схизматики, чтящие воплощение Мари, опередили нас. Дочери моей надо возвращаться домой. Но фанатики марийцы покушаются на нашу жизнь, они поклялись

камня на камне не оставить от даритрийской веры.

— Разве может что-нибудь угрожать вашей жизни здесь, в сердце Нью-Йорка? — воскликнул Бринн.

— Здесь больше, чем где бы то ни было! — сказала Джанна. — Людские толпы — маска и плащ для убийцы.

— Мои дни и без того сочтены, — продолжал старик со спокойствием отрешенности. — Мне следует остаться здесь и завершить свой труд. Ибо так написано. Но я хотел бы, чтобы по крайней мере дочь моя благополучно вернулась домой.

— Никуда я без тебя не поеду! — снова зарыдала Джанна.

— Ты сделаешь то, что тебе прикажут, — заявил старик.

Джанна робко потупилась под взглядом его черных, сверлящих глаз. Старик повернулся к Бринну.

— Сэр, сегодня во второй половине дня в Индию отплывает теплоход. Дочери нужен провожатый, сильный, надежный человек, под чьим руководством и защитой она могла бы благополучно закончить путешествие. Все свое состояние я готов отдать тому, кто выполнит эту священную обязанность.

На Бринна вдруг нашло сомнение.

— Я просто ушам своим не верю, — начал он. — А вы не...

Словно в ответ, старик вытащил из кармана маленький замшевый мешочек и вытряхнул на стол его содержимое. Бринн не считал себя знатоком драгоценных камней, и все же немало их прошло через его руки в бытность его религиозным инструктором. Он мог поклясться, что узнает игру рубинов, сапфиров, изумрудов и алмазов.

— Все это ваше — сказал старик. — Отнесите камни к ювелиру. Когда их подлинность будет под-

тверждена, вы, возможно, поверите и моему рассказу. Если же и это вас не убеждает...

И он извлек из другого кармана толстый бумажник и передал его Бринну. Открыв его, Бринн увидел, что он набит крупными купюрами.

— Любой банк удостоверит их подлинность, — продолжал стариk. — Нет, нет, пожалуйста, я настаиваю, возьмите их себе. Поверьте, это лишь малая часть того, чем я рад буду отблагодарить вас за вашу великую услугу.

Бринн был ошеломлен. Он старался уверить себя, что драгоценности скорее всего искусственная подделка, а деньги, конечно, фальшивые. И все же знал, что это не так. Они настоящие. Но если богатство, которым так швыряются, не вызывает сомнений, то можно ли усомниться в рассказе старика?

Истории известны случаи, когда действительные события превосходили чудеса волшебных сказок. Разве в «Книге золотых ответов» мало тому примеров?

Бринн посмотрел на плачущую смуглую девочку, и его охватило великое желание зажечь радость в этих прекрасных глазах, заставить улыбаться этот трагически сжатый рот. Да и в обращенных к нему взорах красавицы угадывал он нечто большее, чем простой интерес к опекуну и защитнику.

— Сэр! — воскликнул стариk — Возможно ли, что вы согласны, что вы готовы...

— Можете на меня рассчитывать! — сказал Бринн.

Стариk бросился пожимать ему руку. Что до Джанны, то она только взглянула на своего избавителя, но этот взгляд стоил жаркого объятия.

— Уезжайте сейчас же, не откладывая, — волновался стариk. — Не будем терять времени. Возможно, в эту самую минуту нас караулит враг.

- Но я пе одет для дороги...
- Неважно! Я снабжу вас всем необходимым...
- ...к тому же друзья, деловые свидания... подождите! Дайте опомниться!

Бринн перевел дыхание. Приключения в духе Гарун-аль-Рашида заманчивы, спору нет, но нельзя же пускаться в них сломя голову.

— У меня сегодня деловой разговор, — продолжал Бринн. — Я не вправе им манкировать. Потом можете мной располагать.

— Как, рисковать жизнью Джанны? — воскликнул старик.

— Уверяю вас, ничего с вами не случится. Хотите — пойдемте со мной. А еще лучше — у меня двоюродный брат служит в полиции. Я договорюсь с ним, и вам будет дана охрана.

Девушка отвернула от него свое прекрасное печальное лицо.

— Сэр, — сказал старик. — Пароход отходит в час, ни минутой позже!

— Пароходы отходят чуть ли не каждый день, — вразумлял его Бринн. — Мы сядем на следующий. У меня особо важное свидание. Решающее, можно сказать. Я добиваюсь его уже много лет. И речь не только обо мне. У меня дело, служащие, компании. Уже ради них я не вправе им пренебречь.

— Дело дороже жизни! — с горькой иронией воскликнул старик.

— Ничего с вами не случится, — уверял Бринн. — Ибо сказано: «Зверь в джунглях пугается шагов...»

— Я и сам знаю, что и где сказано. На моем челе и челе дочери смерть уже начертала свои магические письмена, и мы погибнем, если вы нам не поможете. Вы найдете Джанну на «Тезее» в каюте-люкс «2А». Ваша каюта «3А» соседняя. Пароход

отчаливает ровно в час. Если вам дорога ее жизнь, приходите!

Старик с дочерью встали и, уплатив по счету, удалились, не слушая доводов Бринна. В дверях Джанна еще раз на него оглянулась.

— Ваша сущеная рыба, сэр! — подлетел к нему официант. Он все время вертелся поблизости, не решаясь беспокоить посетителей.

— К черту рыбу! — взревел Бринн. Но тут же спохватился. — Тысяча извинений! Я совсем не вас имел в виду, — заверил он оторопевшего официанта.

Он расплатился, оставив щедрые чаевые, и стремительно ушел. Ему надо было еще о многом подумать.

— Эта сцена состарила меня лет на десять, она мне стоила последних сил, — пожаловался Лан Ил.

— Признайтесь: она доставила вам огромное удовольствие, — возразила Джанна Чандрагор.

— Что ж, вы правы, — энергично кивнув, согласился Лан Ил. Он маленькими глотками цедил вино, которое стюард принес им в каюту. — Вопрос в том, откажется ли Бринн от свидания с Бакстером и явится ли сюда?

— Я ему как будто понравилась, — заметила Джанна.

— Что лишь свидетельствует о его безошибочном вкусе.

Джанна поблагодарила шутливым кивком.

— Но что за историю вы придумали? Надо ли было наворачивать столько ужасов?

— Это было абсолютно необходимо. Бринн — сильная и целеустремленная натура. Но есть в нем и этакая романтическая жилка. И разве только волшебная сказка — под стать его самым напыщенным мечтам — заставит его изменить долгу.

— А вдруг не поможет и волшебная сказка? — заметила Джанна в раздумье.

— Увидим. Мне кажется, что он придет.

— А я на это не рассчитываю.

— Вы недооцениваете свою красоту и актерское дарование, моя дорогая! Впрочем, подождем — увидим.

— Единственное, что нам остается, — сказала Джанна, поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Часы на письменном столике показывали сорок две минуты первого.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных судов, уверенно и прочно покоящихся у причала, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Эта прелестная, убитая горем девушка...

Да, но как же дело, долг перед его преданными служащими? Ведь именно сегодня ему предстояло обрести поддержку своему грандиозному проекту на письменном столе у Бакстера. Он остановился, рассматривая корабль-гигант. Вот он, «Тезей». Бринн представил себе Индию, ее лазурное небо, щедрое солнце, вино и полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него. Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам избрал. Пусть это даже значит лишиться прекраснейшей девушки в мире, он так и будет тащить свой груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом!

Но почему же, спрашивал себя Бринн, нащупывая в кармане замшевый мешочек. Материально он обеспечен. Дело его само о себе позаботится. Что

мешает ему сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли, что *ничто* этому не помешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и сила воли. Если у него хватило духу создать такое дело, то хватит и на то, чтобы от него отказаться, сбросить все с плеч и последовать велению сердца.

К черту Бакстера, говорил он себе. Безопасность девушки важнее всего! Он сядет на пароход сейчас же, сию минуту и пошлет своим компаньонам телеграмму, где все им...

Итак, решение принято. Он круто повернулся, спустился вниз по сходням и без колебаний поднялся на борт.

Помощник капитана встретил его любезной улыбкой:

— Ваше имя, сэр?

— Нед Бринн.

— Бринн, Бринн... — Помощник поискал в списке. — Что-то я не... О да! Вот вы где. Да, да, мистер Бринн! Ваша каюта на палубе А за номером 3. Разрешите пожелать вам приятного путешествия.

— Спасибо, — сказал Бринн, поглядев на часы. Они показывали без четверти час.

— Кстати, — спросил он помощника, — в котором часу вы отчаливаете?

— В четыре тридцать, минута в минуту, сэр!

— Четыре тридцать? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, мистер Бринн.

— Мне сказали, в час по расписанию.

— Да, так по расписанию, сэр! Но бывает, что мы задерживаемся на несколько часов. А потом без труда нагоняем в пути.

Четыре тридцать! У него еще есть время. Он мо-

жет вернуться, повидать Бена Бакстера и вовремя успеть на пароход! Обе проблемы решены!

Благословляя неисповедимую, но благосклонную судьбу, Бринн повернулся и бросился вниз по сходням. Ему удалось тут же схватить такси.

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой. Мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема смиренных служителей Уоллстрита.

Бринн добрых полчаса излагал свои предложения, ссылаясь на господствующие тенденции, намечая перспективы. И теперь, обливаясь потом, ждал ответного слова.

— Гм-м-м, — промычал Бакстер.

Бринн ждал. В висках стучало, пустой желудок бил тревогу. В мозгу сверлила мысль, что надо еще успеть на «Тезей». Он хотел скорее покончить с делами и ехать в порт.

— Ваши условия слияния обеих фирм меня вполне устраивают, — сказал Бакстер.

— Сэр! — только и выдохнул Бринн.

— Повторяю: они меня устраивают. Вы что, туги на ухо, брат мой?

— Во всяком случае не для таких новостей, — заверил его Бринн с улыбкой.

— Лично меня очень обнадеживает слияние наших фирм, — продолжал Бакстер улыбаясь. — Я прямой человек, Бринн, и я говорю вам без всяких: мне нравится, как вы провели изыскания и какой подготовили материал, и нравится, как вы провели эту встречу. Мало того, вы и лично мне нравитесь. Меня

радует наша встреча, и я верю, что слияние послужит нам на пользу.

— Я тоже в это верю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями и встали из-за стола.

— Я поручу своим адвокатам составить соглашение, исходя из нашей сегодняшней беседы. Вы получите его в конце недели.

— Отлично! — Бринн колебался: сказать или не говорить Бакстеру о своем отъезде в Индию. И решил не говорить. Бумаги по его указанию перешлют на борт «Тезея», а об окончательных подробностях можно будет договориться по телефону. Так или иначе, в Индии он не задержится: доставит девушку благополучно домой и тут же вылетит обратно.

Обменявшиеся новыми любезностями, будущие компании начали прощаться.

— У вас редкостный посох, — сказал Бакстер.

— А? Что? Да, да! Я получил его на этой неделе из Гонконга. Такой искусной резьбы, как в Гонконге, вы не найдете нигде.

— Да, я знаю. А можно посмотреть его поближе?

— Конечно. Но осторожнее, пожалуйста, он легко открывается.

Бакстер взял в руки искусно вырезанную палку и надавил на ручку. На другом конце палки выско- чил клинок, который царапнул Бакстера по ноге.

— Вот уж верно, что легко, — сказал Бакстер.

— Вы, кажется, порезались?

— Ничего! Пустячная царапина. А клинок-то — дамасской стали.

Они еще несколько минут беседовали о тройном значении клинка в западнобуддистском учении и о новейших течениях в западнобуддистском духовном центре в Гонконге. Бакстер сложил палку и вернул ее Бринну.

— Да, посох отменный. Еще раз желаю вам доб-  
рого дня, дорогой брат, и...

Бакстер замолчал на полуслове. Рот его так и остался открытым, глаза уставились в какую-то точку над головой Бринна. Бринн проследил за направлением его взгляда, но не увидел ничего, кроме стены. Когда же он снова повернулся к Бакстеру, тот уже весь посинел, в уголках рта собралась пена.

— Сэр! — крикнул Бринн.

Бакстер хотел что-то сказать, но не мог. Два не-  
тврдых шага — и он рухнул на пол.

Бринн бросился в приемную.

— Врача! Скорее врача! — крикнул он испуганной девушки, а потом вернулся к Бакстеру.

То, что он видел перед собой, был первый в Америке случай болезни, получившей впоследствии название гонконгской чумы. Занесенная сотнями молитвенных посохов, она вспышкой пламени охватила город, оставив за собой миллионы трупов. Спустя неделю симптомы гонконгской чумы стали более известны горожанам, чем симптомы кори.

Бринн видел перед собой первую ее жертву.

С ужасом глядел он, как лицо и руки Бакстера приобретают ярко-зеленый цвет.

### III

Утром 12 апреля 1959 года Нед Бринн проснулся, умылся и оделся. В час тридцать пополудни ему предстояло встретиться с Беном Бакстером, главой компании «Бакстер». Вся будущность Бринна зависела от этого свидания. Если бы заручиться поддержкой гигантских бакстеровских предприятий, да еще и на сходных условиях...

Бринн был статный, красивый тридцатишестилетний брюнет. В его обдуманно-приветливом взгляде

чувствовался неподдельный интерес к людям, мягко очерченный рот говорил о покладистом характере, всегда готовом прислушаться к доводам разума. В движениях проглядывала уверенность человека, знающего свое место в жизни.

Бринн уже собрался уходить. Он зажал под мышкой зонтик и сунул в карман экземпляр «Убийства в метро» в мягком переплете. Обычно он не выходил из дома без увлекательного детектива.

Напоследок он приколол к лацкану пиджака ониксовый значок коммодора Океанского туристского клуба. Многие считали, что Бринн еще молод для такого высокого знака отличия. Но все соглашались с тем, что он не по возрасту ревностно относится к правам и обязанностям, которые налагает на него звание.

Он запер квартиру и пошел к лифту. Здесь уже стояла кучка его соседей по дому; в большинстве своем это были лавочники, но Бринн заметил среди них и двух незнакомых джентльменов.

— Славный денек, мистер Бринн, — приветствовал его бой, нажимая на кнопку лифта.

— Надеюсь! — сказал Бринн, погруженный в размышления о Бене Бакстере. И все же краешком глаза он заметил в кабине лифта белокурого гиганта, который увлеченно о чем-то разговаривал с лысым коротышкой. Бринн еще подивился, что привело эту пару в их многоквартирный дом. Он знал большинство жильцов по ежедневным встречам, но не был еще ни с кем знаком, так как поселился здесь совсем недавно.

Когда лифт спустился в вестибюль, Бринн уже и думать забыл о гиганте. У него выдался хлопотливый день. Он предвидел трудности в разговоре с Бакстером и хотел заранее все взвесить. Выйдя па

улицу в пасмурное, серенькое апрельское утро, он решил позавтракать «У Чайльда».

Часы показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Ну-с, что скажете? — спросил доктор Свег.

— По-моему, человек как человек. Похоже, что с ним можно сговориться. А впрочем, там видно будет.

Они следовали за Бринном на расстоянии полуквартала. Его высокая, стройная фигура выделялась даже в утренней нью-йоркской толче.

— Я меньше всего сторонник насилия, — сказал доктор Свег. — Но в данном случае мое мнение: треснуть его по макушке — и дело с концом!

— Этот способ избрали Аауи и Битти. Мисс Чандрагор и Лан Ил решили испробовать подкуп. А нам с вами поручено воздействовать убеждением.

— А если он не поддастся убеждению?

Джеймс пожал плечами.

— Мне это не нравится, — сказал доктор Свег.

Следуя за Бринном на расстоянии полуквартала, они увидели, как он налетел на какого-то румяного плотного бизнесмена.

— Простите, — сказал Бринн.

— Простите, — отозвался плотный бизнесмен.

Небрежно кивнув друг другу, они продолжали свой путь. Бринн вошел в кафе «У Чайльда» и уселся за один из дальних столиков.

— Чего изволите, сэр? — спросил официант.

— Яйца пашот, тосты, кофе.

— Не угодно ли картофеля фри?

— Нет, спасибо!

Официант поспешил дальше. Бринн сосредоточил свои мысли на Бене Бакстере. При финансовой поддержке Бена Бакстера трудно даже вообразить...

— Простите, сэр, — раздался голос. — Не разрешили ли с вами побеседовать?

— О чём это?

Бринн поднял глаза и увидел белокурого гиганта и его коротышку приятеля, с которыми столкнулся в лифте.

— О деле чрезвычайного значения, — сказал коротышка.

Бринн поглядел на часы. Без чего-то одиннадцать. До встречи с Бакстером оставалось еще два с половиной часа.

Незнакомцы переглянулись и обменялись смущенными улыбками. Наконец коротышка прочистил горло.

— Мистер Бринн, — начал он. — Меня зовут Эдвин Джеймс. Это мой коллега доктор Свег. Мы собираемся рассказать вам крайне странную на первый взгляд историю, однако я надеюсь, что вы терпеливо выслушаете нас. В заключение мы приведем ряд доказательств, которые, возможно, убедят, а возможно, и не убедят вас в справедливости нашего рассказа.

Бринн пахнулся: это еще что за чудаки! Рехнулись они, что ли? Но незнакомцы были хорошо одеты и вели себя безукоризненно.

— Ладно, валяйте, — сказал он.

Час двадцать минут спустя Бринн воскликнул:

— Ну и чудеса же вы мне порассказали!

— Знаю! — виновато пожал плечами доктор Свег. — Но наши доказательства...

— ...производят впечатление. Покажите-ка мне еще раз эту первую штуковину!

Свег передал ему небольшой блестящий предмет. Бринн почтительно устарился на него.

— Ребята, а ведь если эта крохотулька действи-

тельно дает холод и тепло в таких количествах, электрические корпорации, думается мне, отвалят за нее миллиарды.

— Это продукт нашей технологии,—сказал Главный программист,— как, впрочем, и другие устройства, которые вы видели. За исключением мотрифайера, во всем этом нет ничего принципиально нового, это результаты развития и совершенствования сегодняшней научной мысли и технологии.

— А ваш талазатор! Простой, удобный и дешевый способ получения пресной воды из морской!— Он уставился на обоих собеседников.— Хотя не исключено, конечно, что все эти изобретения — ловкая подделка.

Доктор Свег вскинул брови.

— Впрочем, я и сам кое-что смыслю в технике. И если это даже подделки, то эффект они дают такой же, как настоящие изобретения. Ох, морочите вы меня! Люди будущего! Этого еще не хватало!

— Так, значит, вы верите тому, что мы рассказали насчет вас, Бена Бакстера и временной селекции?

— Как сказать... — Бринн крепко задумался. — Верю условно.

— И вы отмените свидание с Бакстером?

— Не знаю.

— Сэр!

— Я говорю вам, что не знаю. Хватает же у вас нахальства! — Бринн все больше сердился.— Я работал как каторжный, чтобы этого добиться. Свидание с Бакстером — величайший шанс в моей жизни! Другого такого шанса у меня не было и не будет. А вы предлагаете мне пожертвовать им ради какого-то туманного предсказания.

— Предсказание отнюдь не туманное, — поправил его Джеймс. — Оно ясное и недвусмысленное.

— К тому же речь не только обо мне. У меня

дело, служащие, компании и акционеры. Я обязан и ради них встретиться с Бакстером.

— Мистер Бринн, — сказал Свег, — вспомните, что здесь поставлено на карту!

— Да, верно, — хмуро отозвался Бринн. — Но вы говорили, что у вас там еще и другие группы. А вдруг меня остановили в каком-то другом возможном мире?

— Не остановили, нет!

— Почем вы знаете!

— Я не хотел говорить тем группам, — сказал Главный программист, — но их надежды на успех так же призрачны, как и мои, — они близки к нулю!

— Черт! — выругался Бринн. — Вы, ребята, ни с того, ни с сего свациваетесь на человека из прошлого и преспокойно требуете, чтобы он перешерстил всю свою жизнь. Какое, наконец, вы имеете на это право?

— А что если отложить свидание до завтра? — предложил доктор Свег. — Это, пожалуй...

— Свидание с Беном Бакстером не откладывают. Либо вы приходите в назначенное время, либо ждете, — может быть, и всю жизнь, — чтоб он вам назначил другое. — Бринн поднялся. — Вот что я вам скажу. Я и сам не знаю, как поступлю. Я выслушал вас и более или менее вам верю, но ничего определенного сказать не могу! Мне надо самому принять решение.

Доктор Свег и Джеймс тоже встали.

— Ваше право! — сказал Главный программист Джеймс. — До свидания, мистер Бринн! Надеюсь, вы примете правильное решение. — Они обменялись рукопожатиями. Бринн поспешил к выходу.

Доктор Свег и Джеймс проводили его глазами.

— Ну как? — спросил Свег. — Похоже, склоняется?.. Или вы другого мнения?

— Я не сторонник гаданий. Возможность что-то изменить в пределах одной временной линии маловероятна. Я в самом деле не представляю, как он поступит.

Доктор Свег покачал головой, а потом глубоко втянул носом воздух.

— Ничего дышится, а?

— Да, воздух что надо, — отозвался Главный программист Джеймс.

Бринн решил побродить по набережной, чтобы восстановить душевное равновесие. Зрелище огромных океанских судов, уверенно покоящихся у своих причалов, всегда действовало на него умиротворяюще. Он размеренно шагал, стараясь осознать, что с ним произошло.

Этот дурацкий рассказ. ...Которому он верил.

Ну, а как же его долг и все эти годы, ушедшие на то, чтобы добиться права покупки обширной лесной территории? А возможности, которые сулит сделка, если Бакстер пойдет на нее?!

Он остановился и стал глядеть на корабль-гигант «Тезей»...

И Бринн представил себе Карибское море, лазурное небо тех краев, щедрое солнце, вино, полный, блаженный отдых. Нет, все это не для него! Изматывающая работа, постоянное напряжение всех душевных сил — такова доля, которую он сам себе избрал. И чего бы это ему ни стоило, он так и будет тащить этот груз, коченея под свинцово-серым нью-йоркским небом.

Но почему же, спрашивал он себя. Он обеспеченный человек. Дело его само о себе позаботится. Что ему мешает сесть на пароход и, стряхнув все заботы, провести год под южным солнцем?

Радостное возбуждение охватило его при мысли,

что *ничто* этому не мешает. Он сам себе хозяин, у него есть мужество и воля. Если у него хватило сил, чтобы преуспеть в делах, то хватит и на то, чтобы от них отказаться, сбросить все с плеч и последовать желанию сердца.

А заодно спасти это проклятое дурацкое будущее.  
«К черту Бакстера!» — говорил он себе.

Но все это было несерьезно.

Будущее было слишком туманно, слишком далеко. Вся эта история, возможно, хитрый подвох, придуманный его конкурентами. Пусть будущее позаботится само о себе!

Нед Бринн круто повернулся и зашагал прочь. Надо было торопиться, чтобы не опоздать к Бакстеру.

Поднимаясь на лифте в небоскребе Бакстера, Бринн старался пи о чем не думать. Самое простое — действовать безотчетно. На шестнадцатом этаже он сошел и направился к секретарше.

— Меня зовут Бринн. Мы сегодня условились встретиться с мистером Бакстером.

— Да, мистер Бринн. Мистер Бакстер ждет вас. Проходите к нему без доклада.

Но Бринн не сдвинулся с места, его захлестнуло волной сомнений. Он подумал о судьбе грядущих поколений, которым угрожает своим поступком, подумал о докторе Свеге и о Главном программисте Эдвипе Джеймсе, об этих серьезных, доброжелательных людях. Не стали бы они требовать у него такой жертвы, если бы не крайняя необходимость.

И еще одно обстоятельство пришло ему в голову...

Среди грядущих поколений будут и его потомки.

— Входите же, сэр! — напомнила ему девушка.

Но что-то внезапно захлопнулось в мозгу у Бринна.

— Я передумал, — сказал он каким-то, словно чужим, голосом. — Я отменяю свидание. Передайте мистеру Бакстеру, что... я очень сожалею обо всем.

Он повернулся и, чтобы не передумать, стремглав сбежал вниз с шестнадцатого этажа.

В конференц-зале все уже собирались вокруг длинного стола в ожидании Эдвина Джеймса. Он вошел — тщедушный человечек с причудливым, некрасивым лицом.

— Ваши доклады! — сказал он.

Аауи, изрядно помятый после недавних приключений, поведал об их попытке применить насилие и о том, к чему это привело.

— Если бы вы заранее не связали нам руки, результаты, возможно, были бы лучше, — добавил он в заключение.

— Это еще как сказать, — отозвался Битти, пострадавший больше Аауи.

Лан Ил обстоятельно доложил о полной неудаче их совместной попытки с мисс Чандрагор. Бринн уже готов был сопровождать их в Индию — даже ценой отказа от свидания с Бакстером. К сожалению, ему представилась возможность сделать и то и другое. В заключение Лан Ил посетовал на возмутительно ненадежные расписания судоходных компаний.

Главный программист Джеймс поднялся с места:

— Нам желательно было найти будущее, в котором Бен Бакстер сохранил бы жизнь и успешно завершил бы свою задачу по скопке лесных богатств Северной и Южной Америки. Наиболее перспективной в этом смысле представлялась нам Главная историческая линия, к которой мы с доктором Свегом и обратились.

— И вы до сих пор ничего нам не рассказали,— попеняла ему с места мисс Чандрагор. — Чем же у вас кончилось?

— Убеждение и призыв к разуму казались нам наилучшими методами. Серьезно поразмыслив, Бринн отменил свидание с Бакстером. Однако...

Бакстер был низенький, плотный здоровяк с бычьей шеей и голой как колено головой; мутные глаза без всякого выражения глядели из-за золотого пенсне. На нем был обычный рабочий пиджак, на лацкане которого в венчике из жемчужин сверкал рубин — эмблема Уолл-стритского клуба.

Он уже с полчаса сидел неподвижно, размышляя о цифрах, господствующих тенденциях и намечающихся перспективах.

Затрещал зуммер внутреннего телефона.

— Что скажете, мисс Кэссиди?

— Приходил мистер Бринн. Он только что ушел.

— Что такое?

— Я и сама не понимаю, мистер Бакстер. Он приходил сказать, что отменяет свидание.

— И как же он это выразил? Повторите словно.

— Сказал, что вы его ждете, и я предложила ему пройти в кабинет. Он посмотрел на меня очень странно и даже нахмурился. Я еще подумала: чем-то он расстроен. И снова предложила ему пройти к вам. И тогда он сказал...

— Слово в слово, мисс Кэссиди!

— Да, сэр! Он сказал: я передумал. Я отказываюсь от свидания. Передайте мистеру Бакстери, что я очень сожалею обо всем.

— И это все, что он сказал?

— До последнего слова!

— А потом что он сделал?

- Повернулся и побежал вниз.
- Побежал?
- Да, мистер Бакстер. Он не стал даже дожидаться лифта.
- Понимаю.
- Вам еще что-нибудь нужно, мистер Бакстер?
- Нет, больше ничего, мисс Кэсси迪. Благодарю вас.

Бакстер выключил внутренний телефон и тяжело повалился в кресло.

Стало быть, Бринн, уже знает!

Это единственно возможное объяснение. Каким-то образом слухи просочились. Он думал, что никто не узнает, по крайней мере до завтра. Но чего-то он не предусмотрел.

Губы его сложились в горькую улыбку. Он не обвинял Бринна, хотя не мешало бы тому зайти объясняться. А впрочем, нет. Пожалуй, так лучше.

Но *каким образом* до него дошло? Кто сообщил ему, что промышленная империя Бакстера — колосс на глиняных ногах, что она рушится, крошится в самом основании?

Если бы эту новость можно было утаить хоть на день, хотя бы на несколько часов! Он бы заключил соглашение с Бринном. Новое предприятие влило бы жизнь в дела Бакстера. К тому времени, когда все обнаружилось бы, он создал бы новую базу для своих операций.

Бринн узнал, и это его отпугнуло. Очевидно, знают все.

А теперь уже никого не удержишь. Не сегодня-завтра на него ринутся эти шакалы. А как же друзья, жена, компании и маленькие люди, доверившие ему свою судьбу?..

Что ж, у него уже много лет назад созрело решение на этот случай.

Без колебаний Бакстер отпер ящик стола и до-  
стал небольшой пузырек. Он вынул оттуда две бе-  
лые пилюли.

Всю жизнь он жил по своим законам. Пришло  
время и умереть по ним.

Бен Бакстер положил пилюли на язык. Две ми-  
нуты спустя он повалился на стол.

Его смерть ускорила пресловутый биржевой крах  
1959 года.

# Бесконечный Вестерн\*

Меня зовут Уошберн: просто Уошберн — для друзей, мистер Уошберн — для врагов и тех, кто со мной не знаком. В сущности, я уже сказал все, что хотел, дальше представляться нечего: вы видели меня тысячу раз (и на большом экране ближайшего телетеатра, и на маленьком экране платного телевизора в вашей квартире), как я еду верхом среди кактусов, мой знаменитый котелок надвинут на самые глаза, мой не менее знаменитый колт сорок четвертого калибра со стволом семь с половиной дюймов поблескивает за ремешком у правой ноги. Но в настоящий момент я еду в большом «кадиллаке» с кондиционером, сидя между своим менеджером Гордоном Симмсом и женой Консуэлой. Мы свернули с государственного шоссе 101 и теперь трясемся по разбитой грязной дороге, которая скоро упрется в пост Уэллс-Фарго — один из входов на Съемочную Площадку. Симмс захлебываясь говорит что-то и массирует мне основание шеи, словно я боксер, готовящийся выйти на ринг. В каком-то смысле так оно и есть. Консуэла молчит. Она еще плохо знает английский. Мы женаты меньше двух месяцев. Моя жена — прелестнейшее из существ, такое только можно вообразить, она же в прошлом Мисс Чили и в прошлом же героиня боевиков с гаучос,

---

\* Пер. изд.: Sheckley R. The Never-Ending Western Movie: The Robot Who Looked Like Me. Sphere Books Ltd., Lnd., 1978.

© "Science Fiction Discoveries", 1976.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

снятых в Буэнос-Айресе и Монтевидео. Сцена нашей поездки идет вне кадра. Этот кусок вам никогда не покажут: возвращение знаменитого стрелка, весь его путь из Бель-Эйра образца легкомысленно-нервозного 2031 года на Добрый Старый Запад середины тысяча восьмисотых годов.

Симмс тараторит о каких-то капиталовложениях, которые я — он на этом настаивает — будто бы должен сделать, о каких-то новых бурениях морского дна (это очередной Симмсов проект скорейшего обогащения — проект, потому что Симмс и так уже достаточно богат, а кто, скажите, не сколотил бы состояния, получая тридцать процентов со всех моих доходов? Да еще в течение всех десяти моих звездных лет?). Конечно, Симмс мне друг, но сейчас я не могу думать ни о каких инвестициях, потому что мы приближаемся к Площадке.

Консуэлу — она сидит справа от меня — бьет дрожь при виде знаменитого старого поста, иссеченного дождями и ветрами. Она так по-настоящему и не поняла еще, что такое Бесконечный Вестерн. У себя в Южной Америке они до сих пор снимают фильмы на старомодный манер: все отрежиссировано и все — фальши, и «пушки» палят только холостыми патронами. Консуэла не может понять, почему в самом популярном фильме Америки все должно быть взаправду, когда можно обойтись трюками и никто никого не убьет. Я пробовал объяснить ей суть, но на испанском это звучит как-то смешно.

Мой нынешний выход, к сожалению, не чета прежним: я прервал заслуженный отдых, чтобы сыграть всего лишь эпизодическую роль. Я заключил контракт «без убийств»: знаменитый стрелок появится в комедийном эпизоде со Стариной Джейффом Мэнглзом и Натчезом Паркером. Никакого сценария, конечно, нет: в Вестерне его и не бывает. В любой

ситуации мы сумеем сымпровизировать, — мы, актеры комедии дель арте Старого Запада. Консуэла совершенно этого не понимает. Она слышала о «контрактах на убийство», а контракт «без убийств» — это для нее нечто совсем уж новенькое.

Вот мы и приехали. Машина останавливается перед низким, некрашеным строением из сосновых досок. Все, что по сию сторону от поста, — это Америка двадцать первого века во всем блеске ее безотходного производства и утилизации вторсырья. По ту сторону строения раскинулся миллион акров прерий, гор, пустынь с тысячами скрытых камер и микрофонов — то, что и составляет Съемочную Площадку Бесконечного Вестерна.

Я уже одет, как полагается по роли: синие джинсы, рубашка в бело-синюю клетку, ботинки, котелок дерби, куртка из сырой кожи. Сбоку — револьвер весом три с четвертью фунта. По ту сторону строения, у коновязи, меня ожидает лошадь, все мое снаряжение уже упаковано в аккуратный выюк из походного одеяла, притороченный к седлу. Помощник режиссера осматривает меня и находит, что все в порядке: на мне нет ни наручных часов, ни прочих анахронизмов, которые бросились бы в глаза скрытым камерам.

— Отлично, мистер Уошберн, — говорит он. — Можете отправляться в любой момент, как только будете готовы.

Симмс в последний раз массирует мне спину, — мне, его надежде, его герою дня. Он возбужденно пританцовывает на цыпочках, он завидует мне, мечтает, чтобы это не я, а он сам ехал по пустыне — высокий неспешный человек с ленивыми манерами и молниеносной смертью, таящейся у правой руки. Впрочем, куда Симмсу: он низенького роста, толстый, уже почти совсем лысый. На роль он, конечно,

не годится — вот ему и приходится жить чужой жизнью. Я олицетворяю зрелость Симмса, мы вместе бесконечное число раз пробирались опасной тропой, наш верный «сорок четвертый» очистил округу от всех врагов, и мы взяли в свои руки высшую власть, — мы — это самый лучший, никем не превзойденный стрелок на всем Диком Западе, абсолютный чемпион по скоростному выхватыванию револьвера, человек, который наконец отошел от дел, когда все враги были либо мертвы, либо не смели поднять головы... Бедный Симмс, он всегда хотел, чтобы мы сыграли эту последнюю великую сцену — финальный грозный проход по какой-нибудь пыльной Главной улице. Он хотел, чтобы мы, неотразимые, шли, высоко подняв голову, расправив плечи — не за деньги, ибо заработали уже больше чем достаточно, а только ради славы, чтобы сошли со Сцены в сверкании револьверных вспышек, в наилучшей нашей форме, на вершине успеха. Я и сам мечтал об этом, но враги стали осторожнее, и последний год в Вестерне был для Уошбера совсем уже посмешищем: он разъезжал на лошади, зорко посматривая, что бы такое предпринять (шестизарядка всегда наготове!), однако не находилось никого, кто захотел бы испытать на нем свою реакцию. И взять даже нынешнюю эпизодическую роль... — для Симмса это издевательство над самими нашими устоями. Полагаю, для меня это не меньшее оскорблениe. (Трудно представить, где начинаюсь я и где кончается Симмс; трудно отдельить то, чего хочу я, от того, чего желает Симмс, и уж вовсе невозможно без страха смотреть в лицо фактам: нашим звездным годам в Вестерне приходит конец.)

Симмс правой рукой трясет мою кисть, левой крепко сдавливает мне плечо и не произносит ни слова — все в том мужественном стиле Вестерна,

который он усвоил, годами ассоциируя себя со мной, будучи мной. Консуэла страстно сжимает меня в объятиях, в ее глазах слезы, она целует меня, она говорит, чтобы я побыстрее возвращался. Ах эти потрясающие первые месяцы с новой женой! Они великолепны... — до той поры, пока не снизойдет вновь на душу скука давно знакомой быдленности! Консуэла у меня четвертая по счету. В своей жизни я исходил множество троп, в большинстве одних и тех же, и вот теперь режиссер снова осматривает меня, отыскивая мазки губной помады, кивает: «все в порядке!» — и я отворачиваюсь от Консуэлы и Симмса, салютую им двумя пальцами — мой знаменитый жест! — и еду по скрипучему настилу поста Уэллс-Фарго на ТУ сторону — в сияющий солнечный мир Бесконечного Вестерна.

Издалека камера берет одинокого всадника, который, словно муравей, ползет между искусно испещренных полосами стен каньона. Мы видим его в серии последовательных кадров на фоне разворачивающейся перед нами панорамы пустынного пейзажа. Вот он вечером готовит себе еду на маленьком костре, его силуэт четко вырисовывается на заднике пылающего неба, котелок дерби с небрежным изяществом сдвинут на затылок. Вот он спит, завернувшись в одеяло; угольки костра, угасая, превращаются в золу. Еще не рассвело, а всадник снова на ногах — варит кофе, готовясь к дневному переходу. Восход солнца застигает его уже верхом: он едет, прикрыв рукой глаза от слепящего света, сильно откинувшись назад, насколько позволяют свободные стремена, и предоставив лошади самой отыскивать дорогу на скалистых склонах.

Я одновременно и зритель, наблюдающий за собой как за актером со стороны, и актер, наблюдающий за собой — зрителем. Сбылась мечта детства:

играть роль и в то же время созерцать, как мы играем ее. Я знаю, что мы никогда не перестаем играть и равным образом никогда не перестаем наблюдать за собой в процессе игры. Это просто ирония судьбы, что те героические картины, которые вижу я, совпадают с теми, что видите и вы, сидя перед своими маленькими экранчиками.

Вот всадник взобрался на высокую седловину между двумя горами. Здесь холодно, дует горный ветер, воротник куртки наездника поднят, а котелок дерби привязан к голове ярким шерстяным шарфом. Глядя поверх плеча мужчины, мы видим далеко внизу поселок — совсем крохотный, затерянный в безмерности ландшафта. Мы провожаем глазами всадника: обругав уставшую лошадь последними словами, он начинает спуск к поселку.

Всадник в котелке дерби ведет в поводу лошадь по поселку Команч. Здесь только одна улица — Главная улица — с салуном, постоянным двором, платной конюшней, кузницей, лавкой; все старомодное и застывшее, как на дагерротипе времен Гражданской войны. Ветер пустыни постоянно дует над городком, и повсюду оседает тонкая пыль.

Всадника здесь знают. В толпе бездельников, собравшихся у лавки, слышны восклицания:

— Ого, это сам Уошберн!

Я одеревенелыми руками расседлываю лошадь у входа в конюшню — высокий, запыленный в дороге мужчина: пояс с кобурой опущен низко и висит свободно; потрескавшаяся, с роговыми накладками, рукоятка «пушки»зывающе торчит прямо под рукой. Я оборачиваюсь и потираю лицо — знаменитое, вытянутое, скорбное лицо: глубокая складка шрама, перерезавшего скулу, прищуренные немигающие серые глаза. Это лицо жесткого, опасного, непредсказуемого в действиях человека, и тем не ме-

нее он вызывает глубокую симпатию. Это я наблюдаю за вами, в то время как вы наблюдаете за мной.

Я выхожу из конюшни, и тут меня приветствует шериф Бен Уотсон — мой старый друг. Дочерна загоревшее лицо; длинные черные усы, подкрученные кверху; на жилете из гребенной шерсти тускло поблескивает жестяная звезда.

— Слышал, слышал, что ты в наших краях и можешь заскочить, — говорит он. — Слышал также, будто ты ненадолго уезжал в Калифорнию?

«Калифорния» — это наше специальное кодовое слово, обозначающее «отпуск», «отдых», «отставку».

— Так оно и есть, — говорю я. — Как здесь дела?

— Так себе, — отвечает Уотсон. — Не думаю, чтобы ты уже прослышил про Старину Джейффа Мэнгла.

Я жду. Шериф продолжает:

— Это стряслось только вчера. Старину Джейффа сбросила лошадь — там, в пустыне. Мы решили, что его коняга испугалась гремучки... Господь свидетель, я тысячу раз говорил ему, чтобы он продал эту здоровенную брыкаливую бельмастую скотину. Но ты же знаешь Старину Джейффа...

— Что с ним? — спрашиваю я.

— Ну, это... Я же сказал. Лошадь сбросила его и потащила. Когда Джимми Коннерс нашел его, он был уже мертв.

Долгое молчание. Я сдвигаю котелок на затылок. Наконец говорю:

— Ладно, Бен, что ты еще хочешь мне сказать?

Шерифу не по себе. Он дергается, переминаясь с ноги на погу. Я жду. Джейфф Мэнгл мертв; эпизод, который я нанялся играть, провален. Как теперь будут развиваться события?

— Ты, должно быть, хочешь пить, — говорит

Уотсон. — Что если мы опрокинем по кружечке пивка?..

— Сначала — новости.

— Ну что ж... Ты когда-нибудь слыхал о ковбое по имени Малыш Джо Поттер из Кастрольной Ручки \*?

Я отрицательно качаю головой.

— Не так давно его занесло каким-то ветром в наши края. Вместе с репутацией быстрого стрелка. Ты ничего не слышал о перестрелке в Туин-Пикс?

Как только шериф называет это место, я тут же вспоминаю, что кто-то говорил о чем-то подобном. Но в «Калифорнии» меня занимали дела совершенно иного рода, и мне было не до перестрелок — вплоть до сегодняшнего дня.

— Этот самый Малыш Джо Поттер, — продолжает Уотсон, — вышел один против четырех. Какой-то у них там возник диспут по поводу одной дамы. Говорят, это была та еще драка. В конечном счете Малыш Джо отправил всех четырех на тот свет, и слава его, естественно, только возросла.

— И что? — спрашиваю я.

— Ну, значит, прошло время, и вот Малыш Джо играет в покер с какими-то ребятами в заведении Ядозуба Бенда... — Уотсон замолкает, чувствуя себя очень неловко. — Знаешь что, Уошберн, может, тебе лучше обменяться с Чарли Гиббсом? Ведь он разговаривал с человеком, который сам присутствовал при той игре. Да, лучше всего — поговори прямо с Чарли. Пока, Уошберн. Увидимся...

Шериф уходит восвояси, следя неписаному закону Вестерна: сокращай диалоги до предела и давай другим актерам тоже принять участие в действии.

---

\* Кастрольная Ручка — пущливое название штата Западная Виргиния. — Прим. перев.

Я направляюсь к салуну. За мной следует какая-то личность — парнишка лет восемнадцати, от силы девятнадцати, долговязый, веснушчатый, в коротких, давно не по росту рабочих штанах и потрескавшихся ботинках. На боку у него «пушка». Чего он хочет от меня? Наверное, того же, что и все остальные.

Я вхожу в салун, мои шпоры гремят по дощатому полу. У стойки расположился Чарли Гиббс — толстый замызганный морщинистый мужичонка, вечно скалящий зубы. Он не вооружен, потому что Чарли Гиббс — комический персонаж, следовательно, он не убивает и его не убивают тоже. Чарли, помимо, прочего, — местный представитель Гильдии киноактеров.

Я покупаю ему спиртное и спрашиваю о знаменитой партии в покер с участием Малыша Джо Поттера.

— Я слышал об этом от Техасца Джима Клэра. Ты ведь помнишь Техасца Джима? Хороший малый, он работает ковбоем на ферме Дональдсона. Так вот, Уошберн, Техасец Джим затесался в эту покерную компанию вместо отлучившегося Ядовуба Бенда. Страсти начали накаляться. Вот, наконец, на столе — крупный банк, и Док Дэйли набавляет тысячу мексиканских долларов. Видать, Малышу Джо тоже очень нравились карты, что были у него на руках, но деньжат-то уже не осталось. Док высказывается в том смысле, что согласен взять и натурай, если только Малыш Джо выдумает кой-чего подходящее. Малыш Джо поразмыслил немного, а затем и говорит: «Сколько ты дашь за котелок мистера Уошберна?» Тут, конечно, все замолчали, потому что ведь к мистеру Уошберну никто так просто не подойдет и не стянет дерби, разве что прежде убьет человека, который под этим самым котелком. Но, с другой стороны, известно, что Малыш Джо не из

хвастливых, к тому же он грамотно распорядился собой во время той самой перестрелки с четырьмя ребятами. И вот Док обдумал все и говорит: «Идет, Джо. Я прощу тебе тысячу за котелок Уошберна, и я с радостью заплачу тебе еще тысячу за место в первом ряду, когда ты будешь этот котелок снимать». «Место в первом ряду получишь даром, — отвечает Малыш Джо, — но только в том случае, если я сейчас проиграю, а я вовсе не собираюсь этого делать». Ставки сделаны, и оба открывают карты. Четыре валета Дока бьют четверку восьмерок Малыша Джо. Малыш Джо встает со стула, потягивается и говорит: «Что ж, Док, похоже на то, что ты получишь-таки свое место в первом ряду».

Чарли опрокидывает стаканчик и впивается в меня светлыми злыми глазками. Я киваю, высасываю свое питье и выхожу на задний двор, направляясь к уборной.

Уборная служит нам закадровой площадкой. Мы заходим сюда, когда нужно поговорить о чем-то, что не связано с контекстом Вестерна. Спустя несколько минут сюда является Чарли Гиббс. Он включает замаскированный кондиционер, вытаскивает из-за балки пачку сигарет, закуривает, садится и устраивается поудобнее. В качестве представителя Гильдии киноактеров Чарли проводит здесь довольно много времени, выслушивая наши жалобы и горести. Это его контора, и он постарался обставить ее с максимально возможным комфортом.

— Я полагаю, ты хочешь знать, что происходит? — спрашивает Чарли.

— Черт побери, конечно! — завожусь я. — Что это за чушь, будто Джо Поттер собирается стянуть с меня котелок?

— Не горячись, — говорит Чарли, — все в порядке. Поттер — восходящая звезда. Раз уж Джейфф

Мэнглз убился, то совершенно естественно было схлестнуть Джо с тобой. Поттер согласился. Вчера запросили твоего агента, и он возобновил контракт. Ты получишь чертову прорву денег за этот эпизод со стрельбой.

— Симмс возобновил мой контракт? Не переговорив со мной?

— Тебя никак не могли найти. Симмс сказал, что с твоей стороны все будет в полном ажуре. Он сделал заявление газетам, что не раз обговаривал с тобой это дело и что ты всегда мечтал покинуть Вестерн с большим шумом, в наилучшей своей форме, затеяв последнюю грандиозную стрельбу. Он сказал, что ему не нужно даже обсуждать это с тобой, что вы с ним роднее братьев. Симмс сказал, мол, он очень рад, коль скоро выпадает такой шанс, и знает наверняка, что ты будешь рад тоже.

— Бог ты мой! Этот придурок Симмс!

— Он что, подложил тебе свинью? — спрашивает Чарли.

— Да нет, не совсем так. Даже совсем не так. Мы действительно много говорили о финальном шоу. И я на самом деле сказал как-то, что хочу сойти со сцены с большим...

— Но это были только разговоры? — перебивает Чарли.

— Не совсем...

Одно дело — рассуждать о перестрелке, когда ты уже в отставке и сидишь в полной безопасности у себя дома в Бель-Эйре; и совершенно другое, когда обнаруживаешь, что вовлечен в драку, будучи абсолютно к этому не готов.

— Симмс никакой свиньи не подкладывал. Но он втянул меня в историю, где я бы хотел решать сам за себя.

— Значит, ситуация такова, — говорит Чарли.—

Ты свалил дурака, когда трепал языком, будто мечтаешь о финальном поединке, а твой агент свалил дурака, приняв этот треп за чистую монету.

— Похоже, так.

— И что ты собираешься делать?

— Скажу тебе, — говорю я, — но только если у меня пойдет разговор со старым приятелем Чарли, а не с представителем Гильдии киноактеров Гиббсом.

— Заметано, — говорит Чарли.

— Я собираюсь расплеваться, — говорю я. — Мне тридцать семь, и я уже год как не баловался с «пушкой». К тому же у меня новая жена...

— Можешь не вдаваться в подробности, — перебивает Гиббс. — Жизнь прекрасна — короче не скажешь. Как друг, я тебя одобряю. Как представитель ГК, могу сказать, что гильдия тебя не поддержит, если ты вдруг разорвешь дорогостоящий контракт, заключенный твоим представителем по всем правилам. Если компания возбудит против тебя дело, ты останешься один-одинешенек.

— Лучше один-одинешенек, но живой, чем за компанию, но в могиле, — говорю я. — Этот Малыш Джо, — он что, силен?

— Силен. Но не так силен, как ты, Уопберн. Лучше тебя я никого не видел. Хочешь все-таки повстречаться с ним?

— Не-а. Просто спрашиваю.

— Вот и стой на своем, — говорит Чарли. — Как друг, я советую тебе сматывать удочки и уйти в кусты. Ты уже вытянул из Вестерна все, что только можно: ты кумир, ты богат, у тебя прелестная новая жена. Куда ни глянь, все-то у тебя есть. Так что ничего здесь ошибаться и ждать, пока придет кто-нибудь и все это у тебя отнимет.

— А я и не собираюсь ошибаться, — говорю.

И вдруг обнаруживаю, что рука уже сама собой тянется к «пушке».

Я возвращаюсь в салун. Сажусь в одиночестве за столик, передо мной — стаканчик виски, в зубах — тонкая черная мексиканская сигара. Надо обдумать ситуацию. Малыш Джо едет сюда с юга. Вероятно, он рассчитывает застать меня в Команче. Но я-то не рассчитывал здесь оставаться. Самое безопасное для меня — это отправиться назад той же дорогой, по которой я приехал, вернуться в Уэллс-Фарго и снова выйти в большой мир. Но так я тоже не хочу поступать. Я намерен покинуть Площадку через Бримстоун, что совсем в другом конце, в северо-восточном углу, и таким образом совершить прощальное турне по всей Территории. Пускай-ка они попробуют вычислить этот путь...

Внезапно длинная тень падает наискось через стол, чья-то фигура заслоняет свет. Еще не осознав, в чем дело, я скатываюсь со стула, «пушка» уже в руке, курок взведен, указательный палец напрягся на спусковом крючке. Тонкий испуганный мальчишеский голос:

— О! Простите меня, мистер Уошберн!

Это тот самый курносый веснушчатый парнишка, что раньше, как я заметил, следил за мной. Он завороженно уставился на дуло моей «пушки». Он безумно напуган. Впрочем, черт возьми, он и должен быть напуган, раз уж разбудил мою реакцию после целого года бездействия.

Большим пальцем я снимаю с боевого взвода курок моего «сорок четвертого». Я встаю в полный рост, отряхиваюсь, поднимаю стул и сажусь на него. Бармен по кличке Кудрявый приносит мне новую порцию виски.

Я говорю парнишке:

— Послушай, парень, ты не нашел ничего более подходящего, чем вот так вырастить позади человека? Ведь самой малости не хватило, чтобы я отпра-вил тебя к чертовой бабушке за здорово живешь.

— Извините, мистер Уошберн, — говорит он. — Я здесь новенький... Я не подумал... Я просто хотел сказать вам, как восхищаюсь вами...

Все правильно: это новичок. Видно, совсем еще свеженький выпускник Школы Мастерства Вестерна, которую все мы закапчиваем, прежде чем выходим на Площадку. Первые недели в Вестерне я и сам был таким же зеленым юнцом.

— Когда-нибудь, — говорит он, — я буду точно как вы. Я подумал, может, вы дадите мне несколько советов? У меня с собой старая «пушка»...

Парнишка выхватывает револьвер, и опять я реагирую прежде, чем успеваю осознать происходящее: выбиваю из его руки «пушку» и срубаю мальца с ног ударом кулака в ухо.

— Черт тебя подери! — кричу я. — У тебя что, совсем мозгов нет? Не смей вскакивать и выхватывать «пушку» так быстро, если не собираешься пустить ее в дело.

— Я только хотел показать... — говорит он, не поднимаясь с пола.

— Если ты хочешь, чтобы кто-нибудь взглянул на твою «пушку», — говорю я ему, — вынимай ее из кобуры медленно и легко, а пальцы держи снаружи от предохранительной скобы. И сначала объявляй, что ты собираешься делать.

— Мистер Уошберн, — говорит он, — не знаю, что и сказать.

— А ничего не говори, — отрезаю я. — Убирайся отсюда, и дело с концом. Сдается мне, от тебя только и жди несчастья. Валяй, показывай свою чертову «пушку» кому-нибудь другому.

— Может, мне показать ее Джо Поттеру? — спрашивает парнишка, поднимаясь с пола и отряхиваясь.

Он смотрит на меня. О Поттере я не сказал еще ни слова. Он судорожно сглатывает, понимая, что снова сел в лужу.

Я медленно встаю.

— Изволь объяснить, что ты хочешь сказать.

— Я ничего не хочу сказать.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно уверен, мистер Уошберн. Простите меня!

— Пошел вон, — говорю я, и парнишка живо сматывается.

Я подхожу к стойке. Кудрявый вытаскивает бутылку виски, но я отмахиваюсь, и он ставит передо мной пиво.

— Кудрявый, — говорю я, — молодость есть молодость, и здесь винить некого. Но неужели нельзя ничего придумать, чтобы они хоть чуть-чуть поумнели?

— Думаю, что нет, мистер Уошберн, — отвечает Кудрявый.

Какое-то время мы помалкиваем. Затем Кудрявый говорит:

— Натчез Паркер прислал известие, что хочет видеть тебя.

— Понятно, — говорю я.

Наплыв: ранчо на краю пустыни. В отдельно стоящей кухоньке повар-китаец точит ножи. Один из работников, старина Фаррел, сидит на ящике и чистит картошку. Он поет за работой, склонившись над кучей очисток. У него длинное лошадиное лицо. Повар, о котором он и думать забыл, высовывается из окна и говорит:

— Кто-то едет.

Старина Фаррел поднимается с места, приглядывается, яростно чешет в конце волос, снова прищуривает глаза.

— Эх, нехристь ты, нехристь, китаеза. Это пе просто кто-то, это как пить дать мистер Уошберн, или я — не я и зеленые яблочки — не творение господне.

Старина Фаррел поднимается, подходит к фасаду главной усадьбы и кричит:

— Эй, мистер Паркер! К нам едет мистер Уошберн!

Уошберн и Паркер сидят вдвоем за маленьким деревянным столиком в гостиной Натчеза Паркера. Перед ними — кружки с дымящимся кофе. Паркер — крупный усатый мужчина — сидит на деревянном стуле с прямой спинкой, его высохшие ноги укутаны индейским одеялом. Ниже пояса он парализован: в давние времена пуля раздробила позвоночник.

— Ну что же, Уошберн, — говорит Паркер, — я, как и все мы на Территории, наслышан об этой твоей истории с Малышом Джо Поттером. Жутко представить, что за встреча у вас выйдет. Хотелось бы на нее посмотреть со стороны.

— Я и сам пе прочь посмотреть на нее со стороны, — говорю я.

— И где же вы намерены повстречаться?

— Полагаю, в аду.

Паркер подается вперед:

— Что это значит?

— Это значит, что я не собираюсь встречаться с Малышом Джо. Я направляюсь в Бrimстоун, а оттуда — все прямо и прямо, подальше от Малыша Джо и всего вашего чертова Дикого Запада.

Паркер подается вперед и зверски дерет пальцами свои седые лохмы. Его большое лицо собирается

в складки, словно он впился зубами в гнилое яблоко.

— Удираешь? — спрашивает он.

— Удираю, — говорю я.

Старик морщится, отхаркивается и сплевывает на пол.

— Изо всех людей, способных на такое, меньшее всего я ожидал услышать это от тебя. Никогда не думал, что увижу, как ты попираешь ценности, во имя которых всегда жил.

— Натчез, они никогда не были моими ценностями. Они достались мне готовенькими, вместе с ролью. Теперь я завязал с ролью и готов вернуть ценности.

Старик какое-то время переваривал все это. Затем заговорил:

— Что с тобой творится, дьявол тебя забери?! Ты что, в одночасье уразумел, что нахапал уже достаточно? Или просто струсил?

— Называй, как хочешь, — говорю. — Я заехал, чтобы известить тебя. У меня перед тобой должок.

— Ну не прелест ли он?! — скалится Паркер. — Он мне кое-что должен, и это не дает ему покоя, поэтому он считает, что обязан как меньшее из зол заехать ко мне и сообщить, что удирает от какого-то наглого юнца с «пушкой», у которого за плечами всего одна удачная драка.

— Не перегибай!

— Послушай, Том... — говорит он.

Я поднимаю глаза. Паркер — единственный человек на всей Территории, который порой называет меня по имени. Но делает это очень не часто.

— Смотри сюда, — говорит он. — Я не любитель цветистых речей. Но ты не можешь просто взять и удрать, Том. Какие бы причины ни были, подумай

прежде о самом себе. Неважно где, неважно как, но ты должен жить в ладу с собой.

— Уж с этим-то у меня будет порядок, — говорю я.

Паркер трясет головой.

— Да провались все к чертам! Ты хоть представляешь, для чего вообще существует вся эта штука? Да, они заставляют нас надевать маскарадные костюмы и разгуливать с важным видом, как если бы нам принадлежал весь этот чертов мир. Но они и платят нам огромные деньги — только для того, чтобы мы были мужчинами. Более того, есть еще высшая цена. Мы должны оставаться мужчинами. Не тогда, когда это проще простого, например в самом начале карьеры. Мы должны оставаться мужчинами до конца, каким бы этот конец ни был. Мы не просто играем роли, Том. Мы живем в них, мы ставим на кон наши жизни, мы сами и есть эти роли, Том. Боже, да ведь любой может одеться ковбоем и прошвырнуться с важным видом по Главной улице. Но не каждый способен нацепить «пушку» и пустить ее в дело.

— Побереги свое красноречие, Паркер, — говорю я. — Ты профессионален через край и поэтому данную сцену провалил. Входи снова в роль и продолжим эпизод.

— Черт! — говорит Паркер. — Я гроша ломаного не дам ни за эпизод, ни за Вестерн, и вообще! Я сейчас говорю только с тобой, Том Уошберн. С тех самых пор, как ты пришел па Территорию, мы были с тобой как родные братья. А ведь тогда, в начале, ты был всего лишь напуганным до дрожи в коленках мальчишкой, и завоевал ты себе место под солнцем только потому, что показал характер. И сейчас я не позволю тебе удирать.

— Я допиваю кофе, — говорю я, — и еду дальше.

Внезапно Натчез изворачивается на стуле, захватывает в горсть мою рубашку и притягивает меня к себе, так что наши лица почти соприкасаются. В его другой руке я вижу нож.

— Вытаскивай свой нож, Том. Скорее я убью тебя собственной рукой, чем позволю уехать трусом.

Лицо Паркера совсем близко от меня, его взгляд свирепеет, он обдаёт меня кислым перегаром. Я упираюсь левой ногой в пол, ставлю правую ногу на край паркетного стула и с силой толкаю. Стул Паркера опрокидывается, старик грохается на пол, и по выражению его лица я вижу, что он растерян. Я выхватываю «пушку» и целюсь ему между глаз.

— Боже, Том! — бормочет он.

Я взвожу курок.

— Старый безмозглый ублюдок! — кричу я. — Ты что думаешь, мы в игрушки играем? С тех пор как пуля перебила тебе спину, ты стал малость неуклюж, зато многоречив. Ты думаешь, что есть какие-то особые правила и что только ты все о них знаешь? Но правил-то никаких нет! Не учи меня жить, и я не буду учить тебя. Ты старый калека, но если ты полезешь на меня, я буду драться по моим законам, а не по твоим и постараюсь уложить тебя на месте любым доступным мне способом.

Я ослабляю нажим на спусковой крючок. Глаза старого Паркера вылезают из орбит, рот начинает мелко подрагивать, он пытается сдержать себя, но не может. Он визжит — не громко, но высоко-высоко, как перепуганная девчонка.

Большим пальцем я снимаю курок со взвода и убираю «пушку».

— Ладно, — говорю я, — может, теперь ты очнешься и вспомнишь, как оно бывает в жизни на самом деле.

Я приподнимаю Паркера и подсовываю под него стул.

— Прости, что пришлось так поступить, Натчез.

У двери я оборачиваюсь. Паркер ухмыляется мне вслед:

— Рад видеть, что тебе полегчало, Том. Мне следовало бы помнить, что у тебя тоже есть нервы. У все хороших ребят, бывает, шалят нервишки. Но в драке ты будешь прекрасен.

— Старый идиот! Не будет никакой драки!  
Я ведь сказал тебе: я уезжаю насовсем.

— Удачи, Том. Задай им жару!

— Идиот!

Я уехал...

Всадник переваливает через высокий гребень горы и предоставляет лошади самой отыскивать спуск к распростершейся у подножия пустыне. Слышится мягкий посвист ветра, сверкают на солнце блестки слюды, песок змеится длинными колеблющимися полосами.

Полуденное солнце обрывает свой путь вверх и начинает спускаться. Всадник проезжает между гигантскими скальными формациями, которым резчик-ветер придал причудливые очертания. Когда темнеет, всадник расседливает лошадь и внимательно осматривает ее копыта. Он фальшиво что-то наспистывает, наливает воду из походной фляги в свой котелок, поит лошадь, затем глубже нахлобучивает шляпу и не торопясь пьет сам. Он стреноживает лошадь и разбивает в пустыне привал. Потом садится у костерка и наблюдает, как опускается за горизонт распухшее пустынное солнце. Это высокий худой человек в потрепанном котелке дерби, к его правой ноге прихвачен ремешком «сорок четвертый» с роговой рукояткой.

Бримстоун: заброшенный рудничный поселок на северо-восточной окраине Территории. За городком вздымается созданное природой причудливое скальное образование, его именуют здесь Дьявольским Большаком. Это широкий, полого спускающийся скальный мост. Дальний конец его, не видимый из поселка, прочно упирается в землю уже за пределами Площадки — в двухстах ярдах и полутора сотнях лет отсюда.

Я въезжаю в городок. Моя лошадь прихрамывает. Вокруг не так много людей, и я сразу замечаю знакомое лицо: черт, это тот самый веснушчатый парнишка. Он, должно быть, очень спешил, раз попал сюда раньше меня. Я проезжаю мимо, не произнося ни слова.

Какое-то время я сижу в седле и любуюсь Дьявольским Большаком. Еще пять минут езды, и я навсегда покину Дикий Запад, покончу со всем этим — с радостями и неудачами, со страхом и весельем, с долгими тягучими днями и унылыми ночами, исполненными риска. Через несколько часов я буду с Консуэлой, я буду читать газеты и смотреть телевизор...

Все, сейчас я пропущу стаканчик местной сивухи, а затем — улепетываю...

Я осаживаю лошадь возле салуна. Народу на улице немного прибавилось, все наблюдают за мной. Я вхожу в салун.

У стойки там всего один человек. Это невысокий коренастый мужчина в черном кожаном жилете и черной шляпе из бизоньей кожи. Он оборачивается. За высокий пояс заткнута «пушка» без кобуры. Я никогда его прежде не видел, но знаю, кто это.

— Привет, мистер Уошбери, — говорит он.

— Привет, Малыш Джо, — отвечаю я.

Он вопросительно поднимает бутылку. Я киваю. Он перегибается через стойку, отыскивает еще один стакан и наполняет его для меня. Мы мирно потягиваем виски.

Спустя время я говорю:

— Надеюсь, вы не очень затруднили себя поисками моей персоны?

— Не очень, — говорит Малыш Джо. Он старше, чем я предполагал. Ему около тридцати. У него грубые, рельефные черты лица, сильно выдающиеся скулы, длинные черные подкрученные кверху усы. Он потягивает спиртное, затем обращается ко мне очень кротким тоном:

— Мистер Уошберн, до меня дошел слух, которому я не смею верить. Слух, будто вы покидаете эту Территорию вроде как в большой спешке.

— Верно, — говорю я.

— Согласно тому же слуху, вы не предполагали задерживаться здесь даже на такую малость, чтобы обменяться со мной приветствиями.

— И это верно, Малыш Джо. Я не рассчитывал уделять вам свое время. Как бы то ни было, но вы уже здесь.

— Да, я уже здесь, — говорит Малыш Джо. Он оттягивает книзу кончики усов и сильно дергает себя за нос. — Откровенно говоря, мистер Уошберн, я просто не могу поверить, что в ваши намерения не входит сплясать со мной веселый танец. Я слишком много о вас знаю, мистер Уошберн, и я просто не могу поверить этому.

— Лучше все-таки поверьте, Джо, — говорю я ему. — Я допиваю этот стакан, затем выхожу вот через эту дверь, сажусь на свою лошадь и еду на ту сторону Дьявольского Большака.

Малыш Джо дергает себя за нос, хмурит брови и сдвигает шляпу на затылок.

- Никогда не думал, что услышу такое.
- А я никогда не думал, что скажу такое.
- Вы на самом деле не хотите выйти против меня?

Я допиваю и ставлю стакан на стойку.

— Берегите себя, Малыш Джо.

И двигаюсь по направлению к двери.

— Тогда — последнее, — говорит Малыш Джо.

Я поворачиваюсь. Малыш Джо стоит поодаль от стойки, обе руки его хорошо видны.

— Я не могу принудить вас к перестрелке, мистер Уишберн. Но я тут заключил маленькое пари касательно вашего котелка.

— Слышал о таком.

— Так что... хотя это огорчает меня намного сильнее, чем вы можете себе представить... я вынужден буду забрать его.

Я стою лицом к Джо и ничего не отвечаю.

— Послушайте, Уишберн, — говорит Малыш Джо, — нет никакого смысла вот так стоять и сверлить меня взглядом. Отдавайте шляпу или начнем наши игры.

Я сплюмаю котелок, расплющаю его о локоть и пускаю блином в сторону Джо. Он поднимает дерби, не отрывая от меня глаз.

— Вот те па! — говорит он.

— Берегите себя, Малыш Джо.

Я выхожу из салуна.

Напротив салуна собралась толпа. Она ждет. Люди посматривают на двери, разговаривая приглушенными голосами. Двери салуна распахиваются, и на улицу выходит высокий худой человек с непокрытой головой. У него намечается лысина. К его правой ноге ремешком прихвачен «сорок четвертый», и по-

хоже на то, что человек знает, как пускать его в дело. Но суть в том, что в дело он его не пустил.

Под внимательными взглядами толпы Уошберн отвязывает лошадь, вскакивает в седло и шагом пускает ее в сторону моста.

Двери салуна снова распахиваются. Выходит невысокий, коренастый, с суровым лицом человек, в руках он держит измятый котелок. Он наблюдает, как всадник уезжает прочь.

Уошберн пришпоривает лошадь, та медлит в нерешительности, но наконец начинает взбираться па мост. Ее приходится постоянно понукать, чтобы она поднималась все выше и выше, отыскивая дорогу на усыпанном голышами склоне. На середине моста Уошберн останавливает лошадь, точнее, дает ей возможность остановиться. Он сейчас на высшей точке каменного моста, на вершине дуги, он замер, оседлав стык между двумя мирами, но не смотрит ни на один из них. Он поднимает руку, чтобы одернуть поля шляпы, и с легким удивлением обнаруживает, что голова его обнажена. Он лениво почесывает лоб — человек, в распоряжении которого все время мира. Затем он поворачивает лошадь и начинает спускаться туда, откуда поднялся, — к Бримстоуну.

Толпа наблюдает, как приближается Уошберн. Она неподвижна, молчалива. Затем, сообразив, что сейчас должно произойти, все бросаются врассыпную, ищут убежища за фургонами, ныряют за корыта с водой, съеживаются за мешками с зерном.

Только Малыш Джо Поттер остается на пыльной улице. Он наблюдает, как Уошберн спешивается, отгоняет лошадь с линии огня и медленно направляется к нему навстречу.

— Эй, Уошберн! — выкрикивает Малыш Джо. — Вернулся за шляпой?

Уошберн ухмыляется и качает головой.

— Нет, Малыш Джо. Я вернулся, чтобы сплясать с тобой веселый танец.

Оба смеются, это очень смешная шутка. Внезапно мужчины выхватывают револьверы. Гулкий лай «сорок четвертых» разносится по городу. Дым и пыль застилают стрелков.

Дым рассеивается. Мужчины по-прежнему стоят. Револьвер Малыша Джо направлен дулом вниз. Малыш Джо пытается крутануть его на пальце и видит, как он выпадает из руки. Затем валится в пыль.

Уошберн засовывает свою «пушку» за ремешок, подходит к Малышу Джо, опускается на колени и приподнимает его голову над грязью.

— Черт! — говорит Малыш Джо. — Это был вроде короткий танец, а, Уошберн?

— Слишком короткий, — говорит Уошберн. — Прости, Джо...

Но Малыш Джо не слышит этих слов. Его взгляд потерял осмысленность, глаза остекленели, тело обмякло. Кровь сочится из двух дырочек в груди, кровь смачивает пыль, струясь из двух больших выходных отверстий в спине.

Уошберн поднимается на ноги, отыскивает в пыли свой котелок, отряхивает его, надевает на голову. Он подходит к лошади. Люди снова выбираются на улицу, слышатся голоса. Уошберн всовывает ногу в стремя и собирается вскочить в седло.

В этот момент дрожащий тонкий голос выкрикивает:

— Отлично, Уошберн, огонь!

С искаженным лицом Уошберн пытается извернуться, пытается освободить стрелковую руку, пы-

тается волчком отскочить с линии огня. Даже в этой судорожной, невероятной позе он умудряется выхватить свой «сорок четвертый» и, крутанувшись на месте, видит в десяти ярдах от себя веснушчатого парнишку: его «пушка» уже выхвачена, он уже прицелился, уже стреляет...

Солнце взрывается в голове Уошберна, он слышит пронзительное ржание лошади, он проламывается сквозь все пыльные этажи мира, валится, а пули с глухим звуком входят в него, — с таким звуком, как если бы большим мясницким ножом плашмя шлепали по говяжьей туше. Мир разваливается на куски, кино-машинка разбита, глаза — две расколотые линзы, в которых отражается внезапное крушение вселенной. Финальным сигналом вспыхивает красный свет, и мир проваливается в черноту.

Телезритель — он и публика, он же и актер — какое-то время еще тупо смотрит на потемневший экран, потом начинает ерзать в мягким кресле и потирать подбородок. Ему, похоже, немного не по себе. Наконец он справляется с собой, громко рыгает, протягивает руку и выключает экран.

# Предварительный просмотр\*

В одно прекрасное сентябрьское утро Питер Гонориус, разбирая почту, обнаружил директиву местного Отдела родственных уз, безоговорочно требовавшую, чтобы он женился до 1 октября. В противном случае он-де проявит неуважение к государственной и местной Инструкциям по моногамии и понесет наказание вплоть до заключения в Лунавилле сроком от одного до пяти лет.

Гонориус пришел в ужас: в августе он заполнил формуляр на Продление статуса, который к сегодняшнему дню должны были уже рассмотреть в установленном порядке. Это дало бы ему шесть дополнительных месяцев для селекции невесты. Теперь же у него оставались жалкие две недели на то, чтобы либо подчиниться директиве, либо погасить все огни и отчалить в Мексику. А уж в 2038 году это было не самой желанной альтернативой.

Проклятье!

В тот же день за завтраком Гонориус обсудил ситуацию со своим старинным другом графом Унгерфьордом.

— Черт побери, это несправедливо с их стороны! — заявил Гонориус. — Кто-то там, в верхах, преследует меня. Но за что? Я не бунтовщик какой-ни-

---

\* Пер. изд.: Sheckley R. *Sneak Previews: The Robot Who Looked Like Me*. Sphere Books Ltd., Lnd., 1978.

© "Penthouse", 1977.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

будь. Я не хуже других знаю, что брак — это непременная сделка между индивидом и обществом, фундамент, на котором покоится государственная безопасность. Дьявол, да я даже хочу жениться! Я просто еще не подобрал себе пару.

— Может быть, ты излишне суетлив? — предположил Унгерфьорд. Он был женат уже почти месяц. Взаимоотношения полов не представляли для него проблемы.

Гонориус покачал головой.

— Сейчас я готов на все, лишь бы не допустить несчастья. Вся беда в том, что, несмотря на компьютеризованную картотеку и ультрасовременную технологию электронного сватовства, никогда заранее не скажешь, ту женщину ты выбрал или нет. А когда поймешь на собственной шкуре, уже слишком поздно что-либо менять.

— Да, — самодовольно согласился Унгерфьорд, — именно в такой ситуации как раз и оказывается большинство.

— Неужели нет исключений?

— Собственно говоря, существует один способ избавиться от неуверенности. Я сам воспользовался им. Именно так я нашел Джейни. Я не упоминал о нем ранее, потому что, как мне известно, ты не очень-то склонен нарушать закон.

— Разумеется, я стараюсь вести высоконравственный образ жизни, — сказал Гонориус. — Но ведь дело-то действительно очень серьезное, и я готов проявить гибкость. Кого я должен убить?

— Так далеко мы еще не зашли, — успокоил Унгерфьорд. Он нацарапал на бумаге несколько строчек. — Отправляйся-ка вот по этому адресу и поговори с мистером Фьюлером. Он возглавляет Тайную компьютерную службу. Скажи ему, что тебя послал я.

Во времена, к которым относятся наши события, Тайная компьютерная служба размещалась в нескольких пыльных конторских помещениях в запустевшем районе Линкольновского центра, где скрывалась под вывеской «Оптовая торговая б/у матчастью и матобеспечением». Секретарша Фьюлера, миловидная энергичная молодая женщина по имени Дина Гребс, провела Гонориуса в кабинет шефа. Фьюлер оказался низкорослым, пухленьким, лысеющим, дружелюбным, краснощеким человечком с умными карими глазами и обезоруживающими манерами. Он сделал свой кабинет под гостиную в английском стиле, но добился лишь того, что комната стала походить на уголок мебельного магазина.

— Вы обратились как раз туда, куда нужно, — заверил Фьюлер, едва познакомившись с ситуацией. — Государство требует, чтобы мы сочетались браком ради стабильности общества. Общеизвестно, что большинство недовольных, бунтовщиков, психопатов, растлителей малолетних, поджигателей, социал-реформистов, анархистов и тому подобных личностей — это одинокие, неженатые типы, которым нечем заняться и которые способны лишь заботиться о собственной персоне и замышлять свержение существующего строя. Таким образом, бракосочетание есть обязательный акт лояльности по отношению к правительству. И разумеется, никто не будет оспаривать ни этот, ни любой другой вывод Национальной палаты матерей. Все мы признаем необходимость брака. В качестве единственного условия мы выдвигаем лишь то, чтобы он был надежным или по крайней мере терпимым, поскольку такое положение дел лучше удовлетворяет нуждам как индивидуума, так и государства.

— Да! — сказал Гонориус. — Именно поэтому я и пришел к вам. Какие у вас есть практические...

Но Фьюлера не так-то просто было лишить слова.

— Что нам необходимо — так это научные методы освобождения брака от фактора неопределенности. Компьютеризированного сватовства недостаточно: нам нужен способ, который позволил бы взглянуть на фактический итог предполагаемого брака, и только после этого мы могли бы решать, вступать нам в брак или нет. Мы должны видеть, как эта штука работает, прежде чем заводить музыку в доме на шестьдесят или семьдесят лет.

— Если бы! — сказал Гонориус. — Но это невозможно. Или у вас, по счастью, имеется на примете талантливая цыганка с исправным хрустальным шаром?

— Выход есть! — сказал Фьюлер улыбаясь.

— Что, кто-нибудь изобрел машину времени?

— Да, только вы знаете ее под другим именем. Она называется «Синтезатор и имитатор политических факторов».

— Я слышал о нем, — сказал Гонориус. — Это тот самый сверхкомпьютер, спрятанный под горой в Северной Дакоте, который вечно высчитывает, что именно одна данная страна собирается сотворить с какой-нибудь другой данной страной. Но я не понимаю, что этот компьютер сможет сказать о моей будущей жене, если только она не окажется генералом или кем-нибудь еще в этом роде.

— Вдумайтесь, мистер Гонориус! Есть машина, созданная специально для того, чтобы предсказывать и имитировать взаимодействия между различными группами и подгруппами людей. А что если мы используем ее в целях предсказания и имитации возможных взаимодействий двух индивидуумов?

— Это было бы великолепно, — сказал Гонори-

ус. — Но СИПФ охраняется тщательнее, чем Форт-Нокс\*.

— Мой мальчик, караулить золото просто, намного сложнее таить информацию, даже если сверху взгромоздить гору! В руках и продажных операторов и операторов-идеалистов уже сам канал ввода данных — канал, от которого зависит информационное питание имитатора, — может вдруг превратиться в канал вывода данных. Я, конечно, ни словом не намекну, как осуществляется программирование: у нас свои методы. Я только скажу, что имитатор может выстроить картину вашего возможного будущего брака с любой женщицой, какую ни пожелаете, и сымитировать конечный результат только для вас одного.

— Не пойму, как вы подберетесь к имитатору ближе чем на десять миль.

— А нам и не нужно подбираться. Мы завладели терминалом.

Гонориус тихонько присвистнул, переводя дыхание. Он был в восхищении от хладнокровной наглости этого славного человечка.

— Мистер Фьюлер, когда я могу начать?

Вопрос о гонораре был быстро уложен, и Фьюлер сверился с расписанием.

— Поскольку ваше дело не терпит отлагательств, я могу выделить для вас десять минут машинного времени послезавтра. Приходите сюда в полдень, мисс Гребс проводит вас к терминалу и проинструктирует, что нужно делать. Не забудьте принести с собой карточки данных на вас и на ваших предполагаемых жен!

---

\* Хранилище золотого запаса США. — Прим. перев.

К условленному часу Гонориус все обстоятельно подготовил. В конвертике он принес карточки данных на пятнадцать кандидаток. Этих особ рекомендовала ему Служба компьютеризированного сватовства — первоклассное агентство с Мэдисон-авеню\*, сотрудники которого любовно отобрали пятнадцать претенденток из Национального объединенного резерва одиноких женщин Америки (НОРОЖА), основываясь на их ответах на 1006 тщательно составленных вопросов. Эти женщины были известны Гонориусу только по номерам: анонимность сохранялась вплоть до того момента, когда жених получал официальное разрешение на моногамный брак. Все эти женщины добровольно избрали статус «мгновенной доступности»: единственное, что требовалось от Гонориуса, — это засвидетельствовать свою готовность жениться на любой из них. (Из карточки данных Гонориуса явствовало помимо прочего, что он высокого роста, с пышной шевелюрой, привлекателен, имеет ровный характер, добр к детям и мелким животным, зарабатывает тридцать пять тысяч долларов в год, будучи самым молодым президентом фирмы «Глип электроникс» за всю ее историю, и перед ним открыты поистине неограниченные перспективы. Большинство кандидаток мечтали урвать жениха именно с такой спецификацией; Гонориус являл собой пример добрачного заблуждения, впасть в которое жаждали многие женщины.)

Мисс Гребс привела Гонориуса на старую автомобильную стоянку на Декальб-авеню. Терминал компьютера был спрятан там в кузове мебельного фургона. Два техника, переодетые бродягами, ввели Гонориуса в затемненную клетушку внутри фурго-

\* Мэдисон-авеню — улица в Нью-Йорке, где располагаются самые дорогие рекламные агентства. — Прим. перев.

на, где мягко, словно бы разговаривая сам с собой, гудел терминал. Техники усадили Питера в большое командное кресло и укрепили у него на лбу и запястьях психометаллические электроды.

Мисс Гребс взяла карточки.

— Сегодня у вас хватит времени только на одну из них, — сказала она. — Перед вами пройдут события пяти лет жизни, но они будут спрессованы в десять минут реального времени, так что держитесь! С какой карточки начнем?

— Неважно, — сказал Гонориус. — Они все похожи. Я имею в виду карточки. Начните с верхней.

Мисс Гребс ввела карточку в терминал. Аппарат нежно заурчал, и Гонориус ощутил покалывание на дне глазных яблок. Мир вокруг затуманился. Когда в глазах прояснилось, он увидел себя со стороны и рядом с собой — прелестную миниатюрную девушку с длинными черными волосами.

Это была Мисс 1734-АВ-2103Ц.

Информация подавалась в форме сериала из отдельных кадров и монтажных кусков. Он увидел себя и 1734-ю за обедом в затейливом итальянском ресторанчике, а затем Опи прогуливались рука об руку по Бликер-стрит. Вот Они на Вашингтон-сквер у фонтана. Она играет на гитаре и поет народную песню. Как Она была прелестна! И как же Они были счастливы! Вот Они лежат рядышком перед крохотным камином в небольшой квартирке на Гей-стрит. Ее волосы уже расчесаны на прямой пробор. Вот Она в солнцезащитных очках читает сценарий: Она собиралась сниматься в кино! Но из этого ничего не вышло, и в следующем эпизоде Они уже живут в сногшибательной квартире в Саттон-Плейсе, и Она угремо жарит Ему на обед рубленые бифштексы. (Они поссорились: между Ними царило молчание — Он читал свой «Уолл-стрит джорнэл», а

Она листала книги по астрологии.) А вот Они живут в Коннектикуте в прекрасном старом доме, окруженном щербатым забором из врытых в землю рельсов; большую солнечную детскую Они превратили в кладовку. Той зимой Он много катался на лыжах в одиночку, а Она изучала тантры в кружке буддистов в Мэриленде. Когда Она вернулась, у Нее была уже короткая стрижка и Она умела бесконечно долго сидеть в безупречной позе лотоса. Ее немигающие глаза смотрели сквозь Него, и Она теперь считала, что плотская любовь — нежелательный отвлекающий момент при увлечении мандалической созерцательностью. Годом позже Они уже не жили вместе. Она удалилась в буддийскую общину близ Скенектади, а Он нашел себе девушку в Братлборо.

На этом с Мисс 1734 было покончено. Следующий сеанс имитатора должен был состояться через три дня.

Вторая кандидатка, Мисс 3543, была высокой, стройной, веселой девушкой с рыжеватыми волосами и очаровательной россыпью веснушек на переносице. Они с Гонориусом обзавелись хозяйством в Малибу, где Она каждый день играла в теннис и читала журналы по украшению интерьера. Как же Она была прекрасна, когда подавала ему салат «Уолдорф» возле жаровни с раскаленными углями. Они жарили мясо на решетке, а у ног Его резвился кокер-спаниель! Потом Они оказались уже в Париже — спаниель превратился в таксу с тоскливыми глазами, а Она до полусмерти напилась на Монпарнасе и кричала Ему что-то очень оскорбительное. Потом были подобные сцены в Риме, Виллафранке, на Ивисе. Теперь Она пила не переставая, и Они вроде взяли на воспитание ребенка, но зато лишились таксы, а потом у Них был уже другой ребенок и две кошки, а затем

Они наняли экономку, чтобы та управлялась со всем этим хозяйством, пока 3543-я лечилась от алкоголизма в одной очень хорошей клинике на озере Грисон. И вот Они в Лондоне. Она теперь неизменно трезва. Это высокая, тощая, серьезная женщина, у которой очень забавная манера складывать губки, когда Она раздает брошюрки по сциентологии на Трафальгарской площади. Этими брошюрками и закончились пять лет жизни с Мисс 3543.

Все, что Гонориус мог припомнить о третьей кандидатке, укладывалось в образ очаровательной застенчивой девушки, которая скрашивала долгие сумеречные вечера в Истгемптоне своим прелестным, исполненным эротики молчанием. Спустя два года в номере-люкс отеля «Скотовод» в Талсе Он уже вопил на Нее: «Ну, скажи хоть что-нибудь, манекен! Хоть что-нибудь! Христом богом прошу, говори!» Кандидатка номер четыре к двадцати семи годам обнаружила в себе скрытый талант и стала звездой скоростного бега на роликовых коньках. Номер пять была особой с суицидальными наклонностями. Впрочем, Она так никогда и не собралась осуществить задуманное. Или то была номер шесть?

К 29 сентября, просмотрев четырнадцать вариантов потенциальной брачной жизни, Гонориус встревожился и впал в уныние. Он отправился на последний сеанс в состоянии тяжкой подавленности, почти примирившись с мыслью заключить брачный союз с номером одиннадцать: Вечное Хихиканье плюс Два Брата-Тупицы. По крайней мере это был не самый гибельный вариант.

По соображениям безопасности терминал перевели с автомобильной стоянки на Декальб-авеню в ванную комнату в конце того же коридора, куда вы-

ходили и двери конторы Фьюлера. Гонориус подключился и увидел, как Он гуляет по пляжу острова Мартас-Винъярд вместе с 6903-й, миловидной девушкой с каштановыми волосами, которая напоминала ему кого-то из прежней жизни. Вот Они прогуливаются по мосту Джорджа Вашингтона, счастливые, полные неведения о том, что уготовано им впереди. Вот Они едят козий сыр и пьют вино на известняковой скале, выдающейся далеко в Эгейское море. Вот Они посреди обширной каменистой равнины, у горизонта вздымаются горы, увенчанные белыми шапками. Тибет? Перу? А вот Майами: на Ней — Его непромокаемый плащ, и Они бегут смеясь под дождем. А потом Они оказались уже вовсе непонятно где, в каком-то маленьком белом домике, и видно было, что Они очень любят друг друга, и Он ходил взад-вперед по гостиной, баюкая на руках ребенка, мающегося животиком. На этом пятилетний период закончился.

Гонориус сразу же помчался в контору Фьюлера.

— Фьюлер! — закричал он. — Наконец-то я нашел Ее! По-моему, я без памяти влюбился в 6903-ю!

— Поздравляю, мой мальчик, — сказал Фьюлер. — А то я уже начал было беспокоиться. Когда ты хочешь заключить Моногамное соглашение?

— Немедленно! — заявил Гонориус. — Включите Машину государственного архива! 6903 — очень симпатичный номер, не правда ли? Хотел бы я знать, как ее зовут.

— Я выясню это сию же минуту, — сказал Фьюлер. — Ты же знаешь, у нас тут Тайная компьютерная служба. Сейчас мы наберем этот номер и введем его в процессор... Так, это мисс Дина Грэбс, проживающая по адресу: 4885 Рейлроуд-стрит. Флашинг, Куинс, Лонг-Айленд, Нью-Йорк.

— Кажется, я уже где-то слышал это имя, — сказал Гонориус.

— И я, — сказал Фьюлер. — Есть в нем что-то навязчиво знакомое. Гребс, Гребс...

— Вы звали меня, сэр? — спросила Гребс из соседней комнаты.

— Это ты?! — воскликнул Фьюлер.

— Это она! — вскричал Гонориус. — То-то я думаю, почему она мне так знакома. Она и есть 6903-я!

Потребовалось какое-то время, чтобы Фьюлер переварил услышанное. Наконец, он сурово спросил:

— Мисс Гребс, соизвольте объяснить мне, каким образом ваша карточка данных попала в набор селекционных кандидатур для мистера Гонориуса?

— Я объясню это мистеру Гонориусу наедине, — ответила она дрожащим, но достаточно дерзким голосом.

Фьюлер вышел, и Гонориус с Гребс встретились взглядами.

— Так будьте добры объяснить, почему вы это сделали, мисс Гребс? — сказал Гонориус.

— Ну, вы ведь и на самом деле очень заманчивый жених, — сказала Дина Гребс. — Но, по правде, я влюбилась в вас с первого же взгляда, в тот самый день, когда вы впервые пришли сюда. Я сразу увидела, что мы идеально подходим друг другу. Чтобы понять это, мне незачем было обращаться к самому сложному компьютеру в мире. Но ваша аристократическая матrimonиальная служба даже не стала бы обрабатывать мои данные, а вы сами на меня ни разу толком не взглянули. Вы были нужны мне, Гонориус, поэтому я и сделала все необходимое, чтобы заполучить вас, и мне нечего стыдиться!

— Понятно, — сказал Гонориус. — Должен сказать вам, что, на мой взгляд, у вас нет никаких до-

статочно веских законных оснований, чтобы претендовать на меня. Однако я без всяких возражений рассчитаюсь с вами наличными — в пределах разумной суммы — в уплату за потраченные вами время и усилия.

— Я не ослышалась? — изумилась Гребс. — Вы предлагаете мне деньги, чтобы я более не задерживала вас?

— Конечно, — сказал Гонориус. — Я хочу, чтобы все было по-честному.

— Красота! — воскликнула Гребс. — Ну нет, если вы хотите от меня избавиться, это вам не будет стоить ни цента. В сущности, вы меня уже потеряли.

— Постойте-ка, — сказал Гонориус, — я протестую, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном. Ведь потерпевшая-то сторона — я, а не вы.

— Вы — потерпевшая сторона? Я в вас влюблена, мошенничаю, совершаю ради вас одно должностное преступление за другим, строю из себя дурочку у вас на глазах, а вы тут стоите и твердите, будто вы — потерпевшая сторона?!

— Но вы пытались заманить меня в ловушку! Наверное, вы и в карточках данных что-нибудь подтасовали, ведь так?

— Так! Уверена, что любая из кандидаток подойдет для такого тупицы, как вы! Рекомендую номер третий — ту, что вечно молчит как рыба. По крайней мере при этом варианте вы иногда будете побеждать в семейных спорах.

Гонориус промычал что-то невнятное, более всего похожее на проклятье, и придинулся к Дине. Гребс замахнулась на него кулаком. Гонориус схватил ее за запястье, и они внезапно обнаружили, что если они еще и пе в объятьях друг друга, то уж определенно в тесном контакте. Тяжело дыша, они посмотрели друг другу в глаза.

Любовь — то потаенное неформальное чувство, что составляет суть моногамного поведения, — это сила, с которой следует считаться, но которую никогда нельзя предсказать заранее. Любовь вытесняет все прочие установки и отменяет все прежние обязательства. Но почему-то широко распространено мнение, будто единственное, чего еще не хватает любви, — это закрытых предварительных просмотров, которые позволили бы предвосхитить все грядущие радости и печали, и уж тогда вовсе без помех закрутятся шестеренки сложного механизма автоматизированного спаривания, от которого зависит процветание и стабильность государства.

Позже Гонориус спросил Дину:

— Слушай, а наше собственное-то будущее было на самом деле? Или ты намудрила и со своей карточкой тоже?

— Поживем — увидим, — ответила Дина.

Впоследствии она так отвечала на этот вопрос еще много-много раз.

## Вымогатель\*

Детрингера выслали с родной планеты Ферланг за «преступные действия чрезвычайной непристойности». Он нахально циркнул сквозь зубы во время Реввой Созерцательности и передернул задним голенипятом, когда Великий Региональный Вездесущий удостоил его плевка.

Подобная наглость обычно наказуема всего лишь парой десятков лет «безоговорочного острахизма». Но Детрингер усугубил вину, совершив «преднамеренное ослушание» на Встрече Поминовения, где во всеуслышание и с подробностями предавался воспоминаниям о своих грязных любовных похождениях.

Его последний антиобщественный поступок не имел себе равных в новейшей истории Ферланга: Детрингер проявил «неприкрытое злобное насилие» по отношению к некоему Уканистеру, обнаружив « явную публичную агрессивность», которой планета не знала со времен первобытной Эпохи Смертельных Игр.

Этой отвратительной выходкой, следствием которой для Уканистера явились не только телесные повреждения, но и тяжкий моральный удар, Детрингер и заработал себе высшую меру наказания — «бессрочное изгнание».

---

\* Пер. изд.: Sheckley R. A Suppliant in Space: The Robot Who Looked Like Me. Sphere Books Ltd., Lond., 1978.

© By R. Sheckley, 1973.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

Ферланг — четвертая от солнца планета в системе на краю галактики. Детрингера вывезли в межгалактическую пучину и бросили в крошечном недоснаряженном спортивном кораблике на произвол судьбы. Вместе с ним в ссылку добровольно отправился и его преданный механический слуга Иchor.

Жёпы Детрингера — задорная шаловливая Марук, высокая задумчивая Гвенкифер и неугомонная лопоухая Уу — официально расторгли брак с ним Торжественным Актом Вечного Презрения. Восемь его детей прошли через Обряд Отречения, хотя поговаривают, что Дерани — младшая — потом прошептала: «Что б ты там ни натворил, папка, я все равно тебя люблю».

Детрингеру, разумеется, не дано было этим утешиться. Очень скоро запасы энергии на утлом суденушке, брошенном в безбрежный океан пространства, истощились, и Детрингер, когда пришлось перейти на строгий рацион, изведал голод, холод, жажду и пульсирующую головную боль кислородного голодаания. Со всех сторон его окружала убийственная пустота необъятного космоса, нарушаемая лишь безжалостным блеском далеких звезд. Не видя смысла расходовать скучные запасы горючего в межгалактических пучинах, которые способны до дна исчерпать резервуары самых гигантских звездолетов, он выключил двигатели. Следовало беречь топливо для межпланетного маневрирования, если столь маловероятная возможность представится.

Время сковало его густым черным жеle. Существо слабое, лишившись привычного окружения, наверняка предсталось бы отчаянию и потеряло расудок. Но не в натуре Детрингера было падать духом. Осужденный занимался гимнастикой, погружался в высокоскоростную медитацию, каждый «вечер» устраивал концерты преданному Иchorу, который

отнюдь не отличался музыкальным слухом, и сотнями других способов, изложенных в «Пособии по выживанию в одиночку», избегал губительных мыслей о неизбежной смерти.

Так шло время, пока в окружающем пространстве все резко не изменилось. Космический стиль уступил место игре электрических разрядов, что грозило новыми бедствиями. Мощный шторм налетел на кораблик и швырнул его в самую бездну. Суденышко спасла собственная беспомощность. Покорно гонимый штормовым фронтом, кораблик уцелел.

Едва ли стоит описывать испытания, выпавшие на долю его пассажиров. Главное — они выжили. Через некоторое время после того, как титанические волны успокоились, Детрингер очнулся и открыл затуманенные глаза. Потом он поглядел в иллюминаторы и снял показания навигационных приборов.

— Ну вот, межгалактические пучины и позади — сообщил он Иchorу. — Нас вынесло к границе планетной системы.

Иchor приподнялся на алюминиевом локте и произнес:

— Тип солнца?

— Типа О, — ответил Детрингер.

— Слава Создателю! — вознес хвалу Иchor и рухнул, истощив заряд своих батарей.

Последнее дуновение космического ветерка затихло еще прежде, чем суденышко пересекло орбиту внешней планеты — девятнадцатой от молодого жизнедарящего светила. Несмотря на возражения Ичора, считавшего, что энергию надо беречь на крайний случай, Детрингер зарядил робота от корабельных аккумуляторов.

Собственно, крайний случай был налицо. Приборы показывали, что только на пятой от солнца планете Детрингер мог обойтись без специальных

средств жизнеобеспечения. Но оставшегося топлива до далекой цели явно не хватало, а в космосе снова царил штиль.

Можно было бы сидеть тихо в надежде на случай — вдруг их подхватит какое-нибудь течение или даже шторм. Но срок, отпущенный пассажирам корабельными запасами, был так невелик, что не приходилось рассчитывать ни на то, ни на другое. К тому же течения и штормы, если и возникают, далеко не всегда оказываются попутными.

Детрингер выбрал более активный и, возможно, более опасный путь. Рассчитав оптимальные курс и скорость, он решил двигаться вперед до тех пор, пока позволят запасы горючего.

Ценой неимоверных усилий и благодаря виртуозному пилотированию Детрингер, до капли рассчитав расход топлива, изловился приблизиться к заветной цели на двести миллионов миль. Потом пришлось отключить двигатели. Горючего осталось в обрез, только для приземления.

Суденышко дрейфовало в космосе, все еще двигаясь к пятой планете, но столь медленно, что и тысячи лет не хватило бы добраться до ее атмосферы. Едва ли требовалось особое воображение, чтобы представить кораблик гробом, а себя — его преждевременным обитателем. Но Детрингер гнал прочь подобные мысли и не отступал от принятого им режима: гимнастика, концерты и высокоскоростная медитация.

Иchor был этим несколько озадачен. Ортодокс по складу ума, он тактично указал на неуместность и, следовательно, безрассудность подобного поведения в создавшейся ситуации.

— Ты, конечно, прав — бодро ответил Детрингер. — Но позволь напомнить тебе, что Надежда, пусть даже неосуществимая, входит в число Восьми

Нерациональных Благ и, стало быть (согласно Второму Патриарху), на порядок выше любого из Здравых Предписаний.

Убежденный ссылкой на Патриарха, Ичор скрепя сердце согласился с Детрингером и даже спел в унисон с ним парочку псалмов (сцена столь же комичная для глаза, сколь и невыносимая для слуха).

Запасы энергии неумолимо таяли. Рацион пришлось урезать вдвое, потом вчетверо; агрегаты едва функционировали. Тщетно умолял Ичор своего хозяина влить заряд его батарей в студеные обогреватели корабля. Дрожа от холода, Детрингер упорно отказывался.

Возможно, темперамент влияет на естество. Если бы не натура Детрингера, вряд ли сильное попутное течение появилось бы именно тогда, когда от запасов энергии остались одни воспоминания.

Собственно приземление оказалось весьма простым для пилота такого мастерства и везения. Словно пушинку опустил Детрингер корабль на зеленую поверхность планеты. Когда он окончательно выключил двигатели, топлива оставалось ровно на тридцать восемь секунд.

Ичор пал на колени и восславил память Создателя, не забывшего дать им прибежище. Но Детрингер отрезвил его.

— Прежде чем лить слезы умиления, давай лучше оглядимся.

Пятая планета оказалась вполне гостеприимной: здесь было все необходимое для жизни и почти ничего из излишеств. Но изгнанники скоро поняли, что прикованы к планете навеки: лишь высокоразвитая цивилизация могла создать топливо для корабельных двигателей, а воздушная разведка не об-

наружила в этом радушном живописном мире даже следа разумных существ.

Простым переключением проводов Иchor подготовил себя к проживанию отведенного ему срока в сем ниспосланном свыше mestечке и рекомендовал Детрингеру тоже смириться с неизбежным. В конце концов, резонно заметил он, даже раздобудь они топливо, куда им лететь? Всякая подобная попытка на этом крошечном суденышке была равносильна самоубийству.

Детрингера не убедили его рассуждения.

— Лучше бороться и принять смерть, чем, проявляя, сохранить жизнь, — заявил он.

— Хозяин, — почтительно заметил Иchor, — сие ересь.

— Вероятно, — беззаботно согласился Детрингер. — Но так уж я полагаю. А интуиция подсказывает мне — что-нибудь подвернется.

Иchor содрогнулся и втайне вознес молитву во спасение души хозяина. Он все же надеялся, что Детрингер примет Помазание Вечного Одиночества.

Капитан Эдвард Мэйкпис Макмилан стоял посреди главной рубки исследовательского судна «Дженни Линд» и изучал ленту, которая струилась из координирующего компьютера серии 1100. Было очевидно, что в пределах ошибки корабельных приборов новая планета не таит никаких опасностей.

К этой минуте Макмилан шел всю жизнь. Блестяще закончив курс естественных наук в Таоском университете, он продолжал заниматься ядерной физикой. Его докторская работа «Некоторые предварительные заметки относительно науки межзвездного маневрирования» была одобрительно встречена коллегами и с успехом издана для широкой публики под названием «Затерянные и найденные в глубоком

космосе». Это да еще большая статья в журнале «Природа», озаглавленная «Использование теории отклонения в приемах и методах посадки», сделали единственной его кандидатуру на пост капитана первого американского звеадолета.

Это был высокий, крепкого телосложения, красивый мужчина с преждевременной сединой в свои тридцать шесть лет. Как пилот он не знал себе равных — его реакции поражали непогрешимой точностью и уверенностью.

Значительно хуже ему давались отношения с людьми. Макмилан был отмечен какой-то робостью и чрезвычайно застенчив. Принимая всякое решение, он неизменно мучился сомнениями, что, возможно, достойно уважения в философе, но, безусловно, обнаруживает слабость командира.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел полковник Кеттельман.

— На первый взгляд здесь недурно. Как, по-вашему? — заметил он.

— Профиль планеты производит благоприятное впечатление, — сухо отозвался Макмилан.

— Прекрасно, — заключил Кеттельман и тупо уставился на данные, представленные компьютером. — Что-нибудь интересное?

— И немало. Все говорит о наличии уникальной растительности. Кроме того, наши биологические пробы обнаружили некоторые аномалии...

— Я не об этом, — отмахнулся Кеттельман, выказывая презрение, которое порой испытывает прирожденный солдат к бабочкам и цветочкам. — Я имею в виду кое-что поважнее: армию, космический флот...

— Там, внизу, похоже, нет и следа цивилизации, — пожал плечами Макмилан. — Сомневаюсь, что мы найдем здесь разумную жизнь.

— Кто знает, — с сомнением проговорил Кеттельман.

Это был коренастый, крепкий и непоколебимый в своих суждениях человек, ветеран многих компаний. Майором он сражался в джунглях Гондураса в так называемой Фруктовой войне, закончив ее подполковником. Звание полковника ему принес злополучный Нью-йоркский мятеж, во время которого он лично повел своих людей на штурм казначейства и удерживал Сорок вторую улицу от прорыва Беспутного батальона.

Бесстрашный, с репутацией отца солдат и безупречным послужным списком, он был на короткой ноге со многими сенаторами и техасскими миллионерами и сумел добиться заветного назначения на пост командующего военными операциями корабля «Дженни Линд». Теперь он с нетерпением ждал той славной минуты, когда боевой отряд из двадцати морских пехотинцев ступит на поверхность планеты. Это событие волновало его чрезвычайно. Плевать на показания приборов! Кеттельман отлично знал, что внизу могло затаиться что угодно, выжидая, чтобы ударить, изувечить и убить, если он не ударит первым.

— Правда, кое-что там есть, — добавил Макмиллан. — Мы обнаружили космический корабль.

— Ага! — удовлетворенно крякнул Кеттельман. — Я так и думал. Вы засекли только один?

— Да, очень маленький, раз в двадцать меньше нашего, явно безоружный.

— Они хотят, чтобы вы именно так и думали, разумеется, — заявил Кеттельман. — Интересно, где остальные?

— Какие «остальные»?

— Остальные вражеские корабли, войска, ракеты «земля — космос» и все прочее.

— Присутствие одного корабля логически не обу-

словливают присутствия другого, — заметил капитан Макмилан.

— Вот как? Послушайте, Эд, меня учили логике джунгли Гондураса, — наставительно сказал Кеттельман. — По тамошним правилам, где нашли одну обезьяну с мачете, там в зарослях притаились еще пятьдесят. И не зевай, а то живо лишишься ушей. Стоит замешкаться в поисках доказательств, и вас прикончат в два счета.

— Здесь несколько иные условия, — не согласился Макмилан.

— Ну и что?

Макмилан внутренне вздрогнул и отвернулся. От общения с Кеттельманом он испытывал почти физическую боль. Полковник был сварлив и упрям, легко впадал в ярость и отличался категоричностью суждений, основанных, как правило, на незыблемом фундаменте его поразительного невежества. Капитан знал, что эта антипатия взаимна. Он прекрасно понимал: Кеттельман считает его мягкотелым, годным разве что для научных изысканий.

К счастью, их обязанности были четко определены и разграничены. Но, видно, лишь до сих пор.

Детрингер и Ичор, стоя под сенью деревьев, наблюдали за безупречной посадкой большого космического корабля.

— Что и говорить, пилот — истинный ас, — заметил Детрингер. — Знакомство с ним я почел бы за честь для себя.

— Думаю, вам представится такая возможность, — отозвался Ичор. — То, что они приземлились рядом с нами, имея в распоряжении всю поверхность планеты, вряд ли может оказаться случайностью.

— Они нас, конечно, обнаружили, — согласился

Детрингер. — И решили действовать прямо, как поступил бы на их месте и я.

— Ваши рассуждения не лишены здравого смысла, — сказал Ичор. — Но как будете действовать вы на своем месте?

— Прямо, разумеется!

— Исторический момент, — вздохнул Ичор. — Представитель ферлангского народа скоро встретит первых разумных существ. Ирония судьбы — столь великая миссия ниспослана преступнику!

— Эта великая миссия, как ты выражаяешься, была навязана мне силой. Уверяю тебя, я ее не помогался. Да, между прочим, думаю, лучше не упоминать о моих маленьких разногласиях с властями Ферланга.

— Вы хотите солгать?

— Зачем так резко? — поморщился Детрингер. — Считай, что это — желание спасти соотечественников от стыда за своего эмиссара.

— Что ж, пожалуй.

Детрингер пристально посмотрел на своего механического слугу:

— Мне кажется, Ичор, ты не совсем одобряешь мои действия?

— Вы правы, сэр. Но, пожалуйста, поймите меня: я предан вам безоглядно и в любую минуту не колеблясь пожертвую своей жизнью ради вашего благополучия. Я буду служить вам до самой смерти — и дальше, если это возможно. Но преданность конкретному лицу не может поколебать моих религиозных, социальных и этических убеждений. Я люблю вас, сэр, но не могу одобрить ваше поведение.

— Считай, что я предупрежден, — сказал Детрингер. — А теперь давай обратим внимание на наших незнакомцев. Люк открывается. Они выходят.

— Выходят солдаты, — уточнил Ичор.

Вновь прибывшие оказались двупогими и, как и сам Детрингер, имели по две верхние конечности, по одной голове, одному рту, одному носу, у них не было никаких признаков ни антенн, ни хвостов. Судя по снаряжению, они определенно являлись солдатами. Каждый был тяжело нагружен множеством предметов, в которых угадывались огнестрельное оружие, газовые и разрывные гранаты, лучеметы, ракеты малого радиуса действия с атомными боеголовками и много чего еще. Тела их защищали бронекостюмы, а головы — прозрачные шлемы. Отряд состоял из двадцати человек и, очевидно, командира, который на первый взгляд казался безоружным. Он держал в руке только гибкую палочку — вероятно, символ власти, — которой постукивал себя по левой нижней конечности, и неторопливо шествовал во главе солдат.

Солдаты цепью продвигались вперед, перебегая от дерева к дереву. Весь их вид свидетельствовал о крайней подозрительности и готовности к самым решительным действиям. Офицер не снисходил до осторожности, шел прямо вперед, демонстрируя либо беспечность, либо напускную храбрость, либо просто глупость.

— Хватит сидеть в кустах, — решил Детрингер. — Пора смело выйти и встретить их с достоинством, приличествующим эмиссару ферлангского народа.

Детрингер тут же выступил вперед и в сопровождении Ичора двинулся навстречу солдатам. В эту минуту он был великолепен.

На борту «Дженни Линд» каждый знал о существовании чужого космического корабля. Так что присутствие на этом корабле инопланетного обитателя,

который сейчас браво шел па гвардейцев Кеттельмана, не должно было вызвать потрясения.

Но вызвало. Оказалось, гвардейцы не готовы встретить настоящего, живехоньского инопланетянина. Событие грозило самыми непредсказуемыми последствиями. А отсюда — каковы должны быть первые слова? Как бы в этот исторический миг не удастся в грязь лицом. Сколько ни старайся, неминуемо придумаешь что-то вроде: «Доктор Ливингстон, полагаю?» Над вашими словами, банальными ли они окажутся или высокими, люди будут смеяться веками. Что и говорить, такая встреча грозила величайшим позором.

И капитан Макмилан, и полковник Кеттельман лихорадочно искали достойное начало и неизменно отвергали каждый новый вариант, втайне надеясь, что в переводащем компьютере С-31 полетит транзистор. Каждый морской пехотинец молил бога, чтобы инопланетянин заговорил не с ним. Даже корабельный кок потерял голову — не дай бог, инопланетянин в первую очередь поинтересуется тем, что они едят.

Но до Кеттельмана им всем было далеко. «Черта с два, уж я-то с ним первым не заговорю!» — однозначно решил он. Полковник замедлил шаг, рассчитывая, что солдаты выдвинутся вперед. Но его люди остановились, не решаясь обогнать командира. Капитан Макмилан, шедший за морскими пехотинцами, тоже остановился, проклиная себя за то, что выступает в полной парадной форме при всех регалиях. Он не сомневался, что выглядит самым представительным и инопланетянин непременно подойдет прямо к нему.

Земляне застыли на месте. Инопланетянин приближался. Замешательство в рядах землян перешло в панику. Морские пехотинцы явно находились на

грали бегства. Это не укрылось от внимания Кеттельмана. Полковник оцепенел от мысли, что сейчас они обесчестят и его, и вооруженные силы.

Тут он вспомнил о газетчиках. Конечно же, газетчики! Пускай кашу расхлебывают газетчики: им за это платят.

— Взвод, стой! — скомандовал полковник.

Инопланетянин тоже остановился, пытаясь понять, что происходит.

— Капитан, — обратился Кеттельман к Макмиллану, — предлагаю для этого исторического момента спустить... я имею в виду — выпустить газетчиков.

— Прекрасная идея, — согласился Макмиллан и распорядился вывести из анабиоза и прислать сюда представителей печати.

Затем все стали ждать.

Представители печати хранились в особом помещении. Табличка на двери гласила: «Анабиоз — посторонним вход воспрещен». Ниже от руки было добавлено: «Поднимать только в случае сенсации».

Внутри помещения в индивидуальных капсулах находились пять журналистов и журналистка. Они единодушно решили, что небогатые события годы, которые потребуются «Джении Линд», чтобы куданибудь прилететь, явятся пустой тратой субъективного времени, и погрузились в анабиоз, пока не случится что-либо заслуживающее их внимания. Меру сенсационности доверили определить капитану Макмиллану, который в студенческие годы сотрудничал в газете «Солнце Финикса».

Рамон Дельгадо, инженер-шотландец с весьма необычной биографией, получил приказ разбудить корреспондентов. Пятнадцать минут спустя еще не совсем пришедшие в себя журналисты уже рвались узнать, что происходит.

— Мы приземлились на планете земного типа,—

объявил Дельгадо, — по без всяких следов цивилизации и разумной жизни.

— А разбудили нас для чего? — возмутился Квебрада из Северо-восточного агентства новостей.

— Дело в том, — продолжал Дельгадо, — что здесь находится космический корабль и на нем, естественно, разумный инопланетянин.

— Тогда другое дело, — сказала Милисент Лопец, сотрудница издания «Женская одежда». — Вы не обратили внимания, как он одет?

— Установлено ли, насколько он разумен? — спросил Матеас Упман из «Нью-Йорк таймс».

— Каковы были его первые слова? — поинтересовался Анжел Потемкин из «Эн-Би-Си-Си-Би-Эс-Эй-Би-Си».

— Он ничего не говорил, — ответил инженер Дельгадо. — Его пока ни о чем не спрашивали.

— Вы хотите сказать, — изумился Е. К. Кветцат-ла из Западного агентства новостей, — что первый в истории человечества инопланетянин стоит столбом и никто не берет у него интервью?!

И газетчики, прихватив камеры и магнитофоны, ринулись к выходу. Проморгавшись на ярком солнце, трое журналистов схватили переводящий компьютер С-31, а потом снова бросились вперед, растолкали морских пехотинцев и в мгновение ока окружили инопланетянина.

Упман включил С-31 и протянул второй микрофон инопланетянину, который после некоторого колебания принял его.

— Проверка. Раз, два, три. Вы поняли, что я сказал?

— Вы сказали: «Проверка. Раз, два три», — произнес Детрингер, и все облегченно вздохнули: первые слова были наконец сказаны, и Упман во всех учебниках истории будет выглядеть настоящим

идиотом. Упмана, однако нисколько не беспокоило, как он будет выглядеть, лишь бы его имя вообще вошло в учебники. Он продолжал интервью. К нему присоединились остальные.

Детрингеру пришлось рассказывать, что он ест, как долго и как часто спит, в чем его частная жизнь отклоняется от ферлангской нормы, каковы его первые впечатления о землянах. Дальше посыпались вопросы о философских воззрениях, количестве жен, как он с ними уживаются, и вообще о том, каково быть инопланетянином. Ему пришлось назвать свою профессию, свое хобби, отзваться о склонности к садоводству, перечислить свои развлечения. Его вынудили рассказать, был ли он когда-нибудь пьян и как именно, признаться во внебрачных связях, описать любимый вид спорта, изложить свои взгляды на межзвездную дружбу, на преимущества и недостатки хвостатости и на многое, многое другое.

Капитан Макмилан теперь раскаивался, что пре-небрег своими обязанностями. Он вышел вперед, чем спас инопланетянина от бесконечного потока вопросов.

Полковник Кеттельман тоже подался за ним — ведь именно он, в конце концов, отвечает за безопасность экспедиции, и его долг — постичь истинные намерения чужеземца.

Произошла небольшая стычка — выяснение отношений. В результате было решено, что Макмилан как символический представитель народов Земли первым проведет беседу с инопланетянином. Однако эта церемониальная встреча явится чистой формальностью. Потом с Детрингером станет разговаривать Кеттельман, и по результатам беседы будут предприняты дальнейшие шаги.

Таким образом, все противоречия были утрясены, и Детрингер уединился с Макмиланом. Пехотинцы

возвратились на корабль, составили оружие и вновь принялись чистить ботинки.

Иchor остался на месте. В него вцепился представитель Среднезападного агентства новостей. Этот представитель, Мельхиор Каррера, сотрудничал еще и в таких изданиях, как «Общедоступная механика», «Плейбой», «Роллинг Стоун» и «Лучшие труды по автоматизации». Интервью получилось весьма занимательным.

Беседа Детрингера с капитаном Макмиланом прошла блестяще. Оба тактичные, терпимые, стремящиеся понять точку зрения собеседника, во многом они сошлись во взглядах и почувствовали друг к другу определенную симпатию. Капитан Макмилан не без удивления отметил, что инопланетянин Детрингер ближе ему, чем полковник Кеттельман.

Последовавший затем разговор с Кеттельманом прошел в совсем ином ключе. После обмена любезностями полковник приступил прямо к делу.

— Чем вы тут занимаетесь? — без обиняков спросил он.

Детрингер готов был объяснить свое положение.

— Мой корабль — часть передовых разведывательных сил космического флота Ферланга. Шторм сбил меня с курса, и, когда кончилось топливо, мне пришлось совершить вынужденную посадку.

— Итак, вы беспомощны.

— В высшей степени. Хотя, разумеется, временно. Как только будут подготовлены необходимое оборудование и персонал, за мной пошлют спасательный корабль. Но на это потребуется время. Так что буду вам крайне признателен, если вы найдете возможным выделить мне немного топлива.

— Гммм... — Полковник Кеттельман нахмурился.

— Прошу прощения?

— «Гммм», — сказал переводящий компьютер

С-31, — это вежливый звук, обозначающий короткий период молчаливого раздумья.

— Чушь собачья! — рявкнул Кеттельман. — «Гммм» вовсе ничего не значит. Так, говорите, вам нужно топливо?

— Да, полковник, — подтвердил Детрингер. — Судя по внешним признакам, наши двигатели, как мне кажется, весьма схожи.

— Система двигателей на «Дженни Линд»... — начал С-31.

— Минутку, это секретные сведения! — возмущенно оборвал Кеттельман.

— Отнюдь нет, — возразил компьютер. — Последние двадцать лет эта система используется на Земле повсеместно, а в прошлом году ее рассекретили официально.

— Гммм... — протянул полковник и с видом страдальца стал слушать подробности об устройстве корабельных двигателей.

— Как я и думал, — кивнул Детрингер. — Мне даже ничего не придется изменять. Ваше топливо можно использовать в том виде, как оно есть. Конечно, если вы сможете поделиться им.

— О, тут как раз нет никаких затруднений, — сказал Кеттельман. — У нас его полно. Но, на мой взгляд, нам сперва следует кое-что обговорить.

— Что именно? — поинтересовался Детрингер.

— Послужит ли это нашей безопасности.

— Не вижу связи.

— Это вполне очевидно. На Ферланге, судя по всему, технически высокоразвитая цивилизация. А являясь таковой, она представляет для нас потенциальную угрозу.

— Мой дорогой полковник, наши планеты находятся в разных галактиках!

— Ну и что? Мы, американцы, всегда старались

воевать как можно дальше от дома. Может быть, и у вас на Ферланге так заведено.

Детринегр не потерял самообладания.

— Мы — мирные люди и глубоко заинтересованы в межпланетной дружбе и сотрудничестве.

— Это слова, — вздохнул Кеттельман. — А где гарантии?

— Полковник, — возмутился Детрингер, — вы случайно слегка не... — Он запнулся в поисках подходящего слова, — ... тронулись?

— Он желает знать, — услужливо разъяснил С-31, — не склонны ли вы к паранойе.

Кеттельман рассвирепел. Ничто не могло разозлить его больше, чем намеки на психическую неполноту. Ему начинало казаться, что его травят.

— Вы меня не дразните, — зловеще предупредил он. — Ну а почему бы мне в интересах земной безопасности не приказать уничтожить вас вместе с вашим кораблем? Когда прилетят ваши соплеменники, наш след уже остынет, и они нишиша не узнают.

— Подобные действия не лишены были бы смысла, — сказал Детрингер, — не поддерживай я постоянную радиосвязь. Как только я увидел ваш корабль, сразу же связался с базовым командованием. Я сообщил им все, что мог, включая предположение о типе вашего солнца, основанное на вашем физическом строении, и вероятное месторасположение вашей родины по результатам анализа ионного хвоста.

— Ишь, умник, — с досадой произнес Кеттельман.

— Я проинформировал командование и о том, что запрошу из ваших явно обильных запасов немного топлива. Полагаю, отказ в моей просьбе будет рассматриваться как крайне недружелюбный акт.

— Я об этом не подумал, — признался Кеттельман. — Гммм... У меня есть приказ не провоцировать межзвездных инцидентов.

— Вот видите! — многозначительно сказал Детрингер.

Наступило долгое, напряженное молчание. Кеттельману претила сама мысль о помощи существу, которое вполне могло оказаться врагом. Однако, по-видимому, иного пути не было.

— Ну ладно, — решил он наконец. — Завтра я пришлю топливо.

Детрингер выразил благодарность, а затем пустился в рассказы о неисчислимой боевой технике Космических вооруженных сил Ферланга. Он не в малой мере преувеличивал. Если не сказать, что в его описаниях не было и слова правды.

Ранним утром возле корабля Детрингера появился землянин с канистрой горючего. Детрингер предложил ее где-нибудь поставить, но землянин, ссылаясь на приказ полковника, настоял на том, чтобы, войти в крошечную рубку суденышка и лично опорожнить канистру в топливный бак.

— Что ж, начало положено, — сказал Детрингер Иchorу. — Надо еще с шестьдесят таких канистр.

— Но почему они посыпают по одной канистре? — поинтересовался Иchor. — Уж очень нерационально.

— Это смотря с чьей точки зрения.

— Что вы имеете в виду?

— Надеюсь, ничего неприятного. Впрочем, поживем — увидим.

Шли часы. Наступил вечер, но никто больше не приходил. Детрингер отправился к земному кораблю и, отмахнувшись от репортеров, потребовал встречи с Кеттельманом.

Ординарец провел его в каюту полковника. Стены этого скромно обставленного помещения украшали предметы, видимо, призванные запечатлеть особо памятные моменты в жизни владельца: два ряда медалей поблескивали на черном бархате в солидном золотом обрамлении, доберман-пинчер скалил клыки с фотографии, особенно поражала сморщенная высохшая человеческая голова, трофеи осады Тегусигальпы. Сам полковник в шортах цвета хаки занимался гимнастикой, сжимая пальцами рук и ног резиновые мячики.

— Да, Детрингер, чем могу быть полезен?

— Я пришел узнать, почему вы не присыдаете мне топливо.

— Вот как? — Кеттельман выпустил мячики и уселся в кожаное кресло. — Я отвечу вам вопросом на вопрос. Детрингер, как вы ухитряетесь держать радиосвязь без радиоаппаратуры?

— Кто сказал, что у меня нет радиоаппаратуры? — возмутился Детрингер.

— Первую канистру вам принес инженер Дельгадо. Ему было приказано осмотреть ваше оборудование. Он доложил, что на вашем корабле нет никаких признаков радиоаппаратуры. Инженер Дельгадо — специалист в этой области.

— Достижения миниатюризации... — начал Детрингер.

— Да-да. Но у вас вовсе ничего нет. Могу еще добавить, что, приближаясь к планете, мы вели радиоперехват на всех возможных частотах и никаких передач не обнаружили.

— Я все могу объяснить, — сказал Детрингер.

— Сделайте одолжение.

— Это достаточно просто. Я вас обманывал.

— Очевидно. Но это ничего не объясняет.

— Дайте мне закончить. Видите ли, мы, ферланг-

цы, не менее вас заботимся о собственной безопасности. Пока мы почти ничего не знаем о вас, здравый смысл диктует нам по возможности меньшее информации сообщить и о себе. Если вы легковерны и простодушны и примете за чистую монету то, что мы полагаемся на столь примитивную систему связи, как радио, это даст нам преимущество при встрече с вами при неблагоприятных обстоятельствах.

— Так как же вы сообщаетесь?

Детрингер явно колебался с ответом.

— Думаю, большой беды не будет... — наконец сказал он. — Рано или поздно вы все равно узнаете, что мой народ обладает телепатическими способностями.

— Телепатическими? Вы утверждаете, что можете передавать и принимать мысли?

— Совершенно верно, — кивнул Детрингер.

Кеттельман пристально посмотрел на него:

— Хорошо, тогда что я сейчас думаю?

— Вы думаете, что я лжец, — сказал Детрингер.

— Так точно, — подтвердил Кеттельман.

— Но это слишком очевидно, и мне вовсе не пришлось читать ваши мысли. Видите ли, мы, ферлангцы, проявляем телепатические способности только среди себе подобных.

— Знаете что? — после короткого молчания произнес полковник. — Я по-прежнему думаю, что вы гнусный обманщик.

— Разумеется, — согласился Детрингер. — Вопрос лишь в том, насколько вы в этом уверены.

— Чертовски уверен, — мрачно заявил Кеттельман.

— Достаточно ли этого? Для требований вашей безопасности, я имею в виду. Взгляните — если я говорю правду, то причины, побудившие вас вчера

оказать мне помошь, равно значимы и сегодня.  
Вы согласны?

Полковник неохотно кивнул.

— В то же время от вашей помощи не будет вреда, даже если я лгу. Вы просто выручите попавшее в беду существо, сделав тем самым и меня, и моих соотечественников своими должниками. Вполне многообещающее начало для дружбы. А если учесть, что оба наши народа рвутся в космос, скорая встреча неминуема.

— Положим, — проговорил Кеттельман. — Но я могу бросить вас здесь, отсрочив тем самым первый официальный контакт, пока мы не будем лучше подготовлены.

— В ваших силах попытаться отсрочить контакт, — заметил Детрингер, — но он может произойти в любую минуту. Сейчас вам предоставляется счастливая возможность начать его удачно. Другого такого случая может не подвернуться.

— Гммм, — пробормотал Кеттельман.

— У вас есть самые веские основания помочь мне, даже если я вру. Но ведь не исключено, что я говорю правду. В последнем случае ваш отказ выглядит крайне недружелюбно.

Полковник раздраженно мерили шагами узкую комнату. Потом он бешено сверкнул глазами и рявкнул:

— Вы чересчур ловко спорите!

— Просто мне повезло, — произнес Детрингер. — Логика — на моей стороне.

— Он прав насчет логики, — вставил переводящий компьютер С-31.

— Молчать!

— Я считал своим долгом указать на данный факт, — не унимался С-31.

Полковник остановился и потер лоб.

— Детрингер, уйдите, — устало проговорил он. — Я пришлю топливо.

— И не пожалеете! — заверил Детрингер.

— Я уже жалею, — отозвался Кеттельман. — Пожалуйста, уйдите.

Детрингер поспешил на корабль и поделился с Ичором добрыми вестями. Робот удивился.

— Я думал, он не согласится.

— Он тоже так думал, — сказал Детрингер. — Но я сумел его убедить.

И он передал Ичору свой разговор с полковником.

— Значит, вы солгали, — печально произнес Ичор.

— Да. Но Кеттельман знает, что я лгал.

— Тогда почему же он помогает?

— Из опасения, что я все-таки говорю правду.

— Но ведь ложь — преступление.

— Не большее, чем бросить нас здесь. Однако мне надо поработать. Сходил бы ты на поиски съестного!

Слуга молча повиновался, а Детрингер сел за звездный атлас в надежде найти место, куда лететь, — если, конечно, ему вообще удастся улететь.

Наступило утро, солнечное и радостное. Ичор пошел на корабль землян играть в шахматы со своим новым приятелем — роботом-посудомойщиком. Детрингер ждал топлива.

Его не особенно удивило, что топлива все не присыпали, хотя и прошел полдень, но и хорошего в этом было мало. Он прождал еще два часа, а затем отправился на «Дженини Линд».

Его приход, казалось, не явился неожиданностью — Детрингеру сразу предложили пройти в офицерскую. Полковник Кеттельман расположился в глубоком кресле, по сторонам которого замерли

вооруженные солдаты. Строгое выражение лица не скрывало злорадства. Тут же с непроницаемым видом сидел капитан Макмилан.

— Ну, Детрингер, — начал полковник, — что сейчас вы хотите?

— Я пришел просить обещанное мне топливо, — сказал ферлангец. — Но вижу, вы не собираетесь сдержать свое слово.

— Напротив, — возразил полковник. — Я самым серьезным образом собирался помочь представителю вооруженных сил Ферланга. Но передо мной вовсе не он.

— А кто же? — спросил Детрингер.

Кеттельман подавил саркастическую усмешку.

— Преступник, осужденный верховным судом своего собственного народа. Передо мной уголовный элемент, чьи вопиющие правонарушения не имеют равных в анналах ферлангской юриспруденции. Существо, которое своим чудовищным поведением заслужило высшую меру наказания — бессрочное изгнание в бездны космоса. Или вы смеете это отрицать?

— В настоящий момент я ничего не отрицаю и ничего не подтверждаю, — сказал Детрингер. — Прежде всего я хотел бы осведомиться об источнике вашей поразительной информации.

Полковник Кеттельман кивнул одному из солдат. Тот открыл дверь и ввел Ичора и робота-посудомойчика.

— О хозяин! — воскликнул механический слуга. — Я поведал полковнику Кеттельману об истинных обстоятельствах, которые привели к нашей ссылке. И тем самым приговорил вас! Я молю о привилегии немедленного самоуничтожения в качестве частичной расплаты за свое вероломство.

Детрингер молчал, лихорадочно соображая.

Капитан Макмилан подался вперед и спросил:

— Иchor, почему ты предал своего хозяина?

— У меня не было выбора, капитан! — вскричал несчастный. — Ферлангские власти, прежде чем позволить мне сопровождать его, приказали наложить на контуры моего мозга определенные приказы и закрепили их хитроумными схемами.

— Каковы же эти приказы?

— Они отводят мне роль тайного надзирателя. Мне приказано принять необходимые меры, если Детрингер каким-то чудом сумеет избежать кары.

— Вчера он мне обо всем рассказал, капитан, — не выдержал робот-посудомойщик. — Я умолял его воспротивиться этим приказам. Уж очень все это не-приглядно, сэр, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— И в самом деле, я сопротивлялся, сколько мог, — продолжал Иchor. — Но чем реальнее становились шансы моего хозяина на спасение, тем сильнее проявлялись приказы, требующие его предотвращения. Меня могло остановить лишь удаление соответствующих цепей.

— Я предложил ему операцию, — вставил робот-посудомойщик, — хотя в качестве инструмента в моем распоряжении были только ложки, ножи и вилки.

— Я бы с радостью согласился на операцию, — продолжал Иchor. — Более того, я уничтожил бы себя, лишь бы не произносить слов, поневоле рвущихся из предательских динамиков. Но и это оказалось предусмотренным — на самоуничтожение тоже наложили строжайший запрет, как и на мое согласие на вмешательство в схемы, пока не выполнены государственные приказы. И все же я сопротивлялся, пока не иссякли силы, тогда мне пришлось явиться к полковнику Кеттельману.

— Вот и вся грязная история, — обратился Кеттельман к капитану.

— Не совсем, — тихо произнес капитан Макмилан. — Каковы ваши преступления, Детрингер?

Детрингер перечислил их бесстрастным голосом — свои действия чрезвычайной непристойности, свой проступок преднамеренного ослушания и, наконец, проявление злобного насилия. Иchor кивал с несчастным видом.

— По-моему, мы слышали достаточно, — разозливал Кеттельман. — Сейчас я вынесу приговор.

— Одну минуту, полковник, — капитан Макмилан повернулся к Детрингеру: — Состоите ли вы в настоящее время или были когда-нибудь на службе в вооруженных силах Ферланга?

— Нет, — ответил Детрингер, и Иchor подтвердил его ответ.

— В таком случае находящееся здесь существование является гражданским лицом, — сказал капитан Макмилан, — и подлежит суду гражданских властей.

— Не уверен, — произнес полковник.

— Положение абсолютно ясное, — настаивал капитан Макмилан. — Наши народы не находятся в состоянии войны. Он должен предстать перед гражданским судом.

— И все же, насколько я понимаю, этим делом следует заняться мне, — сказал полковник. — Я лучше разбираюсь в подобных вещах, чем вы, сэр, — при всем к вам уважении.

— Судить буду я, — отчеканил капитан Макмилан. — Если, конечно, вы не решите силой захватить командование кораблем.

Кеттельман покачал головой:

— Я не собираюсь портить свое личное дело.

Капитан Макмилан повернулся к Детрингеру.

— Сэр, вы должны понять, что я не вправе сле-

довать личным симпатиям. Ваше государство вынесло приговор, и с моей стороны было бы неблагоразумно, дерзко и аполитично отменять его.

— Чертовски верно, — сказал Кеттельман.

— Поэтому я подтверждаю осуждение на вечное изгнание. Но я прослежу за его исполнением более строго, чем было сделано ранее.

Полковник широко ухмыльнулся. Иchor в отчаянии всхлипнул. Робот-посудомойщик пробормотал: «Бедолага!» Детрингер стоял спокойно, твердо глядя на капитана.

— Решением сего суда обвиняемый обязан продолжить ссылку. Более того, суд определяет, что пребывание обвиняемого на этой приятной планете противоречит духу приговора ферлангских властей, смягчает наказание. Следовательно, Детрингер, вы должны немедленно покинуть сие убежище и вернуться в необъятные просторы космоса.

— Так ему и надо, — сказал Кеттельман. — Знаете, капитан, я не думал, что вы окажетесь на это способны.

— Я рад, что вы одобряете мое решение. Поручаю вам проследить за исполнением приговора.

— С удовольствием.

— По моим расчетам, — продолжал Макмилан, — если использовать всех ваших людей, баки корабля подсудимого можно заполнить приблизительно за два часа. После чего он должен сразу же покинуть планету.

— Он у меня улетит еще до наступления ночи, — пообещал полковник. Но тут ему в голову пришла неожиданная мысль. — Эй! Топливо для баков? Так ведь именно этого Детрингер и хотел с самого начала!

— Суд не интересует, чего хочет или не хочет

подсудимый, — констатировал Макмилан. — Его желания не влияют на решения суда.

— Но, черт подери, неужели вы не видите, что тем самым мы его отпускаем?! — воскликнул Кеттельман.

— Мы его заставляем, — подчеркнул Макмилан. — Это совершенно другое.

— Посмотрим, что скажут на Земле, — зловеще проговорил Кеттельман.

Детрингер покорно кивнул и, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица, покинул земной корабль.

С наступлением ночи Детрингер взлетел. Его сопровождал преданный Иchor — теперь более верный, чем когда-либо, так как он выполнил правительственные указания. Вскоре они были уже в глубинах космоса.

— Хозяин, куда мы направляемся? — спросил Иchor.

— К какому-нибудь новому чудесному миру, — ответил Детрингер.

— А может, навстречу гибели?

— Возможно, — сказал Детрингер. — Но с полными баками я отказываюсь думать об этом.

Некоторое время оба молчали. Затем Иchor заметил:

— Надеюсь, у капитана Макмилана не будет из-за нас неприятностей.

— По-моему, он вполне может постоять за себя, — отозвался Детрингер.

Там, на Земле, решение капитана Макмилана послужило причиной большого переполоха и долгой полемики. Однако прежде, чем официальные органы пришли к единому мнению, состоялся второй контакт между Ферлангом и Землей. Неизбежно всплывшее дело Детрингера было признано чересчур запу-

танным и сложным. Вопрос передали на рассмотрение смешанной комиссии экспертов обеих цивилизаций.

Над делом бились пятьсот шесть ферлангских и земных юристов. Еще многие годы они находили все новые и новые доводы «за» и «против», хотя Детрингер к тому времени достиг безопасного убежища и занял уважаемое положение среди народа планеты Ойменк.

# Мой двойник — робот\*

«Роботорама Снайта» — неприметное на вид предприятие на бульваре КБ22 в Большом Новом Ньюарке. Оно втиснуто между ректификационным заводом и протеиновым магазином. И на витрине ничего необычного — три одетых в соответствии с назначением человекоподобных роботов. Застывшие улыбки и броская реклама:

*Модель РБ-2 — повар-француз*

*Модель РЛ9 — английская няня*

*Модель ИХ5 — итальянский садовник*

*Каждый готов служить вам*

*Каждый внесет в ваш дом теплоту и уют ушедшего старого времени*

Я толкнул дверь и через пыльный демонстрационный зал прошел в цех — нечто среднее между бойней и мастерской великанов. На потолках, стеллажах и просто на полу лежали головы, руки, ноги, туловища, неприятно похожие на человеческие, если бы не торчащие провода.

Из подсобного помещения ко мне вышел Снайт — маленький невзрачный человечек со впалыми щеками и красными заскорузлыми руками. Он был иностранцем; самых лучших нелегальных роботов всегда делают иностранцы.

— Все готово, мистер Уатсон.

---

\* Пер. изд.: Sheckley R. The Robot Who Looked Like Me: The Robot Who Looked Like Me. Sphere Books Ltd., Lnd., 1978.

© "Cosmopolitan", 1973.

© Перевод на русский язык, «Мир», 1984.

(Мое имя не Уатсон, имя Снэйта — не Снэйт. Фамилии, естественно, я изменил.)

Снэйт провел меня в угол, где стоял робот с обмотанной головой, и театральным жестом сорвал ткань.

Мало сказать, что робот внешне походил на меня; этот робот был мною, достоверно и безошибочно, до мельчайших подробностей. Я рассматривал это лицо, словно в первый раз заметил оттенок жесткости в твердых чертах и нетерпеливый блеск глубоко посаженных глаз. Да, то был я. Я не стал прослушивать его голос и проверять поведение. Я просто заплатил Снэйту и попросил доставить заказ на дом. Пока все шло по плану.

Я живу в Манхэттане на Верхней Пятой Вертикали. Это обходится недешево, но, чтобы видеть небо, не жалко и переплатить. Здесь же и мой рабочий кабинет. Я межпланетный маклер, специализируюсь на сбыте редких минералов.

Как всякий, кто хочет сохранить свое положение в нашем динамичном мире конкуренции, я строго придерживаюсь жесткого распорядка дня. Работа занимает львиную долю моей жизни, но и всему остальномуделено время и место. Два часа в неделю уходят на дружбу, два часа — на праздный отдых. На сон предусмотрено шесть часов сорок восемь минут в сутки; я включаю снонаводитель и использую это время для изучения специальной литературы при помощи гипнopedии. И так далее.

Я все делаю только по графику. Много лет назад вместе с представителями компании «Ваша жизнь» я разработал всеобъемлющую схему, задал ее своему компьютеру и с тех пор от нее не отступаю ни на минуту.

Разумеется, предусмотрены и отклонения на случай болезни, войны, стихийных бедствий. Про

запас введены две подпрограммы. Одна учитывает появление жены и преобразует график для выделения особых четырех часов в неделю. Вторая предусматривает жену и ребенка и освобождает еженедельно дополнительно еще два часа. Тщательная отработка подпрограмм позволит снизить мою производительность лишь соответственно на два и три десятых и два и девять десятых процента.

Я решил жениться в возрасте тридцати двух с половиной лет, поручив подбор жены агентству «Гарантированный матrimониальный успех» — фирме с безупречной репутацией. Но тут случилось нечто совершенно непредвиденное.

Однажды в часы, отведенные на досуг, я присутствовал на свадьбе моего знакомого. Подружку нареченной звали Илайн. Это была изящная живая девушка со светлыми волосами и очаровательной фигуркой. Мне она пришлась по вкусу, но, вернувшись домой, я тут же позабыл о ней. То есть мне казалось, что позабыл. В последующие дни и ночи ее образ неотрывно стоял перед моими глазами. У меня пропал аппетит и ухудшился сон. Мой компьютер, обработав всю доступную ему информацию, предположил, что я либо нахожусь на грани нервного расстройства, либо — и скорее всего — серьезно влюблен.

Нельзя сказать, что я был недоволен. Любовь к будущей супруге является положительным фактором для установления добрых отношений. Корпорация «Благоразумие» по моему запросу навела справки и установила, что Илайн — в высшей степени подходящий объект. Я поручил Мистеру Счастье, известному посреднику в брачных делах, сделать за меня предложение и заняться обычными приготовлениями.

Мистер Счастье — невысокий седовласый

джентльмен с блуждающей улыбкой — принес ненужные вести.

— Юная дама, — сообщил он, — приверженка старых взглядов. Она ожидает от вас ухаживания.

— Что это значит конкретно? — спросил я.

— Это значит, что вы должны позвонить ей по видеофону, назначить свидание, повести ужинать, посетить с ней места общественного увеселения и так далее.

— Распорядок дня не оставляет мне времени для подобных занятий, — сказал я. — Но если это совершенно необходимо, я постараюсь освободиться в четверг с девяти до двенадцати.

— Для начала — великолепно, — одобрил Мистер Счастье.

— Для начала? Сколько же вечеров мне придется на это убить?

Мистер Счастье полагал, что ухаживание по всем правилам потребует по меньшей мере трех вечеров в неделю и будет продолжаться в течение двух месяцев.

— Нелепо! — воскликнул я. — Можно подумать, у девушки — уйма свободного времени.

— Вовсе нет, — заверил меня Мистер Счастье. — Илайн, подобно каждому образованному человеку наших дней, ведет очень насыщенный, детально распланированный образ жизни. Ее время целиком поглощают работа, семья, благотворительная деятельность, артистические поиски, политика.

— Так почему же она настаивает на этом расточительном занятии?

— Похоже, для нее это вопрос принципа. Короче говоря, она этого хочет.

— Илайн склонна к нелогичным поступкам?

Мистер Счастье вздохнул.

— Что вы хотите, она ведь женщина...

Весь свой следующий час досуга я посвятил размышлениям. На первый взгляд у меня было всего два пути: либо отказаться от Илайн, либо потакать ее прихоти. В последнем случае я потеряю около семнадцати процентов дохода и к тому же буду проводить вечера самым глупым, скучным и непродуктивным образом.

Оба пути я счел неприемлемыми и оказался в тупике.

В досаде я ударил кулаком по столу, так что подпрыгнула старинная пепельница. Гордон, один из моих секретарей-роботов, поспешил на шум.

— Вам что-нибудь требуется, сэр?

Гордон — андроид серии ОНЛХ (Ограниченно наделенные личностными характеристиками) класса «деликс»; худой, слегка сутулый и как две капли воды похож на Лесли Говарда. Если бы не обязательные правительственные клейма на лбу и руках, его не отличить от человека. И вот при виде Гордона меня осенило.

— Гордон, — медленно сказал я, — не знаешь ли ты, кто производит лучших индивидуализированных роботов?

— Снэйт из Большого Нового Ньюарка, — уверенно ответил он.

Я имел беседу со Снэйтом и убедился, что это вполне нормальный, в меру жадный человек. Снэйт согласился сделать робота без правительственныех клейм, который был бы похож на меня и дублировал мою манеру поведения. Мне пришлось уплатить более чем солидную сумму, но я остался доволен: денег у меня было предостаточно, а вот времени — в обрез. Так все и началось.

Когда я вернулся домой, робот, посланный пневмоэкспрессом, уже ждал меня. Я оживил его и сразу принялся за дело. Мой компьютер внес всю

касающуюся меня информацию непосредственно в память робота. Я ввел план ухаживания и сделал необходимые проверки. Результаты превзошли все ожидания. Окрыленный успехом, я позвонил Илэйн и договорился о встрече.

Остаток дня я разбирался с делами на бирже. Ровно в восемь Чарлз II, как я стал его называть, отправился на свидание. Я немного вздрогнул и снова принял за работу.

Чарлз II возвратился точно в полночь, согласно программе. Мне не пришлось расспрашивать его; все произшедшее было запечатлено скрытой камерой, которую Снэйт встроил роботу в левый глаз. Я смотрел и слушал начало моего ухаживания со смешанным чувством.

Робот безусловно был мной, вплоть до покашливания перед тем, как заговорить, и привычки потирать в задумчивости большой и указательный пальцы. Впервые в жизни я заметил, что мой смех неприятно напоминает хихиканье, и решил избавиться от этого и некоторых других раздражающих manner в себе и Чарлзе II.

И все же, на мой взгляд, первый опыт прошел блестяще. Я остался доволен. И работа, и ухаживание продвигались успешно. Осуществилась древняя мечта: одно «я» располагало двумя телами. Можно ли было желать большего?

Какие изумительные вечера мы проводили! Мои переживания, хоть и не из первых рук, были искренними. До сих пор помню первуюссору с Илэйн: как красива она была в своем упрямстве и как чудесно было последовавшее примирение!

Кстати, «примирение» обнаружило некоторые проблемы. Я запрограммировал Чарлза II не преступать в своих действиях определенных границ. Но жизнь показала, что человек не может предусмотр-

реть все хитросплетения в отношениях двух независимых существ, особенно если одно из них — женщина. Ради большего правдоподобия мне пришлось пойти на уступки.

После первого потрясения я уже с интересом следил за собой и Илэйн. Какой-нибудь надутый психиатр, вполне вероятно, распознал бы в этом эротоманию или что-то и похуже. Однако подумать так — значит пренебречь самим естеством человеческой натуры. В конце концов какой мужчина не мечтает посмотреть на себя со стороны!

Мои отношения с Илэйн развивались драматически, в поразившем меня направлении. Появилось какое-то отчаяние, какое-то любовное безумие, в чем я никогда не мог себя заподозрить. Наши встречи приобрели оттенок возвышенной печали, окрасились чувством надвигающейся неотвратимой утраты. Порой мы вовсе не разговаривали, просто сидели, держась за руки и не отрывая глаз друг от друга. А однажды Илэйн расплакалась без всякой видимой причины. «Что же нам делать?», — прошептала она. Я гладил ее волосы и не знал, что сказать.

Разумеется, я прекрасно понимаю, что все это происходило с роботом. Но робот был мной — моим двойником, моей тенью. Он вел себя так, как вел бы себя в подобной ситуации я сам; следовательно, его переживания принадлежали мне.

Все это было крайне интересно. Но настало пора подумать и о свадьбе. Я велел роботу предложить дату обручения и прекратить ухаживание как таковое.

— Ты молодец, — похвалил я. — Когда все завершится, тебе сделают пластическую операцию, наделят новыми личностными характеристиками и ты займешь почетное место в моей фирме.

— Благодарю вас, сэр, — проговорил Чарлз II.

Его лицо было непроницаемо, и голос выражал идеальное послушание. Он отправился к Илэйн, унося мой последний дар.

Наступила полночь, а Чарлз II не возвращался. Я начал беспокоиться. К трем часам ночи я истерзал себя самыми нелепыми фантазиями, обнаружив, что способен на самую настоящую ревность. Мучительно тянулись минуты. Мои фантазии приобрели садистский характер: я уже представлял, как жестоко отомщу им обоим: роботу за неповинование, а Илэйн за глупость — принять механическую подделку за настоящего мужчину!

Наконец я забылся сном.

Но и утром Чарлз II не пришел. Я отменил все дневные встречи и помчался к Илэйн.

— Чарлз! — воскликнула она. — Вот неожиданность! Я так рада!

Я вошел в ее квартиру с самым беспечным видом, решив сохранять спокойствие, пока не узнаю точно, что произошло ночью.

— Неожиданность? — переспросил я. — Разве я не упоминал, что могу зайти к завтраку?

— Возможно, — сказала Илэйн. — Честно говоря, я была слишком взволнована, чтобы запомнить все твои слова.

— Но ты помнишь остальное?

Она мило покраснела.

— Конечно, Чарлз. У меня на руке до сих пор остался след.

— Вот как!

— И болят губы.

— Я бы не отказался от кофе.

Она налила кофе, и я в два глотка осушил чашку.

— Ты узнаешь меня? Не находишь ли перемен со вчерашнего вечера?

— Разумеется, нет, — удивилась она. — Я, кажется, знаю все твои настроения. Чарлз, что случилось? Тебя что-то огорчило вчера?

— Да! — дико закричал я. — Мне вспомнилось, как ты голая танцевала на веранде! — Я пристально смотрел на нее, ожидая взрыва негодования.

— На меня что-то нашло, — нерешительно проговорила Илайн. — К тому же я не была совсем голой... Ты же сам попросил...

— Да. Да-да... — Я смутился, но решил не отступать. — А когда ты пила шампанское из салатницы...

— Я только отхлебнула, — вставила она. — Это было чересчур дерзко?

— А помнишь, как мы, совсем обезумев, поменялись одеждой?

— Какие мы с тобой испорченные! — рассмеялась она.

Я встал.

— Илайн, что именно ты делала прошлой ночью?

— Странный вопрос, — произнесла она. — Была с тобой. Все, о чем ты говорил...

— Я это выдумал.

— Тогда с кем был ты?

— Я был дома, один.

Она замолчала и минуту собиралась с мыслями.

— Чарлз, мне надо тебе признаться...

Я в ожидании скрестил руки на груди.

— Я тоже вчера была дома одна.

Мои брови поползли вверх.

— А остальные дни?

Она глубоко вздохнула.

— У меня больше нет сил тебя обманывать. Мне действительно хотелось старомодного ухаживания. Но когда настала пора, я убедилась, что у меня нет на это ни минуты. Видишь ли, как раз заканчивался

курс ацтекской керамики, и меня выбрали председателем Лиги помощи алеутам, да и мой новый магазин женского платья требовал особого внимания...

— И что ты сделала?

— Ну, не могла же я сказать тебе: «Послушай, давай бросим эти ухаживания и поженимся». В конце концов мы едва были знакомы.

— Что ты сделала?

Она покрурила голову.

— Кое-кто из моих подруг попадал в подобные переделки... Они обращались к одному специалисту по роботам, Снэйт... Почему ты смеешься?

— Я тоже должен тебе признаться. Снэйт помог и мне.

— Чарлз! Ты послал робота ухаживать за мной? Как ты мог? А если бы я сама...

— По-моему, ни ты, ни я не вправе возмущаться. Твой робот вернулся?

— Нет. Я решила, что Илэйн II и ты...

Я покачал головой.

— Я никогда не встречался с Илэйн II, а ты — с Чарлзом II. Наши роботы, надо думать, так увлеклись друг другом, что сбежали вместе.

— Разве роботы на это способны?

— Наши — способны. По всей видимости, они перепрограммировали друг друга.

— Или просто полюбили, — с завистью произнесла Илэйн.

— Я выясню, что произошло. Но сейчас, Илэйн, давай подумаем о себе. Предлагаю пожениться при первой же возможности.

— Да, Чарлз, — промурлыкала она.

Мы поцеловались. А потом кропотливо стали координировать наши графики.

Мне удалось проследить беглецов до космопорта Кеннеди. Оттуда они попали на Пятую станцию, где

пересели на экспресс, отправлявшийся к созвездию Кентавра. Продолжать поиски не имело смысла. Они могли избрать любую из дюжины планет.

Пережитое оказалось на нас с Илэйн глубокое впечатление. Мы поняли, что слишком привержены принципу «время — деньги» и пренебрегаем простыми древними радостями. И поступили, как подсказали наши сердца, — выкроили по часу из каждого дня — семь часов в неделю! — лишь для того, чтобы быть вместе. Друзья считают нас глупыми романтиками, но мы не обращаем на это внимания. Чарлз II и Илэйн II, наши «альтэр эго», одобрили бы нас.

Осталось добавить только одно. Как-то ночью Илэйн проснулась в истерике. Ей привиделось во сне, что Чарлз II и Илэйн II — настоящие люди, которые вырвались из холодной деловитости Земли в какой-то другой, простой и более щедрый на человеческое тепло мир. А мы — роботы, оставленные на их месте и запрограммированные верить в то, что мы люди.

Я объяснил Илэйн всю нелепость ее сна. Это было непросто и заняло много времени, но в конце концов я ее убедил. Мы — счастливая пара. Теперь я должен кончать свой рассказ и идти работать.

## Дипломатическая неприкосновенность\*

Вид у посла был вовсе не угрожающий. Среднего роста, изящно сложен, в строгом коричневом твидовом костюме (подарок Госдепартамента). Лицо одухотворенное, равнодушное, тонкие черты.

«Ну совсем как человек», — думал полковник Серси, сверля пришельца взглядом бесцветных и бесстрастных глаз.

— Чем могу служить? — с улыбкой спросил посол.

— Президент поручил мне вести ваше дело, — ответил Серси. — Я ознакомился с ответом профессора Даррига, — он кивнул в сторону своего спутника, — но хотелось бы узнать обо всем из первых уст.

— Естественно, — согласился пришелец и закурил сигарету. По-видимому, просьба доставила ему искреннее удовольствие.

«Любопытно», — подумал Серси. Ведь прошла неделя, как посол приземлился, и ведущие учёные страны, казалось бы, успели вымотать из него душу.

— Я прибыл, — заговорил пришелец, — как чрезвычайный посол, представитель федерации, охватывающей половину Галактики. Я привез вам приветствия своего народа и приглашение вступить в нашу межпланетную организацию.

\* Печатается по изд.: Шекли Р. Дипломатическая неприкосновенность. Пер. с англ. — М. Знание, 1970 («Знание — сила», № 3). — Пер. изд.: Sheckley R. *Diplomatic immunity: The people trap*. Pan Books, Lnd., 1972.

© Перевод на русский язык с сокращениями, «Мир», 1984.

— Понятно, — ответил Серси. — Кое у кого из ученых сложилось впечатление, что это не приглашение, а требование.

— Вы будете участвовать в содружестве, — сказал посол. — Хотите того или нет.

— Как вы нас разыскали? — осведомился Серси.

— За каждым из чрезвычайных послов закрепляют неисследованный участок космоса, — объяснил пришелец. — Мы обшариваем каждую звездную систему этого участка в поисках планет, а каждую планету — в поисках разумной жизни. Как известно, разумная жизнь в Галактике — большая редкость.

Серси кивнул, хотя до сих пор это было ему неизвестно.

— Обнаружив планету, населенную разумными существами, мы высаживаемся на ней, как я это и сделал, проводим подготовительную работу среди обитателей для вступления в наше содружество.

— А как ваш народ узнает, что вами обнаружена разумная жизнь? — поинтересовался Серси.

— В организм чрезвычайного посла вмонтировано передающее устройство, — ответил пришелец. — Когда мы попадаем на населенную планету, оно включается. В космос начинают поступать сигналы, которые можно принять на расстоянии до нескольких тысяч световых лет. Как только сигнал принят, на планету снаряжают отряд.

Он аккуратно стряхнул пепел в пепельницу.

— Такой метод имеет бесспорные преимущества: отпадает необходимость бросать слишком мощные силы на бесплодный поиск, который может затянуться на десятилетия.

— Понятно. — Лицо Серси оставалось бесстрастным. — Расскажите подробнее, что это за сигнал, если можно.

— Подробности вам ни к чему. Земная техника

не в состоянии ни уловить его, ни тем более заглушить. Пока я жив, передача ведется непрерывно.

Дарриг с порывистым вздохом покосился на Серси.

— Но если вы прекратите передачу раньше, чем сигнал будет перехвачен, — обронил Серси, — нашу планету не отыщут.

— Не отыщут, пока снова не обследуют ваш сектор, — согласился дипломат.

— Прекрасно. Как полномочный представитель президента США, прошу вас прекратить передачу. Мы не желаем входить в состав вашей федерации.

— Мне очень жаль, — посол непринужденно пожал плечами. Видно, он не впервые участвовал в подобных переговорах. — Но я ничем не могу помочь.

Посол встал.

— Значит, не прекратите?

— Это не в моей власти. Однако я разрабатываю для вас систему представлений. Как посол я обязан предельно смягчить психологический удар. Из этой новой системы вам сразу же станет ясно...

Серси выхватил пистолет. Тело посла изрешетили шесть пуль. И он исчез.

Серси переглянулся с Дарригом. Тот пробормотал что-то насчет призраков. Но тут посол столь же внезапно появился вновь.

— По-вашему, все так просто? — проговорил он. — Мы, послы, хотите вы этого или нет, обладаем дипломатической неприкосновенностью. — Он потрогал пальцем одну из дырочек, пробитых пулями в стене. — Убить меня — выше ваших сил. Всего доброго, джентльмены.

Дарриг и Серси в молчании отправились на командный пункт.

— Надеюсь, вы все видели, Мэлли? — спросил полковник Серси, когда они вошли в помещение.

Худощавый лысеющий психиатр грустно кивнул:

— Даже заснял на пленку.

Серси подошел к экранам. Квартиру для посла скоропалительно соорудили спустя два дня после того, как он приземлился и передал приглашение. Стены квартиры обили свинцом и сталью, утыкали теле- и кинокамерами, магнитофонами и бог знает чем еще.

Посол сидел за столом. Он что-то печатал на портативной пишущей машинке, предоставленной ему правительством США.

— Эй, Гаррисон! — крикнул Серси. — Пора приступать к плану номер два.

Из соседнего помещения вынырнул Гаррисон. Он методично проверил показания приборов, что-то отрегулировал и поднял глаза на Серси.

— Можно начинать? — спросил он.

— Начинайте, — ответил Серси, не отрывая глаз от экрана.

Гаррисон нажал какую-то кнопку, и кабинет посла мгновенно превратился в подобие доменной печи.

Серси выждал еще минуты две, затем подал знак Гаррисону, и тот повернул какой-то тумблер. Огонь исчез.

Посол вновь возник за столом и разочарованно посмотрел на кучку спекшегося металла на месте пишущей машинки. На нем самом не было даже копоти.

— Нельзя ли попросить другую машинку? — обратился он к одной из тщательно замаскированных телекамер. Потом уселся в обгоревшее кресло и через секунду, по всему судя, заснул.

— Самое время собрать военный совет, — сказал Серси.

Мэлли оседлал стул. Гаррисон, усевшись, поднес огонек к трубке и принялся неторопливо попыхивать, раскуривая ее.

— Итак, — начал Серси, — правительство свалило все на наши плечи. Посла надо уничтожить, иначе Земля станет неизвестно чьей колонией. Ответственность за это возложена на меня. — Серси смущенно улыбнулся. — Вероятно, наверху никто не хочет отвечать за неудачу. А вас троих я выбрал себе в помощники. Мы получим все, что потребуем, любую помощь, любую консультацию. А теперь — есть ли у вас идей?

— Как насчет плана номер три? — спросил Гаррисон.

— Дойдет черед и до него, — сказал Серси. — Но, по-моему, он не подействует.

— По-моему, тоже, — согласился Дарриг. — Мы ведь даже не знаем, каким способом посол защищается от опасности.

— Вот это и есть первоочередная проблема. Мэлли, возьмите все данные, которыми мы располагаем, и распорядитесь ввести их в анализатор Дерихмана. Вы ведь знаете, какие сведения нужно получить? «Каковы свойства X, если X умеет то-то и то-то?»

— Есть, — отчеканил Мэлли и вышел.

— Гаррисон, — сказал Серси, — все ли готово к осуществлению плана номер три?

— Конечно.

— Попробуем.

Серси тщательно подобрал себе штат. Он не гнался за большим количеством сотрудников, для него важнее были их деловые качества.

Так первым его избранником стал Гаррисон. Крепко сбитый, вечно хмурый конструктор славился тем, что может сконструировать что угодно, лишь

бы у него было хоть смутное представление о принципе действия нужного устройства.

Мэлли был отменным психиатром.

Дарриг занимался математической физикой, но его беспокойный, пытливый ум рождал интереснейшие теории и в других областях науки. Для Даррига посол представлял собой своего рода головоломку.

— Готово! — сообщил Гаррисон.

— Отлично. Давайте.

В комнату посла хлынул невидимый поток гамма-лучей. Однако их смертоносное действие пришлось на пустое кресло.

— Хватит, — немного погодя сказал Серси. — От этого околело бы и стадо слонов.

Посол же пять часов пребывал в невидимом состоянии, а когда радиация пошла на убыль, вновь появился в комнате.

— Так я жду машинку, — напомнил он.

— Есть заключение анализатора. — Мэлли протянул пачку бумаг. — А вот резюме.

Серси прочитал вслух: «Простейший способ защиты от того или иного конкретного оружия — стать тем или иным конкретным оружием».

— Превосходно, — сказал Гаррисон. — Но что это значит?

— Это значит, — пояснил Дарриг, — что когда мы угрожаем послу огнем, он сам превращается в огонь. Когда мы в него стреляем, он превращается в пулью — и так до тех пор, пока опасность не проходит, а там он возвращает себе прежнее обличье.

Дарриг взял у Серси бумаги и принялся их перелистывать.

— Гм... Это вполне убедительно. Всякий другой принцип защиты требует сначала опознать оружие, затем оценить его, а уже потом принимать контр-

меры в соответствии с потенциальными возможностями этого оружия. У посла защита намного надежнее и срабатывает мгновенно. Ему не приходится опознавать оружие. Скорее всего, его тело каким-то образом мгновенно отождествляется с тем, что ему в данное мгновение угрожает.

— Есть ли способ преодолеть такую защиту? — спросил Серси.

— Анализатор недвусмысленно указывает, что, если вывод верен, такого способа нет, — угрюмо заметил Мэлли.

В последующие дни смерть обрушивалась на посла во всех мыслимых формах и очертаниях. Его защищали оружием, начиная с каменных топоров и кончая современными атомными гранатами, топили в кислотах, душили ядовитыми газами.

Посол философски пожимал плечами и продолжал печатать на очередной новой машинке. На нем самом не появилось ни царапины, зато квартира выглядела так, словно в ней вот уже полвека идет беспрерывный пьяный дебош.

Мэлли разрабатывал одну идею, с другой носился Дарриг. От своих трудов физик оторвался, лишь чтобы пересказать сагу о Бальдре. Ничем нельзя было уязвить Бальдра, ибо его мамаша — супруга бога Одина — со всех и каждого на Земле взяла страшную клятву — не причинять вреда ее дитяти. Только жалкую омелу ие стала она связывать словом. И в конце концов Бальдр был убит стрелой из веточки омелы. Серси пожал плечами, но на всякий случай поручил интендентам раздобыть омелу.

Прошла неделя, и посла, не встретив возражений с его стороны, переселили в новую, более прочную и надежную камеру. В прежнюю никто не осмеливался войти: отпугивали болезнестворные бактерии и высокая радиоактивность.

Посол возобновил работу за пишущей машинкой.

— Побеседуем с ним, — предложил Дарриг на другой день.

Серси согласился. Все равно пока идеи иссякли.

— Заходите, джентльмены, — сказал посол так радушно, что Серси стало не по себе. — К сожалению, мне нечем вас угостить. По досадному недосмотру меня уже десятый день не снабжают ни пищевой, ни водой. Меня-то это, конечно, не волнует.

— Рад слышать, — отозвался Серси.

Глядя на посла, никто бы не догадался, что он отразил написк всех земных средств умерщвления. Напротив, можно было подумать, что бомбежку перенесли Серси и его сотрудники.

— Ну и защита у вас, — дружелюбно произнес Мэлли.

— Вам нравится?

— Скажите, пожалуйста, а каков ее принцип? — невинно спросил Дарриг.

— Разве вы не знаете?

— Кажется, знаем. Вы становитесь тем, что вам угрожает. Правда?

— Безусловно, — подтвердил посол. — Как видите, я от вас ничего не скрываю.

— Примите от нас что-нибудь в благодарность за то, что вы прекратите передачу, — предложил Серси.

— Это что же, взятка?

— Ну зачем же так... — сказал Серси. — Все, что ни...

— Нет, — отрезал посол.

— Будьте благоразумны, — настаивал Гаррисон. — Вы же не хотите развязать войну верно? Сейчас на Земле установилось согласие между государствами — общие силы будут направлены против вас. Мы вооружаемся...

— Чем?

— Атомными бомбами, — ответил Мэлли. — Водородными. Мы...

— Сбросьте на меня бомбу, — прервал посол. — Она не причинит мне вреда, как не причинит вреда моим соплеменникам.

Все четверо замолчали. Об этом они как-то не подумали.

— Уровень ведения войны, — заявил посол, — истинное мерило всякой цивилизации. Стадия первая — применение простейших орудий уничтожения. Стадия вторая — овладение материсой на молекулярном уровне. Сейчас вы приближаетесь к третьей стадии, хотя все еще далеки от полного контроля над атомными и субатомными силами. — Он обаятельно улыбнулся. — Моя цивилизация приближается к вершине пятой стадии.

— Это что же за стадия? — полюбопытствовал Дарриг.

— Увидите, — уклонился от ответа посол. — Но, может быть, вам интересно, насколько типичны мои способности для моих соплеменников? Могу вас заверить, что они вовсе не типичны. Чтобы при выполнении своего задания я не превысил своих полномочий, в меня введены кое-какие ограничения, позволяющие мне совершать лишь пассивные действия.

— Это почему же? — спросил Дарриг.

— Всякое активное действие, совершенное под горячую руку, способно стереть планету в порошок. А вообще обычно к нашим предложениям планеты проявляют гораздо больший интерес. Разрабатываемая же в каждом случае система, уверяю вас, сильно облегчает перестройку.

Он протянул посетителям стопку бумаг с машинописным текстом.

— Может, хоть бегло пролистаете?

Дарриг взял у посла бумаги и сунул в карман.

— Если найдется время.

— Рекомендую полюбопытствовать на досуге, —  
сказал посол.

— Вот что, — заявил Мэлли, когда они вернулись  
на командный пункт. — Мы еще не все испробовали.  
Пустим в ход психологию?

— Хоть черную магию, — согласился Серси. —  
Что вы имеете в виду?

— Насколько я понимаю, — объяснил Мэлли, —  
посол мгновенно реагирует на опасность. У него  
безотказный защитный рефлекс. Давайте прибегнем  
к чему-нибудь такому, на что этот рефлекс не рас-  
пространяется.

— Например? — сказал Серси.

— Например, к гипнозу. Может, что-нибудь вы-  
ведаем.

— Попытайтесь, — сказал Серси. — Любой ценой.

В комнату посла ввели крошечную дозу легкого  
гипнотизирующего газа, и Серси, Мэлли и Дарриг  
уселись перед видеокраном. Одновременно в крес-  
ло, где сидел посол, был дан электрический импульс.

— Это чтобы отвлечь внимание, — прокомменти-  
ровал Мэлли.

Посол исчез прежде, чем его поразил электричес-  
кий ток, и вскоре вновь появился в кресле.

Немного погодя он отложил книгу и уставился в  
пустоту.

— Как странно, — произнес он. — Альферн  
мертв. Добрый испытанный друг... Идиотская слу-  
чайность. Наткнуться на нее в пути — катастрофичес-  
ки не повезло. Он был обречен. На пути у него та-  
илось... Но такое не часто встречается.

— Думает вслух, — прошептал Мэлли.

— Должно быть, гибель друга не идет у него из головы.

— Конечно, — продолжал посол, — когда-нибудь Альферн должен был умереть. Бессмертие пока недостижимо. Но такая смерть... И нет защиты... Нечто, вечно ждающее своего часа. Хотя принцип упорядочения держит все это в рамках, сглаживает...

Посол вскочил, побледнев. Казалось, он пытается что-то вспомнить. И тут рассмеялся.

— Остроумно. Такую шутку вы сыграли со мной в первый и последний раз. Но, джентльмены, она не сослужит вам службы. Я и сам не знаю, чем меня можно доконать...

Посол снова уселся в кресло, чему-то тихо улыбаясь.

— Что и требовалось доказать! — возликовал Дарриг. — Он уязвим. Погиб же от чего-то его друг Альферн.

— От чего-то в космосе, — напомнил ему Серси. — Но от чего?

— Дайте сообразить, — размышлял Дарриг вслух. — Принцип упорядочения. Это, надо думать, неизвестный нам закон природы. А таилось... что там, в космосе, может таиться?

— Мне кажется, я знаю! — воскликнул Дарриг. — Потрясающе. Это может выплыть в новую космологию! Пойду-ка я к себе в отель. Мне надо поднять кое-какие материалы. Желательно, чтобы в ближайшие несколько часов меня никто не тревожил. — И он выбежал из помещения.

— Ну вот что, — сказал Серси на следующий день, — начнем шевелить мозгами. Куда запропастился Дарриг?

— Все продумывает свою идею, — ответил Мэлли, потирая заросший подбородок.

— Будем исходить из допущения, что его идея порочна, — сказал Серси. — Давайте рассуждать. Например, если посол способен превратиться во что угодно, есть ли что-нибудь такое, во что он не способен превратиться?

— Хороший вопрос, — буркнул Гаррисон.

— А что если сделать так, — предложил Мэлли. — Пусть он превращается во что угодно, мы поставим его в такое положение, что опасность будет грозить ему уже после превращения.

— Конкретнее, — сказал Серси.

— Предположим, ему что-то угрожает. Он превращается в источник опасности. А если что-то угрожает именно этому источнику? И в свою очередь само находится под какой-то угрозой? Что он тогда делает?

← А как это осуществить? — спросил Серси.

— А вот как. — Мэлли снял телефонную трубку. — Алло! Соедините меня с зоопарком. Срочно.

В комнату впихнули упирающегося тигра. Дверь захлопнулась. Тигр посмотрел на посла, посол — на тигра.

— Изобретательно, — одобрил посол.

Тигр прыгнул, точно расправившаяся пружина, и опустился там, где только что сидел посол.

Дверь снова приоткрылась. В комнату впихнули второго тигра. Он злобно ощерился и прыгнул на первого. Оба столкнулись в воздухе.

В нескольких футах от них появился посол и стал наблюдать за дракой. Он отстранился, когда в дверь втолкнули льва, настороженного и готового к бою. Лев прыгнул на посла и едва не перекувырнулся, не обнаружив добычи на месте. Раздраженный лев вцепился в одного из тигров.

Посол вновь обнаружился в кресле — он курил и спокойно смотрел, как звери рвут друг друга.

— Сдаюсь, — сказал Мэлли. — Больше ничего в голову не приходит.

Серси, не отвечая, уставился в пол. Гаррисон в углу тихо накачивался неразбавленным виски.

Зазвонил телефон. Серси снял трубку.

— Да?

— Раскусил! — услышал он торжествующий голос Даррига. — На сей раз, по-моему, дело в шляпе. Еду. Велите Гаррисону вызвать подручных.

— А в чем дело? — спросил Серси.

— В хаосе, который подо всем этим таится! — ответил Дарриг и бросил трубку.

В нетерпеливом ожидании все трое мерили помещение шагами.

Полчаса, час... Только через три часа после звонка в помещение неторопливо вошел Дарриг.

— Привет, — бросил он небрежно.

— К дьяволу приветы! — закричал Серси. — Где вас носило?

— По пути я ознакомился с разработанной послом системой, — ответил Дарриг. — Это шедевр. Я попросил водителя ездить вокруг парка, пока не прошел все до конца.

— Оставим это. В чем же..

— Этого нельзя оставить, — перебил Дарриг странным, напряженным голосом. — Боюсь, что мы заблуждались. Относительно пришельцев. Если они станут нашими правителями, а Земля — колонией, это будет вполне разумно и справедливо. Откровенно говоря, я даже мечтаю, чтобы они скорее прилетели.

Голос Даррига дрожал, на глаза градом катился пот:

— Я понял... Да ладно, Серси. Давайте кончим дурить и признаем посла нашим другом.

— Успокойтесь! — заорал Серси на физика. — Вы сами не знаете, что говорите.

— Странно, — бормотал Дарриг. — Я знаю, что я думал... Теперь я так не думаю. Мне ясно, в чем ваша беда. Вы не знакомы с системой... Вы поймете меня, как только прочтете...

Он протянул Серси стопку бумаг. Серси тут же поднес к ней свою зажигалку.

— Неважно, — сказал Дарриг. — Я помню все слово в слово. Вот послушайте. Аксиома первая: все разумные существа...

Серси выбросил вперед мощный кулак, и Дарриг свалился на пол.

— Очевидно, текст рассчитан на определенную эмоциональную реакцию. Это своего рода гипноз, — прокомментировал Мэлли.

— Теперь все в ваших руках, — обратился к нему Серси, — Дарриг нашел разгадку или думал, что нашел. Вам придется вытянуть ее из него.

— Это не так просто, — проговорил Мэлли. — У него ведь будет ощущение, что, выдавая нам тайну, он предает правое дело.

— Ка вы этого добьетесь, меня не касается, — отмахнулся Серси. — Лишь бы добились.

— Даже с риском для его жизни? — спросил Мэлли.

— Даже с риском для вашей.

В тот вечер Серси с Гаррисоном допоздна не покидали командный пункт, наблюдая за послом. В голове Серси лихорадочно путались мысли.

Что погубило Альферна в космосе? Можно ли смоделировать это «нечто» и на Земле? Что такое «принцип упорядочения»? Как это — «хаос таится»?

— Как по-вашему, кто такой посол? — спрашивал он Гаррисона. — Человек?

— Похоже, — сонно отвечал Гаррисон.

— Это только с виду. Интересно, каков его настоящий облик?

Гаррисон качал головой и раскуривал трубку.

— Что он собой представляет? — не унимался Серси. — Ведь преображается во что угодно. Ничем его не проймешь — вот адаптация! Как вода, принимает форму любого сосуда. Но ведь индивидуальность-то его сохраняется. Сохраняется некая постоянная структура. Какие бы метаморфозы он ни претерпевал, что-то в нем остается неизменным. Иначе он никак не мог бы обрести прежний вид.

— Как тесемка, — произнес Гаррисон, не размыкая век.

— Вот именно. Завяжи ее узлами, сплети в жгут, намотай на палец — она останется тесемкой.

«Но как одолеть эту структуру? — без конца спрашивал себя Серси. — А может, поспать? К черту посла вместе с ордой колонизаторов, сейчас я хоть на миг закрою глаза...»

— Проснитесь, полковник!

Серси через силу разомкнул веки и посмотрел на Мэлли. Рядом самозабвенно хралел Гаррисон.

— Удалось?

— Нет, — признался Мэлли. — Текст на него слишком глубоко подействовал. Правда, не до конца. Дарриг знает, что раньше имел веские основания уничтожить посла. Теперь его позиция изменилась, зато он чувствует, что предает нас. С одной стороны, он не может причинить вред послу, с другой — не хочет причинить вред нам. Боюсь, он безнадежно помешался.

Серси отвернулся — у него потемнело в глазах.

Даже если Даррига удастся вылечить, может оказаться слишком поздно. Сигнал посла будет принят — и на Землю хлынут пришельцы.

— А это что? — спросил Серси.

— Клочок бумаги, на котором Дарриг что-то писал.

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — та же Медуза Горгона», — прочитал Серси.

— Похоже на шизофренический бред, — заключил психиатр.

— «По зрелом размышлении я пришел к выводу, что хаос — та же Медуза Горгона», — повторил Серси. — А может быть, таким образом Дарриг старался навести нас на решение? — спросил он у Мэлли. — Может, тайком от себя подсказывал нам ответ.

— Возможно, — согласился Мэлли. — Но что означают эти слова?

— Согласно древнегреческой мифологии, хаос — первоначальное состояние Вселенной. Не так ли? Бесформенность, породившая мир.

— Вроде того, — сказал Мэлли. — А Медуза — одна из трех сестер с жуткими физиономиями.

Еще с секунду Серси вчитывался в запись. Хаос... Медуза... И закон упорядочения! Конечно!

Серси с грехом пополам растолкал Гаррисона.

— Надо кое-что смастерить, — сказал он, — и срочно. Вы меня слышите?

— Конечно. — Гаррисон похлопал глазами и встал. — Но зачем такая спешка?

— Я теперь знаю, что хотел сообщить Дарриг, — ответил полковник. — Идемте, я вам объясню, что от вас требуется. А вы, Мэлли, отложите шприц в сторонку. Я пока не спятил. Лучше добудьте мне книгу по греческой мифологии. Да поскорее.

Достать в два часа ночи книгу по греческой ми-

фологии — дело нелегкое. С помощью агентов ФБР Мэлли вытащил букиниста из постели, получил книгу и заторопился назад.

Серси ждал, только воспаленные глаза говорили о необычайном возбуждении полковника. Гаррисон с подручными хлопотал над тремя неведомыми аппаратами. Серси выхватил у Мэлли книгу, нашел в оглавлении нужные страницы и, просмотрев их, отложил томик в сторону.

— Великие люди были эти древние греки, — заключил он. — Теперь у нас все готово. А у вас, Гаррисон?

— Почти, — Гаррисон и десять его подручных монтировали последние детали. — Может, все-таки объясните, что вы затеяли?

— Я бы тоже хотел послушать, — ввернул Мэлли.

— Да нет здесь никаких тайн, поймете по ходу дела, — сказал Серси. — Время поджимает. — Он встал. — А теперь разбудим посла.

С потолка на постель посла метнулся электрический разряд. Посол исчез.

— Теперь он стал частью электронного потока, верно? — сказал Серси.

— Так он утверждает, — откликнулся Мэлли.

— Но в этом потоке он сохраняет костяк собственной структуры, — продолжал Серси. — Иначе он бы не мог обрести прежний облик. А теперь включим первый генератор помех — прерыватель.

Гаррисон включил свое творение и отоспал подручных.

— Смотрите на осциллограмму, — сказал Серси. — Замечаете разницу? — На экране с нерегулярными промежутками змеились и таяли зеленоватые пики. — Помните, вы загипнотизировали посла? Он заговорил тогда о своем друге, погибшем в космосе.

— Верно, — кивнул Мэлли. — Друга погубила какая-то неожиданность.

— Посол проговорился еще кое о чем, — продолжал Серси. — Что основной закон природы — принцип упорядочения — обычно не допускает таких происшествий. У вас это с чем-нибудь ассоциируется?

— Принцип упорядочения, — медленно повторил Мэлли. — Ведь Дарриг сказал, что это неизвестный нам закон природы.

— Сказал. Но последуйте примеру Даррига и подумайте о далеко идущих выводах. Если в природе имеется какая-то упорядочивающая тенденция, то, следовательно, есть и тенденция противоположная, препятствующая упорядочению. А то, что препятствует упорядочению, называется...

— Хаос!

— Вот что сообразил Дарриг и вот до чего должны были додуматься мы сами. Но в космическом пространстве есть места, где тенденция к упорядочению отступает перед хаосом. Альферн убедился в этом на собственном опыте. — Полковник обернулся к пульту. — Ладно, Гаррисон. Включайте второй излучатель.

Зигзаги на экране изменили конфигурацию. Зубцы и спады затянули бешеную бессмысленную пляску.

— Теперь возьмемся за запись Даррига. Медуза Горгона — нечто такое, на что нельзя смотреть. Помните? Кто взглянет на нее, тот сразу окаменеет. А Дарриг нашел родство между хаосом и тем, на что нельзя смотреть. Применительно к послу, разумеется.

— Посол не выдержит встречи с хаосом! — вскричал Мэлли.

— В том-то и дело. Посол способен на бесконечное число изменений и превращений. Но что-то ос-

новное — некая тайная структура — не должно изменяться, иначе от посла ничего не останется. То, во что посол превращается, надо лишить малейших признаков какого бы то ни было порядка. Привести его в состояние хаоса.

Включили третий излучатель. Осциллографмма стала похожа на след пьяной гусепицы.

— Идею излучателей белого шума подал Гаррисон, — сказал Серси. — Я просто спустил задание: получить электрический ток, лишенный какой бы то ни было упорядоченности. Первый излучатель изменяет все основные характеристики электрического тока. Такое у него назначение: ввести бессистемность. Второй устраниет закономерность, случайно внесенную работой первого; третий устраниет закономерности, которые могли остаться после работы двух первых.

— Это аналогия хаоса? — спросил Мэлли, глядя на экран.

Бешено металась осциллографмма, завывала аппаратура. Но вот в кабинете посла появилось какое-то туманное пятно. Оно колыхнулось, сжалось, стало расширяться...

Затем все, что оказалось в пределах пятна, исчезло.

— Отключить! — рявкнул Серси.

Гаррисон рванул рубильник.

Пятно продолжало расти.

— А мы-то почему наблюдаем все это безнаказанно? — удивился Мэлли, не отрывая от экрана глаз.

— Экран служит нам щитом — дает зеркальное отображение, — пояснил Серси. — Персей тоже безнаказанно видел Медузу Горгону, пользуясь своим щитом как зеркалом.

— Растет! — простонал Мэлли.

— Производственный риск, — невозмутимо произнес Серси. — Всегда существует вероятность того, что хаос выйдет из-под контроля. Если это случится...

Края пятна замерли, потом колыхнулись, подернулись рябью и начали сжиматься.

— Закон упорядочения сработал, — сказал Серси и рухнул в кресло.

— Полагаю, посол отправился к своему Альферну, — сквозь нервный смех заключил Мэлли.

— Ступайте-ка в отель, — посоветовал Серси, — и отоспитесь. Внутренний голос мне говорит, что завтра предстоит камуфлировать планету.

# ЭТОТ МНОГОЛИКИЙ ШЕКЛИ

## Очерк творчества

Всякий литературовед — немножко бухгалтер: прочитал, разобрал, посчитал, классифицировал, разложил по ячейкам. Дебит — кредит. Все сходится.

А если не сходится?.. То-то удар по бухгалтерским нервам!..

В таком случае Шекли явно противопоказан литературоведу-бухгалтеру: у Шекли ничего не сходится, все кувырком, попробуй — разберись!

Его герой схватились «не на жизнь, а на смерть в типнической битве, которая, единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар — в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустранных скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара».

Какова цитатка, а?.. Кто что-нибудь понял, поднимите руку!.. Нет таких, никто ничего не понял. И поделом.

Потому что дальше — больше. Пока шокированы лишь чувства, а сейчас предстоит испытание разуму. Вот как Шекли мыслит себе утопию. Узаконить преступность — значит уничтожить ее как факт. Хотите избавиться от нищеты — да здравствует воровство! Сделайте конструктивным политическое убийство. Узаконьте беззаконие — и ничего будет нарушать. А справедливость, по мнению Шекли, — это не для утопии...

А вот социология «по Шекли»:

«...Вся жизнь на Земле опирается на строго уравновешенную систему убийств».

Цитирование легко можно было бы продолжить и без ущерба для собственной логики доказать, что Шекли — мрачный мизантроп, социально опасный человеконенавистник, а как стилист склонен к пустым формальным изыскам, которые ни уму, ни сердцу ничего не дают.

Но придет другой бухгалтер и начнет цитировать в свою очередь:

«...Он... сладко потянулся, испытывая несказуемое удовольствие от света, и воздуха, и ярких красок, от чувства удовлетворения и сознания того, что есть в этом мире дело, которое он должен исполнить, есть любовь, которую ему предстоит испытать, и есть еще целая жизнь, которую нужно прожить».

Где здесь мизантропия, где человеконенавистничество?

Или вот:

«Как только вы займете свое место в Галактическом Содружестве — и, смею вас уверить, это почетное место,— ваши войны прекратятся. К чему воевать — ведь это противоестественное занятие...»

Цитатничество тем и опасно, что надерганными из контекста абзацами, фразами, диалогами можно обвинить автора в чем угодно, а он, бедолага, ни в чем подобном не виноват. Да, Шекли искренне ненавидит войну, высмеивает тупоголовых «ястребов»-экстремистов. Да, он побаивается машинизации мира, считая, что никакая машина никогда не сможет стать панацеей от бед и забот человеческих. Да, он иной раз излишне «пасторален», он всерьез тоскует по «утерянным корням», бежит урбанизации. Да, он склонен видеть будущее не слишком светлым; он не отрицает, правда, что это — будущее его страны, но проецирует его на плашету в целом... Пожалуй, те самые «ястребы»-экстремисты, но не завтрашие, а нынешние, соотечественники и современники Шекли, вряд ли сумеют отыскать в разноречивом творчестве писателя так называемую «красную

угрозу». Более того, они вполне могут поднять на щит его роман «Хождение Джоэниса», в коем Шекли повествует об атомном копце света, о преддверии «армагеддона» и о финале его. Зло и безжалостно обличая военную истерию в США, неизбежно ведущую, по мнению автора, «к последнему берегу», Шекли не сумел увидеть (или не захотел?) в сегодняшнем мире сил, способных противостоять убийству и самоубийству цивилизации.

Я не собираюсь сейчас — заочно! — спорить с Робертом Шекли, убеждать его в том, что такие силы есть, что будущее — за этими силами и оно ничуть не напоминает мрачноватые, хотя и блестательно выписанные Шекли, картины нашего Завтра. Бессмысленно его в том убеждать. Роберт Шекли — типичный представитель (как мы привыкли писать в школьных сочинениях) творческой интелигенции США, я бы сказал даже — ее официальной элиты. Ему еще нет шестидесяти (он родился в 1928-м), он на зависть талантлив, на зависть плодовит и на зависть удачлив. Книги его выходят без задержки, фильмы по его сюжетам снимаются с хорошей регулярностью, журналы прямо-таки охотятся за его произведениями. За плечами Шекли — богатая биография, подарившая ему самые разные впечатления и ощущения. После окончания средней школы он работал садовником, буфетчиком, рассыльным, потом — армия, и не муштра вовсе, не какие-нибудь спецвойска, а служба редактором в газете, писарем, даже гитаристом в ансамбле. После армии — Нью-Йоркский университет, специальность инженера-металлурга и сразу же — литературная стезя. Достаточно сказать, что уже в двадцать шесть он был знаменит. Знаменитый писатель знаменитой страны... Не исключено, что он может повторить вслед за великим англичанином Киплингом: «Права она или нет — но это моя страна».

Можно, конечно, подосадовать на Шекли: экая зашоренность мышления! — но осуждать его вряд ли имеет смысл. Его право...

Мы же в свою очередь тоже имеем право на собственное мнение. И по поводу творчества Шекли, и по поводу «конца света».

Но нельзя не отметить главного и, на мой взгляд, доминирующего во всех — без исключения! — произведениях писателя, будь то роман, повесть или короткий рассказ. Это главное — бескompешная любовь автора к своему герою, вера в его силы, в его возможности, в его оптимизм, в его чувство юмора, наконец! (Впрочем, о чувстве юмора — позже...)

Вот рассказ «Особый старательский». Ситуация вполне «джеклондоновская», только (это же фантастика!) перенесенная на Венеру. На планете есть золото, которое по-прежнему в цене. Старатель Моррисон почти месяц один в пустыне. Вездеход (пескоход «по-вечериански»...), как видимо, сломался, воды нет, золото вот-вот обнаружится, во всяком случае, все признаки месторождения этого благородного металла налицо. Ясно, что Моррисон найдет прохладное золото, разбогатеет до нельзя, впоследствии оплатит и собственные долги, и долги друзей, а поначалу закажет прямо в пустыню (не забудьте о телепортации...) коктейль под названием «Особый старательский» — огромную, выше колокольни, чашу, наполненную чистой холодной водой. Сюжет, повторяю, «телепортирован» из лучших образцов американской литературы времен «золотой лихорадки». Но не в нем дело, как и не в фантастическом антураже. Шекли пишет своего старателя с явной любовью, наделяет его такими чертами характера, которые по давней литературной традиции всегда отличали разного рода первопроходцев. И главная из этих черт — целеустремленность. Всегда и везде. Вопреки так называемому здравому смыслу, олицетворением коего в рассказе становится весьма симпатичный, по-своему добрый и отзывчивый, но со всех сторон железный робот-почтальон. Моррисон верит в себя и свою удачу, а Шекли верит в Моррисона — «замечательного американского парня» Моррисона, быть может, потомка тех,

кто «в свое время» с ружьем в руках боролся за независимость, сражался за освобождение негров, в 40-е годы нашего века воевал с фашизмом в Европе. А уже в пятидесятых — с социализмом в Корее, в шестидесятых — во Вьетнаме... И всегда был твердо убежден, что сражается за «великую американскую мечту». В зависимости от времен менялась мечта. И «особый старательский» в нее вполне вмещается...

Я позволил себе некую толику иронии, потому что верю в неистребимое чувство юмора, которым наделен Шекли. Ведь тот же «Особый старательский» (я имею в виду рассказ, а не коктейль) можно принять всерьез, умилиться железной — что там робот! — напористости героя, пустить скучную слезу на сухой песок венерианской пустыни, который так и пытает жаром через обложку. А можно вместе с Шекли улыбнуться над бедолагой Моррисоном, который сейчас пустит в упомянутый песок десятки фантастических тонн голубой, прозрачной, холодной, безумно дорогой своей «великой американской мечты».

Впрочем, тут Моррисон — не первый и не последний...

Да, Шекли подсмеивается над Моррисоном, над счастливчиком Моррисоном, но разве смех — помеха любви?..

А что до юмора Шекли, так им пропитано каждое произведение. На первый взгляд в творчестве Шекли представлены все возможные жанры: тут вам и вестерн («Ордер на убийство», «Бесконечный вестерн»), и жгучая мелодрама («Бремя человека», «Шаломничество на землю»), и сатира («Билет на планету Транай»), и фантасмагория («Обмен разумов»), и лирическая проза («Заяц»), и жестокая драма («Три смерти Бена Бакстера»), и прочая, и прочая. И все было бы именно так, как означено в жанровых определениях, если бы не убийственная ирония автора. Именно убийственная: она напрочь сметает границы классических жанров, превращая каждую вещь сдва ли не в пародию на жанр.

Возьмем, к примеру, рассказ «Ордер на убийство».

Ситуация, повторяю, вполне в духе вестерна. Есть некий городок, крохотный и сонный, похожий на милые бутафорские городки кинематографического Дикого Запада, но расположенный на чертовски далекой от Земли планете Новый Дилавер. Мать-Земля, двести лет не подававшая никаких сигналов, вдруг вспомнила о своих сынах-первоходцах и послала к ним инспектора, чтобы проверить, все ли в колонии соответствует добрым старым земным традициям. А на Дилавере об этих традициях давным-давно забыли, на Дилавере собственными традициями живы люди. Но инспектор есть инспектор: мало ли какие кары повлечет за собой его визит! — и дилаверцы спешно восстанавливают то, что, по их мнению, должно соответствовать меркам земной жизни. Они строят церкви: так надо, хотя о религии здесь никто не вспоминает. Они сооружают «маленькое красное школьное здание»: так тоже надо, только в подобных зданиях и можно учить детей. Они назначают Маляра шефом, возводят тюрьму и срочно подыскивают человека на роль преступника: если есть тюрьма, значит, должен быть убийца или — паче чаяния! — вор. И тут Шекли вводит допуск: планета сама дает поселенцам все; за двести лет люди разучились убивать. Разве что рыбу?.. Вот Том Рыбак и станет убийцей...

Ситуация развивается по законам вестерна. Сначала неспешно, словно подчеркивая солнечную жизнь городка, а потом, вырываясь из нее, из этой жизни, на какие-то мгновения существуя над ней и вновь возвращаясь в привычное, рутинное, медленное русло. Назначенный убийца, испытав себя на мелких смешных кражонках, долго выбирает кого убить и в ужасе понимает, что все вокруг — его соплеменники, сотоварищи, соратники. И тогда он решает убить того, кто принес смути в поселок, кто нарушил спокойную жизнь колонистов, посеял разлад в душе Тома Рыбака — убить инспектора.

Пока, заметьте, автор жанру не изменяет, если не счи-

тать таких мелочей, как межзвездная связь, космические полеты, чужая планета...

Но вот настал решающий момент, по законам вестерна — пик, кульминация. И здесь Шекли, пустив в ход иронию, разом приникает классическую ситуацию: Рыбак не может убить, он органически не способен на сей «подвиг» даже для спокойствия колонии. А уж он-то — самый «звероватый» в Делавере, он рыбу бьет. Что ж тогда остальные?..

Инспектор улетает несолоно хлебавши: в его армии нужны воины, а не пацифисты. А Шекли устами новоиспеченного шерифа Билли Маляра произносит герою в утешение:

«Ты не виноват, Том. И никто из нас не виноват. Вот что получается, когда к людям двести лет не проникает цивилизация. Поглядите, сколько времени понадобилось Земле, чтобы стать цивилизованной. Тысячи лет. А мы хотели достигнуть этого за две недели».

Не правда ли, слово «цивилизация» звучит здесь куда как издевательски?..

Рассказ впрямую антивоенный. Но Шекли избегает «глобовых» решений. Отсюда — вестерн, а по сути — пародия на него. Отсюда — гротеск. Отсюда — добрая доза иронии. Шекли не щадит героев, но смех его добродушен и щедр. Вновь повторим: смех любви не помеха...

В рассказе «Страж-птица» — вы его только что прочитали! — Шекли, оставаясь внешне серьезным (еще бы: перед нами философская трагедия, если можно так вольно охарактеризовать этот жанр...), вновь прибегает к гротеску, к своеобразному — парадоксальному — кольцеванию идеи и сюжета. Для того чтобы уберечь человека от насильственной смерти, создана «страж-птица», механическое существо, должное предотвратить убийства. Но что такое «убийство», каковы его точные признаки, единого, сжато сформулированного определения не найдено. Поэтому птицы сделаны самообучающимися. В итоге процесс птичьего самообу-

чения доходит буквально до абсурда. Птицы — своей бездушной бдительностью — нарушили работу боен; мешают проводить хирургические операции в больницах; они и автомашины сочли живыми существами и не позволяют выключать зажигание; они не дают даже возделывать почву — земля-то живая... Короче, необходимо остановить птиц, иначе остановится жизнь. И тогда создается суперястреб, наделенный одним инстинктом — убивать. Пока его цель — птицы, но ведь он тоже самообучающаяся система...

Итак, одержимые благими намерениями остановить убийства, люди пришли к созданию универсальной машины-убийцы. Круг замкнулся.

И опять Шекли декларирует свое мнение устами героя:

«Давайте признаемся: мы ошиблись, нельзя механизками лечить недуги человечества... Машины нужны, спору нет, но в судьи, учители и наставники они нам не годятся».

Человек — сам хозяин своей судьбы. Истина, конечно, банальная, но ведь и банальную истину никто не отменял. Другое дело, что в каждодневной суете забываем мы эти простые истины, чураемся их: зачем они нам, банальные.. А раз банальные, раз привычные, что ж мы их не помним? Что ж не берем на вооружение?..

В конце концов, литература — всегда набор неких, зачастую банальных истин. Только у одних писателей из-под пера выходит «Анна Каренина» или «Преступление и наказание», а у других...

А Шекли вновь и вновь возвращается к этой неоднократно им самим означенной истине. В рассказе «Три смерти Бена Бакстера» фантастическая идея тоже отнюдь не нова. Это — путешествие во времени, возможность корректировать будущее вмешательством в прошлое. Классический временной парадокс под названием «убийство собственного дедушки». Айзек Азимов из такого парадокса сделал отточенную до изыска вещь — «Конец Вечности»,

где ничтоже сумняшися возвел вмешательство в прошлое, переделку прошлого в некий бесспорный принцип, без кое-го никакое мало-мальски пригодное для жизни будущее просто невозможно. Роберт Шекли в своей псевдотрагической шутке доказывает как раз обратное: ничье вмешательство извне человечеству не требуется, будь то всемогущие машины или еще более всемогущие потомки.

Сверх того, считает Шекли, всякое вмешательство антигуманно, поскольку забота о будущем здесь всегда обирается равнодушием к настоящему или прошлому. Вспомните с болью выстраданную мысль Ивана Карамазова о невозможности счастья, построенного на смерти ребенка. Радетели будущего из рассказа Шекли (как, к слову, и из романа Азимова) мало беспокоятся о чьих-то жизни и смерти. И если, например, последующего загрязнения атмосферы удастся избежать ценой жизни некоего субъекта и его потомков, то кого это остановит? Нет таких, уверждает Шекли в детективно выстроенном рассказе, но одновременно задается вопросом: а кто же их может остановить? Ответ у него, как всегда, парадоксален: жизнь и остановит, ее неумолимое течение, ее алогичная логика (вспомните коллизии всех трех новеллок-судеб!). И в самом деле, как только ни пытались воздействовать на героя: и силой, и убеждениями, и подкупом, иексом, — да только исход во всех случаях один, жизнь не свернуть с единственного пути...

Сколько их было, литературно-фантастических попыток «перевернуть» прошлое! И Гитлера убивали — еще до «пивного» путча. И с Наполеоном расправлялись — до русской кампании. Но никакая фантастическая идея, даже самая «безумная», не отменит точной и строгой логики марксизма, давно и доказательно определившего и роль личности в истории, и роль в ней случайностей. Тут, думается, Роберт Шекли, может быть, сам того не подозревая, проявил себя этаким стихийным диалектиком — не в пример Азимову.

...Пересказал я содержание нескольких вещей Шекли, вспомнил иные — тоже любимые мною — и подумал, что кое-кто может вообразить, будто творчество писателя вторично, будто он «дергает» идеи из чужих произведений, а собственных — наоригинальнейших! — идея ему, увы, не хватает. Ну во-первых, это не так. Только в представленном на ваш суд сборнике легко назвать рассказы «Охота», «Запретная зона», «Поднимается ветер». В них доминирует именно идея, они написаны ради фантастического допущения, а окрашенные авторским юмором, опять-таки добрым отношением писателя к героям, являются собой прекрасные образцы научной фантастики вообще и фантастики Шекли в частности.

Кроме того, говоря о творчестве Шекли, я бы особенно выделил его серию рассказов о двух веселых неудачниках из «ААА-ПОПС» — Астронавтического антиэнтропийного агентства по оздоровлению природной среды. Советские читатели еще прежде встречались с Грегором и Арнольдом в «Рейсе молочного фургона», «Индeterminированном ключе» (может, я что-то и упустил), в представленном на ваш суд сборнике они появляются в «Призраке-5» и «Необходимой вещи». Если мы уже отметили «джеклондоновские» традиции, явно сберегаемы Робертом Шекли, то тут очевидно влияние веселого, мудрого, пеузывающего О'Генри — с его Чиперсон и Таккером, этими «деловыми людьми», немножко жуликами, немножко изобретателями, немножко фокусниками, немножко артистами, а в общем — отличными парнями, не исключаю — предками Арнольда и Грегора.

Каждая из новелл этой серии в первую очередь — рассказ-идея, но не случайно автор объединил их в цикл общими персонажами: уж больно живыми, колоритными получились они, эти Арнольд и Грегор. И честно говоря, не очень ясно, ради чего созданы рассказы: ради пресловутых «безумных» идей (они, как говорится, имеют место) или ради этих двух агентов «ААА-ПОПС». Сълонен предположить, что последнее вернее..,

Фантастика — это часть Большой Литературы, а литература, по Горькому, — человесковедение...

Уж не ведаю, знает ли Роберт Шекли это определение, но даже представителей иных форм жизни он уверенно наделяет человеческими чертами. И вот уже Детрингер с планеты Ферлаг из рассказа «Вымогатель», умный, остроумный, правда малость нахальный, но симпатичный «преступник», кажется нам куда добродетельнее, ближе и приятнее, нежели и вправду добродетельный, во всех отношениях «правильный», человечный-расчеловеченный армейский дуб полковник Кеттельман. Последний — наш собрат по планете, но, думаю, мы охотно поменяли бы его на того же Детрингера: к нечеловеческой внешности можно привыкнуть, а с нечеловеческим образом мышления смириться нельзя. Ах, как напоминает бравый полковник его нынешних пентагоновских коллег, по каждому поводу бряцающих всякого рода оружием!..

Жизнь в будущем, придуманном писателем, не стоит пичего. Страшно!..

А в настоящем, которое окружает Шекли?..

Мне довелось посмотреть тревожный и честный американский фильм, который так прямо и называется: «Убийство Америки». Бесстрастно, документально (и от того еще более страшно!) рассказывая о многочисленных случаях массовых убийств в городах США, об убийцах-наркоманах, о свихнувшихся «героях» войны во Вьетнаме, о каждодневном ракете, о широкой и свободной продаже оружия, создатели фильма делают горький, но закономерный вывод: Америка — на грани конца. Ее расстреливают ежедневно: из кольтов, смит-и-вессолов, карабинов и даже автоматов — на улицах, в квартирах, в магазинах, в подъездах. Но мало того — и об этом кинематографисты, обеспокоенные уголовной преступностью в США, не вспоминают, — каждодневно Америку убивают в Никарагуа, в Сальвадоре, на Ближнем Востоке... Американская военщина, всякого рода кеттельманы, ведя сынов страны убивать, сама же — с помощью

тех же сынов — и убивает свободу, демократию, права человека. Убивает Америку. Не только в Америке — в разных концах света.

Можно ли обвинять Шекли в излишней мрачности его прогнозов? Я бы поостерегся...

Раз уж мы заговорили о кинопрофилактике, стоит вспомнить рассказ «Бесконечный вестерн», где прогнозируется лихое и раздольное будущее, в коем кинематограф пришел на службу убийству или, наоборот, убийства пришли служить десятой музею, музею кино. Та же мысль: жизнь едва ли стоит цента — плюнуть и растереть. Настоящий мужчина ею не дорожит, опа для него лишь ставка в игре. На этот раз в игре под названием «вестерн».

Апологет игры в смерть старик Паркер говорит герою:

«Ты хоть представляешь, для чего вообще существует вся эта штука? Да, они заставляют нас надевать маскарадные костюмы и разгуливать с важным видом, как если бы нам принадлежал весь этот чертов мир. Но они и платят нам огромные деньги — только для того, чтобы мы были мужчинами. Более того, есть еще высшая цена. Мы должны оставаться мужчинами. Не тогда, когда это проще простого, например в самом начале карьеры. Мы должны оставаться мужчинами до конца, каким бы этот конец ни был. Мы не просто играем роли, Том. Мы живем в них, мы ставим на них наши жизни, мы сами и есть эти роли, Том».

Герой рассказа, мужчина из мужчин, неуловимый ковбой, суперпрофессиональ-убийца вдруг усомнился в том, что он правильно живет, в том, что его роль верна и честна. Усомнился — и был убит «настоящим мужчиной», который ни в чем не сомневался.

И как аргумент в споре Тома с Паркером, аргумент против Паркера — еще одно определение «настоящего мужчины» в рассказе «Человекоминимум» («Паломничество на Землю». — М.: Мир, 1966). Его герой Аптон Настойч как раз суперНЕпрофессиональ. Он из тех, кто за-

бивает гвоздь шляпкой вперед, а молотком то и дело падает по пальцам. И вот он-то и становится первопроходцем, основателем внеземной колонии. В обычном представлении первопроходцы больше смахивают на героев «Бесконечного вестерна», но Шекли рассудил иначе. Если на чужой планете сможет выжить в одиночку Антон Настойч, то, значит, она годится для колонизации: остальные уж точно выживут. Что ж, и это будущее устроено не без жестокости: не справится Настойч, — значит, погибнет — такова жизнь! Но герой преодолевает все трудности, побеждает планету и, главное, самого себя: становится сильным, удачливым, умелым и ловким. Если хотите, суперпрофессионалом. От человекомнимума, требующегося для непростой роли первопроходца, приходит к человекомаксимуму. Он и есть настоящий мужчина, именно он, а не персонажи «Вестерна». Настоящий мужчина, считает Шекли, не тот, кто легко и просто сеет смерть, а тот, кто несет жизнь — дереву, птице, человеку, городу, миру.

Соотечественник и коллега Шекли, прекрасный писатель Рей Бредбери писал: «Я не вижу на свете ничего важнее Человека с большой буквы. Разумеется, я подхожу пристрастно, ведь сам я из этого племени... Человек с большой буквы должен жить».

Человек с большой буквы живет в произведениях Рея Бредбери, Клиффорда Саймака, других американских писателей-фантастов, ну и, конечно, в лучших повестях и рассказах Шекли, писателя поистине многоликого, многослойного, — да простится мне спя литературоведческая вольность! Но ведь это прекрасное качество — многоликость! Если фантастика однолинейна, однопланова, это уже не фантастика.

*Сергей Абрамов*

## Содержание

<i>Заповедная зона. Пер. Н. Галь</i>	5
<i>Охота. Пер. В. Бабенко и В. Баканова</i>	29
<i>Верный вопрос. Пер. И. Аевдакова</i>	47
<i>Страж-птица. Пер. Н. Галь</i>	58
<i>Ордер на убийство. Пер. Т. Озерской</i>	89
<i>Призрак-5. Пер. Н. Евдокимовой</i>	128
<i>Необходимая вещь. Пер. А. Ежкова</i>	151
<i>Вор во времени. Пер. Б. Клюевой</i>	168
<i>Ловушка. Пер. А. Санина</i>	197
<i>«Особый старательский». Пер. А. Иорданского</i>	211
<i>Что в нас заложено. Пер. А. Санина</i>	244
<i>Кое-что задаром. Пер. Т. Озерской</i>	260
<i>Поднимается ветер. Пер. Э. Кабалевской</i>	279
<i>Три смерти Бенса Бакстера. Пер. Р. Гальпериной</i>	301
<i>Бесконечный Вестерн. Пер. В. Бабенко</i>	348
<i>Предварительный просмотр. Пер. В. Бабенко</i>	374
<i>Вымогатель. Пер. В. Баканова</i>	387
<i>Мой двойник — робот. Пер. В. Баканова</i>	416
<i>Дипломатическая неприкосновенность. Пер. Н. Евдокимовой</i>	427
<i>С. Абрамов. Этот многоликий Шекли</i>	447

**Роберт Шекли  
МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ**

Ст. научный редактор А. Г. Белевцева. Мл. научный редактор  
М. А. Харузина. Художник К. А. Сашинская. Художественный ре-  
дактор В. Б. Прищепа. Технический редактор Т. А. Максимова.  
Корректор В. И. Киселева

**ИБ № 3865**

Сдано в набор 12.04.84. Подписано к печати 16.08.84. Формат  
 $70 \times 100 \frac{1}{3}2$ . Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.  
Печать высокая. Объем 7,25 бум. л. Усл. печ. л. 18,85. Усл. кр.-  
отт. 37,85. Уч.-изд. л. 19,49. Изд. № 12/3101. Тираж 100 000 экз.  
Зак. 306. Цена 2 р. 10 к.

**Издательство «Мир»  
129820, Москва, И-110, ГСП, 1-й Рижский пер., 2**

**Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государст-  
венном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книж-  
ной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97,**

## Книги, вышедшие в серии «ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА»

### 1965

- Бредбери Р. Марсианские хроники.  
Занднер К. Сигнал из Космоса.  
Кашшай Ф. Телечеловек.  
Лем С. Охота на Этавра.  
Несвадба Й. Мозг Эйнштейна.  
Оливер Ч. Ветер времени.  
Поол Ф. и Корнблат С. Операция «Венера». — Торговцы космосом.  
Туннель под миром. Сборник рассказов.  
Экспедиция на Землю. Сборник рассказов.

### 1966

- Азимов А. Путь марсиан.  
Белая пушинка. Сборник рассказов.  
Шекли Р. Паломничество на Землю.  
Уормсер Р. План Сатирус.  
Фиалковский К. Пятое измерение.  
Хайл Ф. и Эллиот Д. Андромеда.  
Гаузер Г. Мозг-гигант.  
Чапек К. RUR. — Средство Макропулоса. — Война с саламандрами.

### 1967

- Бредбери Р. Вино из одуванчиков.  
Борунь К. Грань бессмертия.  
Времена Хокусая. Сборник рассказов.  
Как я был великанином. Сборник рассказов.  
Кейдин М. В плена орбиты.  
Лем С. Непобедимый. — Кибериада.  
Луна двадцати рук. Сборник рассказов.  
Пришельцы ниоткуда. Сборник рассказов.  
Саймак К. Прелесть.

### 1968

- Гости страны фантазии. Сборник рассказов.  
Каттнер Г. Робот зазнайка.  
Пиршество демонов. Сборник рассказов.  
Саймак К. Все живое.

**Случай Ковальского.** Сборник рассказов.  
**Человек, который ищет.** Сборник рассказов.  
**31 июня.** Сборник рассказов.

## 1969

**Жулавский Е.** На серебряной планете. — Рукопись с Луны.  
**Звезды зовут.** Сборник рассказов.  
**Карточный домик.** Сборник рассказов.  
**Музы в век звездолетов.** Сборник рассказов.  
**Нортон Э.** Саргассы в космосе.  
**Продается Япония.** Сборник рассказов.  
**Фантазии Фридьеша Каинти.** Сборник рассказов.  
**Фрейн М.** Оловянные солдатики.

## 1970

**Бандагал.** Сборник рассказов.  
**Вавилонская башня.** Сборник рассказов.  
**Гаррисон Г.** Тренировочный полет.  
**Кларк А.** Космическая Одиссея 2001 года.  
**Команду С.** Похитители завтрашнего дня.  
**Огненный цикл.** Сборник рассказов.  
**Пески веков.** Сборник рассказов.

## 1971

**Вайсс Я.** Дом в 1000 этажей.  
**Крайтон М.** Штамм «Андромеда».  
**Лем С.** Навигатор Пиркс. — Голос неба.  
**Стальной прыжок.** Сборник рассказов.  
**Шутник.** Сборник рассказов.  
**Фантастические изобретения.** Сборник рассказов.  
**Через Солнечную сторону.** Сборник рассказов.

## 1972

**Дальний полет.** Сборник рассказов.  
**Лвое на озере Кумран.** Сборник рассказов.  
**Клемент Х.** Экспедиция «Тяготение».  
**Космический госпиталь.** Сборник рассказов.  
**Саймак К.** Заповедник гоблинов.  
**Фипней Дж.** Меж двух времен.

## 1973

**Лем С.** Солярис. — Эдем.  
**Нежданно негаданно.** Сборник рассказов.  
**Рассел Э.** Ниточка к сердцу.

**1974**

Браун Ф., Тенн У. Звездная карусель.  
Практическое изобретение. Сборник рассказов.  
Симпозиум мыслелетчиков. Сборник рассказов.

**1975**

Педлер К., Дэвис Дж. Мутант-59.  
Человек-компьютер. Сборник рассказов.

**1976**

Азимов А. Сами боги.  
Кларк А. Свидание с Рамой.

**1977**

Братья по разуму. Сборник рассказов.  
Комацу С. Гибель дракона.

**1978**

Миры Клиффорда Саймака. Сборник рассказов.  
Пять зеленых лун. Сборник рассказов.

**1979**

Азимов А. Три закона роботехники.  
Прист К. Машина пространства.

**1980**

Последний долгожитель. Сборник рассказов.  
Ле Гуин У. Планета изгнания.

**1981**

Кларк А. Фонтаны рая.  
Бова Б. Властины погоды.  
Дорога воспоминаний. Сборник рассказов.

**1982**

Саймак К. Кольцо вокруг Солнца.  
Цвет надежд — зеленый. Сборник рассказов.  
Трудная задача. Сборник рассказов.

**1983**

Бредбери Р. Холодный ветер, теплый ветер.  
Солнце на продажу. Сборник рассказов.

**1984**

Браннер Дж. Квадраты шахматного города.  
Оливер Х. Энерган-22.  
Миры Роберта Шекли. Сборник рассказов.



2 р.10 к.

Зарубежная



фантастика



Издательство «Мир» Москва